

А. ЭРЛИХ
ДИСКУССИИ
ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
В СССР. 1924–1928

ALEXANDER ERLICH
THE SOVIET
INDUSTRIALIZATION DEBATE,
1924–1928

Harvard University Press,
Cambridge,
Massachusetts, 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. БЕЛЫХ

К. ДЭВИС

Я.И. КУЗЬМИНОВ

В.А. МАУ

С.Е. НАРЫШКИН

Ю.А. ПЕТРОВ

Р.М. ЭНТОВ

АЛЕКСАНДР ЭРЛИХ

Дискуссии
об индустриализации
в СССР

1924–1928

« Д Е Л О »

М о с к в а

2 0 1 0

УДК 330.84/.86
ББК 63.3(2)614-2
Э79

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
А.А. Белых

Эрлих А.
Э79   Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924—1928 / Александр Эрлих ; пер. с англ.; под научн. ред. А.А. Белых. — М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2010. — 248 с. — (Сер. «Экономическая история в прошлом и настоящем»).

ISBN 978-5-7749-0605-5

Классический труд А. Эрлиха, родившегося в Санкт-Петербурге, был опубликован в США в 1960 г. Книга посвящена дискуссиям советских экономистов и политиков о модернизации экономики России в сложных политических условиях второй половины 20-х гг. XX века. Особенностью книги является сочетание строгого научного анализа и хорошо-го литературного языка.

Книга адресована экономистам, историкам и всем, кто интересуется историей России.

УДК 330.84/.86
ББК 63.3(2)614-2

© Белых А.А., Белых А.В.,
Цакунов С.В., перевод
на русский язык, 2010

© ГОУ ВПО «Академия народного
хозяйства при Правительстве
Российской Федерации», 2010

ISBN 978-5-7749-0605-5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

Б. Пастернак

История как наука, как форма познания общества, существует в двух измерениях. Это, конечно же, совокупность фактов, событий, которые имели место в прошлом и являются более или менее точно установленными. Но история — это и обширнейшее поле для актуализации современного опыта, для самопознания, для осмысления и переосмысления жизни каждого нового поколения людей.

В своей первой ипостаси история любопытна и может быть даже назидательна — но статична. Во второй — история является полем для интенсивного интеллектуального поиска, для обретения нового опыта, полем актуальной политической борьбы.

Иногда приходится слышать упреки в отношении истории в том, что ее позиции периодически пересматриваются, в том числе и по политическим соображениям. Разумеется, мало кому хотелось бы жить под властью оруэлловского Министерства правды. Однако вовсе не задачами фальсификации определяется то, что история периодически пересматривается. Просто каждое новое поколение должно пережить прошлое заново — и извлечь из него свои уроки. Причем эти уроки для разных поколений подчас оказываются не только не совпадающими, но даже диаметрально противоположными.

Более того, лишь специфический опыт определенного поколения позволяет точнее понять проблемы прошлого, в котором людям приходилось решать экономические и политические задачи, сходные с задачами этого поколения. Так, в полной мере

понять логику и историю революций прошлого могут только те поколения, которые сами проживали эпоху радикальных потрясений.

Недаром на каждом драматическом повороте своего развития общество обращается к прошлому, стремясь найти в нем ответы на острые вопросы сегодняшнего дня.

Приступая к изданию серии книг под общим названием «Экономическая история в прошлом и настоящем», мы хотели привлечь внимание наших современников к проблемам прошлого, актуальным в настоящее время. Читатели сами увидят, насколько современны работы, с которых мы начинаем серию. Эти книги посвящены советской модернизации 20-х гг. XX века, истории развития акционерных банков в России в XIX веке, методологии экономического анализа и прогнозирования, развитой В.А. Базаровым.

Не нужно никакого искусственного осовременивания или научной интерпретации, чтобы понять, как проблемы, исследуемые в этих работах, транслируются на современную жизнь. И наоборот, погруженность в современную действительность позволяет лучше понять смысл и логику развития событий прошлого.

В рамках представляемой серии мы намерены публиковать как работы старых авторов, забытые или почти забытые в наше время, так и исследования современных авторов, посвященные экономической истории и истории экономической мысли. Мы не ограничиваем себя географическими или временными рамками. Тем не менее основное внимание мы предполагаем уделять работам российских и зарубежных исследователей о России. Надеемся, что книги нашей серии будут интересны читателям и помогут им лучше разбираться в проблемах сегодняшнего дня.

Мы замыслили эту серию вместе с Е.Т. Гайдаром – человеком, умевшим поразительным образом сочетать знание прошлого и анализ настоящего. Все его работы пронизаны экономической историей, широчайшим историческим контекстом. К сожалению, практическая реализация этого замысла осуществляется уже без него.

В.А. Май

СОДЕРЖАНИЕ

А. Эрлих и его книга	9
От автора	17
Сокращения	20
Введение	21

Часть 1. ДИСКУССИЯ

перевод С.В. Цакунова, А.А. Белых

<i>Глава I. «Ленинская революция» и ее интерпретатор .....</i>	29
<i>Глава II. Вызовы справа и слева .....</i>	48
<i>Глава III. Попытка синтеза .....</i>	81
<i>Глава IV. Школа Бухарина пересматривает свои взгляды .....</i>	98
<i>Глава V. Искусство лавирования .....</i>	109

Часть 2. ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

перевод А.А. Белых

<i>Глава VI. Дисбаланс .....</i>	117
<i>Глава VII. Возможности снижения напряженности .....</i>	143
<i>Глава VIII. Долговременные перспективы .....</i>	162
<i>Глава IX. Окончательное решение .....</i>	180
Хронология основных событий (1921—1929)	203
Библиография цитируемой литературы	207

Приложение 1

<i>Эрлих А. Сталинизм и марксистские модели роста, перевод А.В. Белых .....</i>	212
---	-----

Приложение 2

<i>Белых А.А. О схемах воспроизводства К. Маркса в дискуссии об индустриализации .....</i>	240
Библиография научного редактора	246

АЛЕКСАНДР
ЭРЛИХ

А. ЭРЛИХ И ЕГО КНИГА

Спор с поэтом

Блажен, кто посетил сей мир...

Ф. Тютчев

О нет, история страшней,
Чем нам, доверчивым, казалось,
Чем думал тот, кто древний хаос
В полночной слышал тишине.

В разрытой, выжженной степи
Почили остовы нагие.
Их тоже звали всеблагие
Как собеседников на пир.

*С. Дубнова-Эрлих¹
Нью-Йорк, 1945*

Александр Эрлих родился в Петербурге в культурной еврейской семье². Его отец Хенрик Эрлих (1882—1942) был юристом и одним из лидеров Бунда, ему А. Эрлих посвятил свою книгу. Его дедом по линии матери был Семен Дубнов (1860—1941) — видный еврейский историк. Мать София Дубнова-Эрлих (1885—1986) была поэтессой, публицисткой. Хенрик и София поженились в 1911 г., в 1912 г. у них родился сын Александр (родные звали его Алей), а через два года — сын Виктор. Х. Эрлих активно занимался политикой. Он участвовал в Февральской революции в 1917 г., вошел в первый состав Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов как представитель Бунда, в октябре 1917 г.

---

¹ Это стихотворение из сборника «Стихи разных лет» (Нью-Йорк, 1973), который София Дубнова-Эрлих посвятила своим детям — Александру и Виктору.

² О жизни А. Эрлиха см.: *Desai P. Alexander Erlich: Biographical Sketch / Marxism, Central Planning and the Soviet Economy: Economic Essays in the Honor of Alexander Erlich.* Cambridge (Mass.): MIT Press, 1983. Ценные сведения содержатся в мемуарах матери: *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца. СПб.: Максима, 1994; брата Виктора: *Erlich V. The Child of a Turbulent Century.* Northwestern University Press, 2006.

стал членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). В воспоминаниях С. Дубновой-Эрлих есть любопытный эпизод. Однажды в октябре 1917 г. няня повела Алю гулять к дворцу Ксешинской. Вернувшись с прогулки, Аля сказал маме, что не хочет Константинополя и проливов. На вопрос, почему он так думает, он ответил: «Они нам не нужны, это дядя сказал»¹. Возможно, когда А. Эрлих писал свою книгу, он вспоминал, что ребенком слушал выступление В.И. Ленина.

Х. Эрлих осудил Октябрьскую революцию, а С. Дубнова-Эрлих даже участвовала 5 января 1918 г. в демонстрации в поддержку Учредительного собрания и едва не пострадала при ее разгоне. В 1918 г. семья переехала в Люблин, а затем — в Варшаву. Александр учился в Варшавской гимназии. В ноябре 1927 г. он вступил в молодежную организацию Бунда. За отказ подписать патриотический адрес Ю. Пилсудскому — фактическому диктатору Польши Александр был отстранен от занятий. Это решение было отменено директором гимназии, но отец Х. Эрлих перевел сына в более либеральную гимназию. Закончив гимназию в июне 1930 г., А. Эрлих переехал в Берлин, где поступил в университет и участвовал в деятельности социал-демократической партии. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. он как еврей был исключен из университета. А. Эрлих вернулся в Польшу и продолжил образование в Свободном польском университете в Варшаве. Весной 1938 г. начал писать дипломную работу, посвященную крестьянским мануфактурам России в XVIII в. Начало войны все изменило.

В ночь с 6 на 7 сентября 1939 г. вся семья покинула Варшаву. Они разделились: в одной группе были Александр и его жена Рэчел, в другой — младший брат Виктор и родители. Семья объединилась в Пинске 16 сентября, а 17 сентября началось наступление Красной армии. Первого октября Х. Эрлих уехал в Люблин, но доехал до Брест-Литовска, где был арестован сотрудниками НКВД. Остальные члены семьи переехали в Вильно, надеясь, что отец находится там. На самом деле Х. Эрлих был отправлен в Москву и содержался в Бутырской тюрьме вместе с арестованным ранее в Польше другим лидером Бунда — Виктором Адлером. В октябре 1939 г. Вильно был передан Литве, и семья Эрлихов спокойно прожила там восемь месяцев. Позже к ним при-

¹ Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца. С. 140.

соединилась будущая жена Виктора Иза Шнеерсон. Для бракосочетания равнину необходимо было согласие отца Изы, но тот оставался в оккупированной немцами Варшаве, и связи с ним не было. Письмо от имени отца было написано Александром, и 27 февраля 1940 г. был заключен брак. После ввода советских войск в Литву над семьей вновь нависла опасность.

Спасение было почти чудом. В 1940 г. главой японской дипломатической миссии в Каунасе был Т. Сугихара, впоследствии его называли японским Шиндлером. Вопреки указаниям своего начальства он сумел выписать несколько тысяч транзитных японских виз для евреев, бежавших из оккупированной Польши. В их числе были члены семьи Эрлих. Александр, Рэчел и их маленькая дочь Мириам смогли получить выездные советские визы и поездом доехать до Владивостока. Затем через Японию они в апреле 1941 г. прибыли в США. Виктор с женой и матерью добирались тоже поездом до Японии и отплыли из Иокогамы в Ванкувер (Канада). Это был последний до Пирл-Харбора рейс японского судна в Северную Америку. В то время у семьи не было информации о судьбе отца.

Х. Эрлих вместе с В. Адлером летом 1941 г. был судим, приговорен к смертной казни, которая была заменена 10 годами тюрьмы. Однако после нападения Германии на СССР советское правительство амнистировало часть польских граждан, в том числе Х. Эрлиха и В. Адлера. Их освободили, поселили в гостинице «Метрополь» в Москве, затем отправили в Куйбышев, где они жили в доме, отведенном польскому послу. Им было предложено начать работу по созданию Еврейского антифашистского комитета, который объединил бы евреев всех стран. Они написали И. Сталину письмо с проектом деятельности такого комитета. Возглавлять комитет должны были трое — Х. Эрлих (председатель), В. Адлер (секретарь), СССР должен был представлять известный актер С. Михоэлс. На письмо долго не было ответа, но, по-видимому, было решено, что Х. Эрлих и В. Адлер являются слишком независимыми политическими фигурами, хорошо известными за рубежом. В ночь с 3 на 4 декабря 1941 г. они были вновь арестованы, судимы и приговорены к расстрелу. Однако исполнение приговора было отложено. Х. Эрлих покончил жизнь самоубийством в тюрьме 14 мая 1942 г., а В. Адлер был расстрелян в феврале 1943 г.

В США А. Эрлих продолжил академическую карьеру в Новой школе общественных исследований (с 1945 г.). В течение пяти лет он был исследователем в Русском исследовательском центре Гарвардского университета. Кандидатская диссертация А. Эрлиха была посвящена советским дискуссиям об индустриализации, на ее основе и написана эта книга. С 1955 г. до самой смерти в 1982 г. А. Эрлих был профессором Колумбийского университета (Нью-Йорк). В сферу его научных интересов входили история экономических учений, марксизм, экономические проблемы СССР и Восточной Европы. Его основным, давно признанным классическим научным трудом стала опубликованная в 1960 г. книга «Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924—1928». Первая реакция на нее была достаточно осторожной — в своей рецензии известный историк Р. Дэвис назвал книгу полезной, но высказал немало критических замечаний¹. Однако постепенно книга стала считаться одним из основных исследований по советской истории. Более того, исследование А. Эрлиха во многом повлияло на последующее восприятие историками и экономистами самой дискуссии и взглядов ее участников. Иногда даже высказывалось мнение, что его анализ представил концепции участников, в частности Преображенского, более последовательными, чем они были на самом деле². В действительности это не так, но именно А. Эрлих привлек внимание западных ученых к работам Е.А. Преображенского и В.А. Базарова. Отражением научного вклада А. Эрлиха стало то, что в последнем издании экономической энциклопедии «The New Palgrave Dictionary of Economics» ему посвящена отдельная статья³.

В чем причина такой популярности? Прежде всего в объекте исследования. Советская дискуссия об индустриализации занимает особое место в истории российской экономики. Во-первых, она носила относительно открытый характер и затрагивала

¹ *Davies R.W.* Review of The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928 by Alexander Erlich // *Soviet Studies*. Jul. 1961. Vol. XIII. N 1. P. 108—110.

² *Millar J.R.* A note on Primitive Accumulation in Marx and Preobrazhensky // *Soviet Studies*. Jul. 1978. Vol. XXX. N 3. P. 385; *Boettke P.J.* The Political Economy of Soviet Socialism. The Formative Years, 1918—1928. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 173.

³ *Flaherty D.* Erlich, Alexander (1913—1985) // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008; *The New Palgrave Dictionary of Economics Online*. Palgrave Macmillan, 19 May 2009. DOI:10.1057/9780230226203.0500.

основные проблемы развития страны. В ней участвовали руководители партии и государства, при этом в их выступлениях и печатных работах был достигнут высокий уровень экономического анализа. Конечно, марксизм как основа для анализа и принцип однопартийности не ставились под сомнение, но такого сочетания относительного демократизма и научного уровня обсуждения Россия не знала ни до, ни после этой дискуссии. Во-вторых, индустриализация 20-х гг. XX в. — частный случай проблемы модернизации России. То, как решалась эта вечная для страны проблема, всегда будет привлекать внимание историков.

Разумеется, интерес к самой дискуссии об индустриализации сам по себе не мог обеспечить успех книги А. Эрлиха. Главными факторами стали глубина анализа и четкая логика изложения материала. Мы не ставим задачу детального рассмотрения работы и ее идей¹. Вдумчивый читатель, несомненно, сам оценит выдвинутые аргументы, даст свою интерпретацию текста. Книга состоит из двух частей. В первой части рассматривается сама дискуссия об индустриализации. Описаны положение страны после начала нэпа и те трудности в экономическом развитии, которые возникли к концу восстановительного периода. Затем проанализированы взгляды тех ученых, которые выступили со своими концепциями. Заметим, что речь идет именно о концепциях, дающих интерпретацию происходивших событий и содержащих взаимосвязанную систему предложений по дальнейшему развитию экономики.

А. Эрлих начинает свой анализ с концепции Н.И. Бухарина. По сути, он выдвинул концепцию сбалансированного роста (гл. I «“Ленинская революция” и ее интерпретатор»). Естественно, эта концепция вызвала критику авторов, предлагавших альтернативные решения проблем. А. Эрлих выделяет «правых» — Л. Шанина и Г. Сокольников и «левых» — прежде всего Е.А. Преображенского. «Правые» пытались ориентироваться на развитие рыночных отношений, на направление капитальных вложений в сельское хозяйство и в отрасли, производящие предметы потребления. Однако они недооценивали важность вложений в производство средств производства, что было необходимо для рекон-

---

¹ Издание снабжено краткими комментариями и статьей, в которой научный редактор анализирует значение схем воспроизводства К. Маркса для концепций участников дискуссии.

струкции промышленности. «Левые», напротив, выступали за скорейшее развитие промышленности, но недостаточно учитывали возможную реакцию крестьянства (гл. II «Вызовы справа и слева»). В современной интерпретации можно сказать, что «правые» предполагали постепенное накопление резервного фонда, который в нужный момент был бы использован для индустриализации, а Е.А. Преображенский выступал за активную промышленную политику и неравновесный рост. А. Эрлих показывает, что наиболее адекватной была концепция индустриализации, выдвинутая В.А. Базаровым, который и до сих пор остался недостаточно оцененным экономистом (гл. III «Попытка синтеза»). Критика «слева» и реалии экономического развития заставили Н.И. Бухарина модифицировать свой подход, что фактически привело к сближению его позиций с позициями Е.А. Преображенского (гл. IV «Школа Бухарина пересматривает свои взгляды»). В то время как ведущие экономисты вели жаркие споры, И. Сталин постоянно пытался занимать центристскую позицию (гл. V «Искусство лавирования»).

При всей важности для современного читателя систематического изложения и точного анализа аргументов, выдвигавшихся участниками дискуссии, еще больший интерес представляет вторая часть, в которой проблемы, обсуждавшиеся советскими учеными и политиками, исследованы с позиций западной экономической теории. При этом А. Эрлих умело сочетает макро- и микроэкономические подходы. Диспропорции, возникшие в экономике, представляли серьезную угрозу (гл. VI «Дисбаланс»). Тем не менее имевшиеся трудности можно было, по крайней мере частично, преодолеть с помощью проведения гибкой экономической политики (гл. VII «Возможности снижения напряженности»). Рассмотрение дискуссии с точки зрения изучения перспектив долговременного экономического роста позволяет по-новому оценить аргументы участников и имевшиеся возможности экономического развития (гл. VIII «Долговременные перспективы»). В заключение автор пытается дать ответ на вопрос о причинах поворота в политике, осуществленного И. Сталиным и его группой. То, что произошло в СССР на рубеже 20—30-х гг. XX в., на первый взгляд выглядит иррациональным, но на самом деле вполне вытекало из логики развития политической ситуации (гл. IX «Окончательное решение»).

Одна из основных идей А. Эрлиха заключалась в том, что идеи экономистов 20-х гг. не потеряли актуальности с завершением дискуссии. К сожалению, он умер в 1985 г., когда в СССР началась перестройка, и не увидел подтверждения своих взглядов. Книги Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского и ряда других участников дискуссии об индустриализации вместе с его книгой были переведены из спецхранов библиотек в открытый доступ. Уже изданы основные труды Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, других российских ученых. И чем дальше, тем большее значение будут приобретать книги, в которых будут не столько описываться, сколько серьезно анализироваться события прошлого. Конечно, современная наука имеет большие достижения в анализе советской экономики и экономической мысли 20-х гг. Со времени издания работы А. Эрлиха на Западе опубликован ряд фундаментальных монографий по этим проблемам. Совершенствуются и методы исследований — проф. Х. Хантер (США) разработал многосекторную динамическую оптимизационную модель советской экономики периода первых пятилеток, которая использовалась для проверки осуществимости альтернатив экономического развития¹. Однако, как убедится читатель, книга А. Эрлиха не устаревает.

Первоначально перевод книги предполагалось напечатать в издательстве «Политиздат» в 1991 г., две главы были изданы в 1990 г. в журнале «Экономика и математические методы»². Однако после распада СССР и реорганизации издательства «Политиздат» оно в одностороннем порядке расторгло договор об издании книги.

Сейчас эта книга А. Эрлиха открывает новую серию — «Экономическая история в прошлом и настоящем»³. В настоящем

---

¹ Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundation. Soviet Economic Policies, 1928 — 1940. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1992.

² «Дисбаланс» (вып. 5. С. 840—853); «Окончательное решение» (вып. 6. С. 1004—1016). Во вступительной статье к этой публикации я писал: «Экономические споры сегодняшнего дня имеют немало общего с дискуссиями 20-х гг., и сходство это отнюдь не исчерпывается тем, что в обоих случаях некоторые ученые выдвигали в качестве цели удвоение национального дохода за 15 лет. Окажется ли сходным и развитие политических событий?» (Экономика и математические методы. 1990. Т. 26. Вып. 5. С. 839). Как показывает совсем недавнее прошлое, идея удвоения экономических показателей продолжает жить.

³ В близком будущем в этой же серии предполагается издать избранные произведения В.А. Базарова (в двух томах).

издании помещены два приложения. Первое — перевод статьи А. Эрлиха «Сталинизм и марксистские модели роста»¹. В ней А. Эрлих подвел итоги своего исследования проблем экономического роста в СССР. Второе — заметка научного редактора «О схемах воспроизводства К. Маркса в дискуссии об индустриализации», которая позволяет лучше понять аргументы участников дискуссии.

Издание книги А. Эрлиха в 2010 г., в разгар экономического кризиса, не менее актуально, чем было бы в 1991 г. Тогда нужно было создавать новую, рыночную экономику, сейчас необходима экономическая политика по выходу из кризиса. По сути дела речь шла и сейчас идет о модернизации российской экономики, о выработке политики эффективного экономического роста. Как и любая крупная работа по истории, книга А. Эрлиха не только помогает понять прошлое, но и дает пищу для размышлений о настоящем и будущем. Мы уверены, что эта книга будет полезна не только историкам, но и всем тем, кого волнуют современные проблемы российской экономики.

А.А. Белых

---

¹ *Erllich A. Stalinism and Marxian Growth Models // Stalinism / J. Tucker (ed.). N.Y.: Norton, 1977. Перевод впервые опубликован в журнале «Экономическая политика» (2009. № 4. С. 125—143).*

ОТ АВТОРА

Здесь я не могу в полной мере выразить мою признательность всем тем, кто своим сотрудничеством и поддержкой дал мне возможность завершить работу над этой книгой.

Больше всего я благодарен трем людям. Абба П. Лернер, мой главный наставник в вопросах экономической теории в годы моей аспирантуры, предложил общее направление этого исследования и следил за основными этапами его развития, проявив неустанный упорство и высказав ряд серьезных критических замечаний. Абрам Бергсон помог более отчетливо определить область моего исследования; в качестве неутомимого читателя и рецензента нескольких черновых вариантов он оказал мне бесценную помощь. Александр Гершенкрон проявил активный интерес к моей работе на ранних ее стадиях и своими советами и искренней поддержкой позволил мне преодолеть многие сложности. Если эта работа имеет какую-либо ценность, то львиная доля успеха принадлежит этим людям. Однако ни они, ни другие мои консультанты и друзья не должны нести никакой ответственности за приведенные здесь точки зрения, а также за ошибки, которые неизбежно могут присутствовать.

Написание моей диссертации, представленной в аспирантуру Новой школы общественных исследований в начале 1953 г. и явившейся основой настоящего исследования, происходило в то время, когда я занимал должность исследователя в Российском исследовательском центре при Гарвардском университете. Клайд Клакхон, первый директор этого центра, проявил ко мне бесконечную доброжелательность и готовность помогать. В результате в течение четырех лет я смог сосредоточиться исключительно на работе над данной книгой. Эта работа велась в дружеской обстановке, стимулирующей научное исследование. Мерль Фейнсон,

Уолтер Гейлнсон, Грегори Гроссман, Дональд Р. Ходжман и Баррингтон Мур прочитали отрывки первого варианта рукописи, и их критические замечания позволили намного улучшить книгу. Исключительно плодотворными были дискуссии с ними, а также с Мириам Х. Берлин, Джозефом С. Берлинером, Робертом В. Даниелсом, Александром Экштейном, Франклином Д. Хольцманом, Бенджамином И. Шварцем, Демитрием Шимкиным, Каролин Р. Шиллинг и Адамом Б. Уламом.

В этот же период, а также в последующие годы мне посчастливилось получить комментарии Эдварда Хайманна, Адольфа Лёве и Ханса П. Нейссера, моих преподавателей из Новой школы общественных исследований, а также комментарии Евсея Д. Домара, Джеймса С. Дьюзенберри, Василия Леонтьева и П.Н. Розенштейн-Родана — все они взяли на себя труд прочитать отдельные главы моей рукописи. Борис Николаевский любезно снабжал меня книгами из своей богатейшей коллекции, а также щедро делился со мной своими воспоминаниями о происходивших в то время событиях и людях. Льву Магеровскому, куратору российских и восточноевропейских архивов Колумбийского университета, я чрезвычайно благодарен за предоставленную возможность ознакомиться с весьма интересными мемуарами Н.В. Вольского, охватывающими период 20-х гг. (1)¹. Любезное разрешение воспользоваться архивами Троцкого, хранящимися в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, позволило мне включить в работу некоторые ранее не публиковавшиеся материалы.

На завершающем этапе моей работы над рукописью многие также оказали мне дружескую поддержку — это Хелен У. Парсон, заместитель директора по административным вопросам Русского исследовательского центра, которая проявила себя истинным виртуозом в оказании необходимой секретарской помощи в максимально быстрые сроки и была для меня неиссякаемым источником дружеского ободрения; Руфь ДеВитт, Джоан Дж. Миллер, Мери Е. Таул и Роуз ДиБенедетто старательно и качественно занимавшиеся перепечаткой рукописи. Мне бы также хотелось выразить благодарность сотрудникам издательства Гарвардского университета, особенно Элеанор Д. Кьюер за ее понимание и сотрудничество и Энн Орловой за тщательное и профессиональ-

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках ссылки на комментарии научного редактора А.А. Бельых, в квадратных скобках — ссылки А. Эрлиха. — *Примеч. научн. ред.*

ное редактирование рукописи. Гранты на исследование, выделенные Исследовательским советом общественных наук, позволили мне завершить объемную подготовительную работу. Грант, предоставленный той же организацией летом 1957 г., дал мне возможность существенно ускорить работу по завершению рукописи, а финансовая поддержка, оказанная Исследовательским советом общественных наук Колумбийского университета, помогла оплатить расходы по напечатанию работы.

Некоторые материалы, содержащиеся в данной работе, ранее были опубликованы. Главы II и IX частично включают мою статью «Преображенский и экономические проблемы советской индустриализации» (опубликована в «Quarterly Journal of Economics», February 1950. Т. 64.). Глава V, по сути, представляет собой отрывок из моей статьи «Взгляды Сталина на развитие советской экономики» (опубликована в книге «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», вышедшей под редакцией Эрнста Дж. Симмонса в Кембридже в 1955 г.). Я благодарен издательствам за разрешение опубликовать отрывки из этих работ. Выражаю свою признательность и издательству MacMillan Company за предоставленную возможность использовать в несколько измененном виде диаграмму из книги Аббы П. Лернера «The Economics of Control» (New York, 1944).

И наконец, безусловно, огромную благодарность заслуживают мои жена и дочь за их помощь при корректуре и печати и в первую очередь за их готовность разделить с автором все сложности работы над рукописью.

Александр Эрлих

8 марта 1960 г.

Институт русских исследований
Колумбийский университет

Комментарий научного редактора

1. Имеется в виду работа Н.В. Вольского (Валентинова) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа». М.: Современник, 1991.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПОСТРАНИЧНЫХ СНОСКАХ И ССЫЛКАХ

- Б** — Большевик
- ВКА** — Вестник Коммунистической академии
- ВКП** — Всесоюзная коммунистическая партия
- П** — Правда
- ПХ** — Плановое хозяйство
- ЭО** — Экономическое обозрение
- QJE** — Quarterly Journal of Economics

ВВЕДЕНИЕ

В период между 1924 и 1928 гг. в Советском Союзе проходила знаменательная дискуссия. Ее важнейшими участниками были ведущие большевистские теоретики и выдающиеся беспартийные экономисты. Заинтересованная аудитория включала каждого, кто политически и интеллектуально выделялся в советском обществе. Дискуссия охватывала широкий круг вопросов: от проблем теории стоимости до незначительных деталей политической жизни. В ее центре, затмевая все остальное, постоянно находилась проблема определения подходящего темпа и модели экономического развития страны.

Дискуссия подобного масштаба соответствовала укоренившейся традиции. По размаху и глубине рассматриваемых проблем она напоминала замечательную идеологическую баталию, достигшую апогея в конце XIX в., во время которой приверженцы западничества, ведомые «учениками Маркса», спорили с народниками, сторонниками «уникальности» России. Действительно, многие советские дискуссии обращались к этому старому диспуту в поиске аргументов в поддержку и полемического запала. И подобно тому как дореволюционные словопрения достигли кульминации под действием таких важных событий, как ускоренная индустриализация 80-х и 90-х гг. XIX в., распад народнического движения после 1881 г., продолжившие их дискуссии советского периода выросли из ряда ошеломляющих поражений и неожиданных успехов.

Поражение германской революции в начале 1920-х гг. и стабилизация марки в 1924 г. означали начало и конец в цепи событий, которые разрушили надежды на близящуюся европейскую революцию. В то же время отступление от военного коммунизма к новой экономической политике, которое произошло почти одновременно с неудавшимся путчем в Центральной Германии и которое было совершено большевистским режимом под давле-

нием опасности экономической катастрофы и политического переворота, оказалось эффективным самым неожиданным образом. Отмена всеобщей продразверстки и переход на продналог сначала в натуральной, а потом в денежной форме, открытие каналов торговли, через которые не облагаемая налогом часть излишков крестьянского продукта могла свободно продаваться, денационализация мелких и средних предприятий промышленности и торговли, перевод основной массы национализированных крупных промышленных предприятий на хозяйственный расчет — эта политика представляла собой очевидный отказ от намерений и надежд «истинного социализма», образ которого был сформирован в сознании десятков тысяч стойких членов партии в годы Гражданской войны. Тем не менее эта новая политика работала. Объем производства крупной промышленности, который упал до 14% по сравнению с предвоенным уровнем к 1920 г. [1], вырос до 46% в 1924 г. и до 75% в следующем году. Товарная продукция сельского хозяйства увеличилась на 64% с 1922 по 1925 г. [2]. Последний не менее важный факт: в 1924 г. впервые после 1917 г. общий объем капиталовложений превысил ежегодное снашивание основных фондов [3].

И все же, хотя этот рост был впечатляющим и непрерывным, в нем ощущалось напряжение, которое выражалось в различных экономических неурядицах. «Ножницы цен» и «кризис сбыта» 1923 г., отражавшие сокращение крестьянского рынка для промышленной товаров, менее чем через два года сменились «товарным голодом» (советский термин для подавляемой инфляции). Вместе с этими временными экономическими трудностями существовали другие, очевидно связанные с первыми постоянные причины для беспокойства. Достигнув почти 40% довоенного уровня в 1924 г., размер товарной части объема сельскохозяйственной продукции в дальнейшем увеличивался незначительно [4]. Восстановление довоенного уровня промышленного производства осуществлялось быстрее и было более плавным. Но здесь также был существенный спад после гигантского рывка вперед в 1925 г. Не только увлечение прогрессом заставляло почувствовать, что приближение к уровню 1913 г., который характеризовал царскую Россию как наиболее отсталую из мировых великих держав страну, отнюдь не было поводом для самоуспокоения.

Таковы были факты, которые характеризовали текущую экономическую ситуацию и послужили импульсом для новых под-

ходов. Успехи нэпа привели к тому, что советская экономика вышла из состояния борьбы за выживание, и увеличили возможности государственного воздействия на ход событий не только путем отказа от непродуманного вмешательства. Однако диспропорции в экономике и постепенное исчерпание возможностей для равномерного развития ясно показывали, что «восстановление» заканчивалось и что необходимо было увеличение мощностей, обеспечивающих экономический рост. В советской терминологии это обозначалось как необходимость перехода от «восстановительного» периода к «реконструктивному». Перспектива длительной изоляции страны во враждебном окружении более сильных государств вызвала необходимость для обеспечения прогрессивного экономического развития опереться на собственные ресурсы в большей степени, чем это было в царской России или чем на это рассчитывали в те бурные годы, когда границы революции, казалось, уже пролегли по Рейну.

Именно здесь стали очевидны основные различия двух идеологических турниров. На первый взгляд советская дискуссия казалась более простой, так как строилась на фундаменте, заложенном несколько десятилетий назад, а также потому, что больше не существовало прошлых принципиальных расхождений. Все спорящие теперь единодушно отказывались рассматривать российскую отсталость в романтическом ореоле. Для всех них индустриализация означала как синоним экономического прогресса, так и совершенно необходимый базис для создания полного социалистического общества в будущем. Однако теоретики 1920-х гг. столкнулись с гораздо более трудной задачей, чем их предшественники. Доктрина, которой «отцы», равно как и «дети», хранили верность, оказалась очень «динамичной». Она четко поставила в центр дискуссии ряд переменных величин и структурных зависимостей, необходимых для изучения экономического роста. Она подчеркивала важность прерывистых скачков в современной экономической истории, и ее сильной стороной было описание роли институциональных сдвигов и сознательной политики в становлении индустриального общества. Когда писатели 1880—1890-х гг. использовали марксистские концепции и методы для исследования текущих событий, а также для объяснения своих пристрастий к тому или другому пути развития страны, они стояли на твердой почве. Совсем другое дело было использовать эти методы для того, чтобы начать процесс индус-

триализации и задать его темп. Кроме описания общего направления движения и ряда общих рекомендаций, «старые книги» не могли дать никаких позитивных указаний. Они, конечно, не держали действенного рецепта для ситуации, когда партия, призванная решать задачу социалистической реконструкции общества, пришла к власти не после индустриализации, которая значительно изменила бы экономическую и социальную структуру страны, а в ранний и наиболее трудный период такой трансформации. Поэтому никогда и никто из сторонников марксизма не был столь озабочен проблемами стадий развития, как представители его российской ветви в предреволюционный период¹. В 1917—1921 гг. зияющая пропасть между унаследованной доктриной и реальной практикой могла быть преодолена на основе веры в то, что революции в промышленно развитых странах Запада,

---

¹ Конечно, Маркс к концу жизни относился с симпатией к народническому взгляду, согласно которому Россия могла миновать стадию промышленного капитализма и основать свою социалистическую систему на крестьянской общине, которую следовало преобразить, внедрив современную сельскохозяйственную технику, заимствованную на Западе. Маркс достаточно подробно высказался по этому поводу в 1881 г. в ответе на письмо Веры Засулич, одной из основательниц марксистского движения в России. Маркс не показал, как будет осуществляться этот процесс «заимствования». Более того, он ослабил свое утверждение, подчеркнув, что процесс разложения общины уже начался — только осуществление в ближайшем будущем революции, по его мнению, могло остановить или повернуть вспять этот процесс. Фактически с момента этого заявления до революции прошло 36 лет, а разложение традиционной сельской структуры продолжалось. Параллельно с этим росла и современная крупная промышленность. Поэтому неудивительно, что в середине 80-х гг. XIX в. русские марксисты писали об общине как о возможной основе социалистического переустройства, а также особо настаивали на «исторической неизбежности российского капитализма». Более того, едва ли было случайным то, что ответ Маркса Вере Засулич «лежал под сукном» в течение четырех десятилетий. Но к 1924 г., когда это письмо вместе с его предварительными набросками было обнаружено, оно не могло принести большую пользу. Оно, безусловно, было полезным доказательством того, что Маркс не был безусловным приверженцем жесткой последовательности социально-экономических формаций и что он сознавал «преимущества отсталости», этот момент был подчеркнут проф. А. Гершенкроном (см. его статью «Проблема экономического развития в истории русской мысли XIX в.» в книге: «Преемственность и перемены в русской и советской мысли» / Под ред. Эрн. Дж. Симмонса. Кэмбридж, 1955. С. 35—36). Более детальный анализ переписки Маркса и Засулич дан в: *Шварц С.М.* Народничество и ранний русский марксизм о путях экономического развития России (1880-е и 1890-е гг.) // Там же. С. 47—54. Но хотя советские марксисты 20-х гг. могли быть благодарными основоположнику за его готовность перескакивать стадии развития, они должны были чувствовать, что он пытался сделать это неправильным способом.

следующие по пути Октября, могли бы сделать советское исключение из правила более ортодоксальным, подтягивая шаткий «базис» России до уровня ее передовой «надстройки». Но эти теоретические конструкции были в последующие годы разрушены до основания.

В целом советские марксисты 1920-х гг. были вынуждены изменять свои экономические взгляды не менее радикально, чем политическую стратегию. В процессе этого пересмотра они должны были адаптировать марксистскую теорию к задачам, для которых она не была предназначена, и сделать это надо было в условиях, которые не анализировались ранее. Одно это делает дискуссию марксистов 20-х гг. отдельной интереснейшей главой в истории экономических теорий — главой, которую особенно уместно изучать в то время, когда после почти векового перерыва вновь начался долгосрочный экономический рост, ставший важнейшим объектом исследования экономической науки, и когда наличие политических факторов в крупных экономических решениях больше не вызывает опасений. По правде говоря, сегодняшние экономисты, которые изучают эти дискуссии, часто бывают поражены несистематическим характером выдвигаемых аргументов — важные положения часто излагались небрежно, анализ резко переключался с одного уровня на другой или увязал в уточнении терминологии. Более того, ведущие участники дискуссии редко затрудняли себя подтверждением своих диагнозов статистическими данными. Тем не менее западный исследователь, который из-за технического несовершенства дискуссии пренебрежет способностью советских теоретиков 1920-х гг. правильно формулировать вопросы и находить конструктивные решения, не увидит внушительного леса за плохо ухоженными деревьями. Действительно, он будет поверхностным, если не поймет, что поднятые проблемы и получаемые решения поразительным образом предвосхитили работу, проделанную за последние 20 лет западными экономистами, работавшими в той же области, но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций.

Без сомнения, дискуссия 1920-х гг. требует к себе серьезного внимания уже из-за присущих ей черт. Но нельзя отрицать, что это внимание должно быть усилено в связи с важными последствиями теоретических дебатов. Советские экономические успехи после 1928 г. стали одним из доминирующих событий нашего

времени: существует мало аналогичных значительных очевидных фактов. Общие очертания той модели, которая возникла в самом начале этого процесса, затем стали хорошо известными: норма накопления, установленная на уровне, возможно не имеющем аналогов в истории капиталистической экономики за сравнимое время, значительный приоритет производства средств производства над производством предметов потребления (с точки зрения размеров и качества используемых ресурсов), сдвиги в области торговли, направленные против сельского хозяйства и доведенные до необычайных размеров для страны, которая удовлетворяла потребности в продовольствии в основном за счет собственного производства. Результаты всего этого стали историей. Согласно фактически единому представлению западных исследователей, расширение советской индустриальной мощи осуществлялось темпом, который по любым меркам был беспрецедентным. Также является бесспорным и то, что этот опасный и трудный путь экономического роста, который вывел Советский Союз в число одной из двух мировых сверхдержав, не только повлек невиданные тяготы для советского населения, но и создал серьезный риск для его руководителей. Отставание в неприоритетных областях постоянно создавало «узкие места» в ключевых секторах экономики, резкие потрясения и постоянное всеобщее напряжение уменьшали эффективность огромных инвестиций и ослабляли экономическую стабильность. Действительно, есть все данные утверждать, что экономическая система в эти начальные годы была не раз на грани взрыва.

Каковы были альтернативы, открытые советской экономике в конце 1920-х гг.? До какой степени советские лидеры сознавали природу системы и свои возможности? Было ли реальное развитие воплощением предварительного замысла или оно в значительной степени было результатом импровизаций? Эти вопросы являются центральными в понимании и оценке советского опыта ускоренной индустриализации. Изучая дискуссию, которая предшествовала первому пятилетнему плану, нам придется потрудиться, чтобы ответить на эти вопросы. Исследуя обмен мнениями, мы можем открыть то, как ведущие участники дискуссии видели ситуацию в период 1924—1928 гг. Следуя за поворотами в аргументации, мы можем надеяться определить не столько расхождения между участниками на основе фактов и научных концепций, сколько то, до какой степени их противоречивые про-

екты отражали разницу в приоритетах и политические расхождения. И затем мы сможем определить, до какой степени взаимное влияние логики стартовых позиций и логики фактов заставило участников дискуссии изменить свои позиции, причем у некоторых наиболее важных участников это изменение было радикальным. Итоги рассмотрения дискуссии, об этом можно предварительно сказать, не будут соответствовать официальной сталинской оценке событий, это тот пункт, который заинтересует западных исследователей, за исключением, возможно, тех, кто в духе квазигегельянства полагает, что отброшенные альтернативы по определению являются неполноценными по сравнению с реализованными. Последнее, конечно, не является той предпосылкой, на которой построено данное исследование.

Все это приводит нас к следующему вопросу. На основе всего сказанного выше кое-кто может заключить, что дискуссия 1920-х гг. относится только к удивительной и отдаленной, хотя и критически важной, стадии в советском развитии. В самом деле так и казалось до марта 1953 г. В этот период западным экономистам не нужно было придерживаться тезиса «все действительное разумно» для того, чтобы считать, что глубоко противоречивые процессы 20-х гг., хорошо это было или плохо, но были взяты под эффективный контроль и что возникшая система, вполне вероятно, если не произойдет всемирного катаклизма, останется неизменной в обозримом будущем. Сегодня, семь лет спустя после смерти Сталина, эта точка зрения гораздо менее убедительна. В контролируемой СССР части земного шара заданные структуры потеряли свою каменную неподвижность. Вновь возникают те же проблемы. Зреют новые «уклоны». И среди этих разногласий по сложным вопросам прежние точки зрения и имена их сторонников возвращаются к жизни более молодыми людьми, которых обучали презирать и игнорировать работы «врагов народа». В наши дни идеи 1920-х гг. еще живы.

Книга разделена на две части. Часть 1 содержит анализ различных точек зрения и тех изменений, которые претерпели некоторые из них в ходе дискуссии. Для ограничения исследования разумными рамками и избежания ненужных повторений в работе показаны определенные точки зрения только тех представителей, которые не ограничивались несколькими замечаниями или проработкой деталей своей аргументации, а выдвигали более или менее завершенные концепции. В части 2 проблемы

экономической дискуссии рассматриваются в соответствии с западной экономической теорией. Здесь же подвергаются критическому рассмотрению позиции отдельных участников. Книга начинается с рассмотрения дискуссии о природе сил, создававших диспропорциональность в советской экономике, затем обсуждаются возможности снижения напряженности в советской экономике с помощью капитальных вложений в различные сектора и экономические проекты и получения максимальной выгоды из внешней торговли. Она заканчивается оценкой этих возможностей с точки зрения долгосрочной перспективы. Эти проблемы слишком сложны, чтобы дать окончательные решения в пределах данного исследования, поэтому оно лишь отражает позицию автора. В последней главе делается попытка объяснить, почему компромиссное решение, принятое партийным руководством, в том числе Сталиным, все же в конце концов было отброшено. Автор стоял перед выбором, оставить этот вопрос без ответа или, сделав глубокий экскурс в область политологии, попробовать ответить на него. Несмотря на весь сопутствующий риск, автор выбрал последний путь. Исследование заканчивается рядом соображений о значении дискуссии для событий, последовавших за смертью Сталина.

Ссылки автора

1. Социалистическое строительство в СССР. М., 1935. С. 3 — цитируется А. Гершенкроном в: *The Soviet Indices of Industrial Production // Review of Economic Statistics*. 1947. Vol. 29. P. 218.

2. Крумин Г. Основные достижения истекшего хозяйственного года и ближайшие задачи // *Экономическое обозрение*. 1925. № 12. С. 8.

3. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/27 год. М.: Госплан СССР, 1926. С. 314.

4. Крумин Г. Основные достижения истекшего хозяйственного года и ближайшие задачи. С. 8.

Часть 1

ДИСКУССИЯ

Глава I

«ЛЕНИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАТОР

«Пересадка, которую мы произвели весной 1921 г... была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так что между нами никаких прений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было» [1]. Эта оценка, сделанная 20 месяцев спустя, была, без сомнения, верной. Однако ее автор проявил здесь не только обезоруживавшую скромность. Важное решение отменить политику «военного коммунизма» не вызвало и не могло вызвать никаких существенных разногласий. Перед лицом экономической разрухи и нарастающего общественного недовольства никакого другого выбора не было. Поэтому казалось естественным считать новый курс простым отступлением, осуществленным для того, чтобы избежать немедленного краха. Таково действительно было общее мнение. Потребовалась совершенно исключительная политическая и интеллектуальная гибкость, чтобы пойти дальше и увидеть среди огромных препятствий возможности движения вперед к той же конечной цели более длительным, но зато более безопасным окольным путем. Именно Ленин вновь продемонстрировал свою способность не только руководить партией в условиях радикального изменения политики, но и пересматривать ее стратегию, без колебаний отбрасывая заветные идеи, приоритеты и стереотипы мышления. Действительно, переход к нэпу в большей степени означал перемену для соратников Ленина, чем для него самого. Он вполне мог считать, что защищал подобные взгляды уже в

самом начале 1918 г. Однако впоследствии Ленин отклонился от этой позиции гораздо сильнее, чем это объяснялось бы условиями Гражданской войны. Этот факт он позже прямо признавал, говоря о «волне энтузиазма», которая захватила большевиков и позволила считать «возможным организовать государственное производство и распределение продуктов на коммунистической основе в мелкобуржуазной стране непосредственно по распоряжению пролетарского государства». «Опыт показал, — продолжал он, — что мы ошибались» [2]. Более того, хотя конкретные предложения походили на то, от чего отказались три года назад, понимание экономической системы и ее перспектив было поразительно новым.

Решающей задачей, как подчеркивал Ленин в своей брошюре «О продналоге», было принятие самых экстренных мер для «улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил».

«Почему именно крестьянства, а не рабочих? Потому что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас “задержка” самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе...

Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянства продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. ...“Военный коммунизм” был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. ...Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину...»

После того как было объяснено, что вновь восстановленный «продналог» представляет первый шаг в этом направлении: «минимально необходимое (для армии и рабочих) количество хлеба

берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности», — Ленин продолжал:

«Нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производства мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т.п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу...»

После этого яркого изложения традиционной концепции ограниченности ресурсов, следовал ряд выводов, которые казались удивительными, как из-за экономического содержания, так и в связи с социально-политическими последствиями. Ленин призывал к принятию целенаправленных усилий для привлечения западных частных инвестиций путем сдачи в концессии большого количества предприятий обрабатывающей и добывающей отраслей. Прилив капитала, полученный ценой этих концессий, обеспечит возможность «увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок», а с другой стороны, позволит усиливать «крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного». Но этот доставшийся дорогой ценой приток ресурсов извне не мог избавить советское руководство от необходимости уменьшить свои политические амбиции:

«Необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы. Что же из этого получается? Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно...

Либо пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли, т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее...»

Подводя итоги и выделяя детали, Ленин был гораздо более настойчивым:

«Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость “запертого” оборота про-

мышленности с земледелием, — значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности... *Всячески и во что бы то ни стало развить оборот*, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас... достаточно узкие, достаточно “умеренные”. Такова основная суть продналога, таково его экономическое значение.

...Местная или привозная соль, керосин из центра, кустарная деревообрабатывающая промышленность, ремесло, на местном сырье дающие некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина продукты, “зеленый уголь” (использование местных водных сил небольшого значения для электрификации) и так далее и тому подобное — все должно быть пушено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать» [3].

Ленин никогда не отступал от этой позиции. Без сомнения, когда непосредственная опасность миновала, в его высказываниях появились новые подходы — особое внимание уделялось долгосрочным перспективам. Гораздо решительнее, чем когда-либо раньше, Ленин защищал разделяемое им принципиальное положение дореволюционного русского марксизма. В полемических заметках о книге Н. Суханова «Записки о революции» он заявил, что в определенной ситуации пролетариату целесообразнее сначала захватить власть и затем создать предпосылки для строительства полного социализма, а не ждать, когда эти предпосылки будут созданы в процессе капиталистической эволюции. Именно в этом смысле было введено знаменитое понятие «догонять»:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-

крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. ...Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [4].

В своей последней статье он сформулировал свое понимание перспективы:

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее. В этом, и только в этом, наша надежда...» [5].

Все же не оставалось никаких сомнений относительно предполагаемого темпа движения к этой цели. В этой же статье с характерным заглавием «Лучше меньше, да лучше» Ленин призвал «проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед» и предостерег от увеличения госаппарата, при котором не учитывалась нехватка квалифицированных и ответственных служащих. То же самое, повторял он вновь и вновь, относится и к экономической политике:

«Мы должны и мы можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной... Здесь мы не можем так быстро достигнуть наших целей, как нам удавалось это в области политической и военной. Тут мы не можем идти порывами и прыжками, и сроки здесь другие — они исчисляются десятками лет. Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей» [6].

«Наша цель... доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического, с точки зрения крестьянина, — доказать, что мы ему умеем помочь... Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо...»

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно бу-

дет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» [7].

Влияние, оказанное «революцией Ленина», проявилось не сразу. Необходимо было решать сложные задачи преодоления последствий крушения старой политики, многие действия были вынужденными, и ситуация не позволяла заниматься обсуждением теоретических проблем. Однако после завершения борьбы за выживание, по мере все более глубокого изучения новых ленинских идей появились явные разногласия.

Именно эти ленинские идеи выбрал Н.И. Бухарин в качестве отправной точки, когда формулировал свою позицию по ключевым вопросам экономической политики три с половиной года спустя, и в этом отразилось серьезное изменение в преобладающих настроениях. Бухарин после Октября 1917 г. принадлежал к группе, которая была против Брест-Литовского мира и которая оставалась леворадикальной фракцией большевистской партии, жестко настаивая на более активной национализации и установлении прямого контроля над всей экономикой. Его «Экономика переходного периода» была теоретическим манифестом «военного коммунизма». Без сомнения, он был наиболее образованным марксистом не только в своей группе, но и во всей партии, обладавшим поразительными способностями к рациональному мышлению, научному подходу к вопросам политики и доведению своего анализа до практических последствий. И если «Экономика переходного периода» поразила некоторых друзей Бухарина крайностями ее предположений и выводов, то такой же эффект дало изменение его подхода.

Бухарин начал с того, что вновь подтвердил в обобщенной форме ленинскую характеристику «военного коммунизма». Сущность экономической политики в тот период, как он утверждал, заключалась в том, что основное внимание уделялось перераспределению полученного дохода, а не расширенному воспроизводству. Теперь для решения этой задачи недостаточно было владеть материальными ресурсами. Отдельные факторы производства могли соединиться в производственном процессе только тогда, когда их обладатели имели для этого ощутимые стимулы. В годы «военного коммунизма» таких стимулов не было ни для крестьян, которые насильно лишались прибавочного продукта без какой-либо компенсации, ни для рабочих, чья заработная плата

совсем не была связана с их производственным вкладом. Бухарин понимал, что критика Мизесом ошибок управления экономикой при социализме была справедливой, по крайней мере, по отношению к политике военного коммунизма (1). Однако не было никаких причин продолжать эту политику после окончания гражданской войны. Нельзя было допустить никаких помех и идеологических препятствий политике «развязывания товарооборота», которая могла бы соединить факторы производства. Вместо того чтобы резать курицу, несущую золотые яйца, необходимо было дать ей возможность нестись:

«...Используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление, мы вместе с тем в известном смысле ставим их объективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом. Развязав товарооборот, мы тем самым дали возможность выявиться заинтересованности мелких частных производителей, стимулировали расширение производства, поставили на службу социализму индивидуалистические стимулы отсталых слоев рабочих, которыми движут не коммунистические идеи, а частные интересы, путем введения формально прежней системы оплаты — сдельщины и пр.» [8].

Бухарин без колебаний признал, что эта политика подразумевала существенный пересмотр общепринятых взглядов на социалистическое плановое хозяйство:

«Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства. Наши теперешние представления иные. Мы захватываем главные командные высоты, ставим главное, а затем наше государственное хозяйство разными путями, даже иногда конкурируя с остатками частного капитала через рыночные отношения, постепенно все больше и больше увеличивает свою экономическую мощь, все более увеличивает свое могущество и постепенно втягивает отсталые экономические единицы разными методами в свою собственную организацию, причем проделывая это, как правило, через рынок» [8].

При более внимательном рассмотрении становится совершенно ясно, что понятие «рынок» для Бухарина имело две стороны. Роль рынка как стимула для индивидуумов для него была неотделима от его «макроэкономического» аспекта — как механизма реализации совокупного общественного продукта. Бухарин дал

анализ этого второго аспекта с помощью экскурса в «теорию реализации», очерченную во втором томе «Капитала» К. Маркса и ставшую предметом длительного обсуждения в марксистской литературе. Бухарин отвергал тезис Розы Люксембург о том, что в рыночном хозяйстве, состоящем только из капиталистов и рабочих, капитализация прибыли и последующее расширение производства неизбежно приведут к кризису, так как увеличение предложения товаров не будет сопровождаться соответствующим ростом спроса. Заработная плата новых рабочих, доказывал Бухарин, может быть использована на покупку прироста товаров массового потребления, потребляемая же часть возросшей прибыли обеспечит рынок для дополнительного количества предметов роскоши, в то время как накапливаемая часть прибыли позволит реализовать возросший объем средств производства. (Возможность того, что ожидаемые сбережения могут превышать объем инвестиций, не рассматривалась ни в данной схеме, ни в какой-либо другой версии марксистского макроэкономического анализа.) Однако в то время как, по мнению Бухарина, отставание конечного спроса от увеличения валового продукта не было имманентной чертой капиталистической экономики, оно неизбежно должно было периодически возникать в результате «анархической структуры» капитализма. Учитывая, что «отрасли, изготовляющие средства производства, представляются *предварительными стадиями производства средств потребления*, как бы велики сами по себе они ни были» [9], отставание потребительского спроса от роста производственных мощностей вызвало бы спад в обоих подразделениях экономики. Поэтому, хотя у Бухарина в этом вопросе было существенное расхождение с Р. Люксембург, он гораздо сильнее нападал на Туган-Барановского, считавшего, что производство средств производства может постоянно (в пределах, обусловленных невозпроизводимыми природными ресурсами) увеличиваться, обгоняя рост потребления, которое может даже уменьшаться.

Бухарин считал, что эти положения имели непосредственное отношение к ситуации в Советском Союзе. В условиях России пропорциональность между производством и потреблением была непосредственно связана с отношением размера выпуска городской промышленности к уровню платежеспособного спроса крестьянского населения. «На относительном сужении рынка крахнул царизм» [10], а «ножницы цен» 1923 г. в драматичной форме напомнили, что советская система подвержена тем же опаснос-

тям, если в политике будет преобладать «прикладная туган-барановщина». Однако этот кризис, один из самых сильных с начала нэпа, в то же время показал правильный путь борьбы с указанными трудностями:

«Стоило только нажать на цены, как оказалось, что: 1) промышленность стала развиваться гораздо быстрее и спрос стал перегонять предложение; 2) прибыли промышленности вовсе не исчезли; 3) темп накопления возрос; 4) одновременно стало быстрее расти сельское хозяйство; 5) в результате получился хозяйственный рост по всей линии» [11].

Приведенная цитата предвосхищает вопрос, который неизбежно должен был возникнуть в связи с предлагаемой политикой и которому суждено было сыграть наиболее важную роль в советской экономической дискуссии. Общее понижение промышленных цен было для Бухарина не просто неизбежным приспособлением к ограниченному спросу. Оно было началом большого экономического роста. Здесь вновь существовало удачное совпадение «микроэкономических» и «макроэкономических» факторов. В рассматриваемый период первый фактор постоянно воздействовал на второй. Поведение, которое было бы верным с точки зрения индивидуальной фирмы, в условиях рыночной конкуренции обязательно приводило бы к прогрессу всей экономики в целом. В самом деле снижение цен сократило бы размер прибыли, приходящейся на единицу продукции. Однако это увеличило бы объем продаж (и одновременно сократило бы период, в течение которого запасы непроданных товаров хранились на складах, вызывая дополнительные издержки обращения)¹. Поэтому в итоге общий объем прибыли увеличился бы.

---

¹ См.: Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок // Б. 1924. 10 дек. С. 52. Аргумент об избыточных запасах товаров звучит неубедительно. Ясно, что подобный избыток возникал не просто в связи с небольшим объемом продаж, а в результате того, что этот объем из-за неожиданно низкого спроса не достигал планируемого уровня. Но хотя руководители советской промышленности вполне логично реагировали на это снижением цен, избавляясь таким образом от непродаваемых товаров, дальнейшие действия были неочевидны. Уменьшение производства до того объема, который можно было продать по высоким плановым ценам при существовавшем спросе, могло бы вскоре также снизить запасы, как и при снижении цен при сохранении более высокого уровня производства. Следовательно, для борьбы с затовариванием оба метода были равноценными. Конечно, использовать для этого оборудование с длительным сроком службы, приобретенное в расчете на более высокий уровень производства, было сложнее, чем управлять «товарами в обороте», но Бухарин совсем не это имел в виду.

Не менее важным в долгосрочной перспективе был бы и другой результат этой политики. Устранение легко получаемых монополистических доходов путем снижения цен лишило бы руководителей предприятий самодовольства и заставило бы их активно стремиться к улучшению технологии и методов производства. Тогда опасность «паразитического загнивания» была бы существенно уменьшена и емкость рынка возрастала бы по мере снижения издержек на единицу производимой продукции. В сфере внешне-экономических отношений устранение (или, по крайней мере, ослабление) государственной монополии также стимулировало бы рост национального продукта и торговли. Последнее было тем пунктом, который Бухарин использовал в своей критике монополии внешней торговли осенью 1922 г. и в дальнейшем. Прилив дешевых иностранных товаров, утверждал он тогда, приведет к росту национального производства, так как это увеличивает товарность крестьянского хозяйства и стимулирует производство промышленной продукции, дополняющей импортируемые товары. Совокупное увеличение спроса на промышленные товары, являющееся результатом такого развития, обязательно нейтрализовало бы негативное влияние импорта на производство аналогичных товаров в России.

«Что дает ввезенный трактор? Он *немедленно* увеличивает сельскохозяйственную продукцию. Это значит: увеличение емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на продукты промышленности (и на средства потребления, и на средства производства), повышение с.-х. экспорта, тракторы сами создают спрос на ряд промышленных продуктов: на нефть, например, расширение спроса на нефть в свою очередь дает себя знать на целом ряде отраслей, связанных с нефтяным производством, и т.д. Но в конце концов все это создает и добавочный спрос на тракторы. Ибо общий подъем с.-х. экспорта и т.д. раздвигает все быстрее границы этого спроса. Совершенно нелепо представление о неизменном спросе и даже о неизменном темпе накопления. Другими словами: базис для домашнего тракторостроения отнюдь не уничтожается и нужно вовремя подтягиваться и бросать в оборот свою продукцию, как только раздвинутся границы производства» [12].

На первый взгляд то, что Бухарин занял такую «либеральную» позицию в вопросе о внешней торговле, выглядит парадоксом — он не обращал никакого внимания на проблему импорта капи-

тала. На самом деле он получал явное удовлетворение от наклеивания ярлыка «полуменьшевизм» своим оппонентам, которые делали упор на иностранные капиталовложения. В связи с этим он резко отличался от Ленина, который открыто высказывался в пользу концессий. Конечно, экономическая ситуация 1924 г. была менее сложной, чем три года до этого, что позволяло отвергать некоторые очевидно неприятные рецепты. Однако нет оснований утверждать, что Ленин рассматривал иностранные капиталовложения только как сильно действующую крайнюю меру. Главная причина разногласий лежала в ином. По Бухарину, политика «развития торговли любой ценой» была не просто необходимым, но и существенным условием для полного восстановления крупной промышленности. Создатель же этой стратегии был менее оптимистичным, и, как будет показано, для этого были веские причины.

* * *

Снижение цен, сопровождавшееся общей реорганизацией в промышленности, было не единственным способом преодолеть рыночные ограничения. Проблема должна была рассматриваться и с другой стороны. Бухарин доказывал, что крестьяне увеличат эффективный спрос на продукцию промышленности только в том случае, если смогут, расширяя и улучшая свои производственные мощности с помощью постоянных капитальных вложений, увеличить свои доходы. Этот рост крестьянской экономики, однако, не мог осуществляться до тех пор, пока имевшие средства крестьяне, готовые к расширению производства, ограничивались законами, запрещающими использование наемного труда, и подвергались непрерывной дискриминации и наказаниям:

«Зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, боятся сейчас накапливать. Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком, если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной... зажиточный крестьянин недоволен тем, что мы ему мешаем накапливать, нанимать работников, с другой стороны, деревенская беднота, которая страдает от перенаселения, в свою очередь, ворчит на нас иногда за то, что мы мешаем ей наниматься к этому самому крепкому крестьянину» [13].

Все эти юридические и психологические пережитки «военного коммунизма», очевидно не соответствовавшие духу нэпа, должны были быть искоренены: «крестьянин должен иметь перед собой советский порядок, советское право, советский закон, а не советский произвол, умеряемый “бюро жалоб”, неизвестно где обретающимся» [14]. Ограничения на наем рабочей силы должны были быть сняты или, по крайней мере, смягчены.

К предложениям по исправлению неправильных действий Бухарин добавил практические рекомендации. Всестороннее поощрение крестьянской кооперации было, по его мнению, самым важным конструктивным шагом, который советская власть могла сделать в области сельского хозяйства. На первых порах кооперация развивалась бы в «сфере обращения» и включала бы продажу сельскохозяйственной продукции, покупку промышленных товаров, кредитование. Существование крестьян в виде мелких производителей в массе своей сохранялось бы в течение продолжительного времени. Здесь вновь стимул, основанный на личном интересе, обеспечивал бы мощную поддержку достижению общественных целей. Крестьяне имели бы вполне ощутимые стимулы для вступления в кооперативы, где они получали бы более выгодные условия для торговли и доступ к дешевому кредиту, тем самым уменьшая свою зависимость от деревенских ростовщиков.

«Что мы должны всячески пропагандировать среди крестьянства объединения в коллективные хозяйства, это верно, но неверно, когда утверждают, что это есть столбовая дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма. Как же мы должны втягивать в нашу социалистическую организацию крестьянство? Только путем хозяйственного заинтересовывания крестьянства. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получать дешевый кредит, если это кооперация по сбыту, то он должен более выгодно продавать свой продукт и быть от этого в выигрыше. Если он хочет закупить что-нибудь, то он должен это делать через свою кооперацию, он должен получать через кооперацию более добротный и более дешевый товар и таким путем строить кооперацию дальше» [15].

Улучшение крестьянской экономики получало стимул, что, в свою очередь, ускоряло бы промышленный рост. Взаимодействуя таким образом с промышленностью, одна за другой отрасли сельс-

кого хозяйства постепенно перерастали бы границы индивидуальных крестьянских хозяйств и перестраивались бы на принципах крупного производства и коллективной собственности.

Именно в данном контексте Бухарин возродил знаменитый лозунг Франсуа Гизо «Обогащайтесь!», преследовавший его долгие годы: «Мы должны сказать всему крестьянству, всем его слоям: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»¹. Он не пытался отрицать, что предлагаемый им путь может увеличить экономическую силу группы, которая рассматривалась как крупнейший остаток капитализма в советском обществе и потенциальный базис для реставрации. Однако, по его мнению, для решения этих сложных проблем не нужно было мешать зажиточному крестьянству путем ограничений и запретов или совершать «вторую революцию», которая положила бы конец существованию этого нового верхушечного слоя в деревне, точно так же как революция 1917 г. сделала это по отношению к его старому предшественнику. Советское государство могло обратиться к методам, не приводящим к подобным потрясениям и волнениям, — экономически рациональное можно было сочетать с общественно приемлемым. Рост кооперации улучшил бы экономическое положение крестьянства в целом и таким образом подорвал бы основы могущества кулака. Конечно, кулаки также могли получить выгоду от этой более высокой формы организации, как создавая собственные кооперативы, так и проникая в уже созданные. Но преимущества, получаемые бедняками и середняками, которые до этого были в определенной степени зависимыми от деревенских богатеев, были бы гораздо больше, поскольку государство оказывало бы им всестороннюю поддержку. Шкала налогообложения с резким ростом ставок при росте дохода содействовала бы уменьшению различий в доходах. Более того, часть находящегося в распоряжении кулаков дохода могла быть накоплена и направлена в социалистический сектор и через каналы национализированной кредитной системы помогала бы его расширению². Конечным результатом такого посте-

¹ О новой экономической политике и наших задачах. Ч. II // Б. 1925. 1 июня. С. 5. Эта формула произвела фурор, и Бухарин вскоре вынужден был трижды от нее отказаться, но он не отрекся от лежащей в ее основе идеи. См.: XIV съезд ВКП(б). М.; Л., 1926. С. 150.

² «Если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам» (Б. 1925. 30 апр. С. 14).

пенного выравнивания и усиления влияния находящихся под контролем государства «командных высот», была бы смерть кулака, наступившая после того, как не по своей воле он оказывал бы помощь социалистической экономике, — классический пример гегелевской «List der Vernunft» (2).

Такова была в основных чертах позиция Бухарина в середине 1920-х гг. Ее политическое содержание обнаружить было не так сложно, фактически Бухарин не скрывал его. Он боролся против троцкистского представления о том, что крестьяне-единоличники, после того как они помогли городскому пролетариату захватить власть и удержать ее в борьбе против монархистов и помещиков, неизбежно должны повернуться против своего союзника тогда, когда тот начнет социалистическую перестройку общества. Сотрудничество рабочего класса с основной частью крестьянства было не менее необходимым в развитии и укреплении социалистического строя, чем для завоевания власти и победы в Гражданской войне. Для Бухарина это послужило важнейшим уроком событий 1921 г. и «кризиса сбыта» 1923 г. Нужно было доказать, что этот «блок» был не только необходим, но и возможен. Надежды на мировую революцию, по мнению Бухарина, не давали основания говорить о быстром решении проблемы. В середине 20-х гг. ее перспективы казались более отдаленными, чем когда бы то ни было после победы большевиков. Однако и победа мировой революции поначалу просто воспроизвела бы российскую ситуацию в мировом масштабе — возникло бы огромное численное превосходство крестьянских масс неразвитого Востока над пролетариатом Запада [16].

Именно поэтому Бухарин активно занялся выработкой политики, которая позволила бы достичь приемлемого компромисса между двумя партнерами «блока» и сохранить его, несмотря на все проблемы. Добиваясь этого, он был часто неразборчив в выборе аргументов и довольно бесцеремонен в их подаче. Примером этого была его резкая критика Туган-Барановского. Бухарин был не прав, когда продолжал настаивать, что текущие капиталовложения не могут дать в будущем иного результата, чем увеличение потребления. Он не осознавал, что главная проблема была не в технологической возможности «создания фабрик, бесконечно создающих новые фабрики» (если использовать знаменитое высказывание Дж.Б. Кларка), а в экономическом обосновании того ошеломляющего темпа увеличения капиталовложений,

которого требовала эта политика. Другими словами, и он, и его оппоненты не до конца осознавали возможность снижения отдачи от инвестиций.

Неудивительно, что Бухарин не переставал задаваться вопросом о различиях в техническом прогрессе в плановой и рыночной экономиках. Замечание о том, что в результате технического прогресса при социализме удельный вес потребительских товаров в совокупном общественном продукте будет расти быстрее, чем при капитализме [17], не могло заменить такое исследование. Не помогали также те специфические критические замечания, с помощью которых он пытался подкрепить свои позиции. Например, Бухарин попал мимо цели, когда выразительно спросил: что произойдет с увеличением выпуска товаров, возникшим в результате появления новой техники [18]? Если подразумевались средства производства, то в экономической модели Туган-Барановского для них были готовые рынки, а если потребительские товары, что, по-видимому, имел в виду Бухарин, то рост их производства в расчете на душу населения вполне мог совмещаться с постоянным или даже с понижающимся объемом выпуска промышленности, в которой происходили инновации, и с постоянным перемещением ресурсов в самовозрастающий сектор, производящий средства производства. Здесь вновь необходимо было исследовать основополагающее предположение о том, что этот сектор мог бы расширяться независимо от сокращения потребления. Однако ни Бухарин, ни другие марксисты, критиковавшие Туган-Барановского, никогда не пытались это сделать. Его замечание, что расширение производства средств производства вызвало бы рост спроса на потребительские товары со стороны вновь привлеченной рабочей силы, имело тот же недостаток, вызванный недостаточным пониманием специфики критикуемой теории. В схеме Туган-Барановского общий уровень занятости не повышается, а остается постоянным или, что более вероятно, постепенно снижается в результате массовой и некомпенсируемой замены рабочих машинами. Но даже если отказаться от этого положения, до тех пор, пока продолжался бы самоподдерживающийся рост капиталовложений, «спрос на потребительские товары» приводил бы к раскручиванию инфляционной спирали, а не к увеличению потребления.

Еще важнее то, что применение результатов исследования для анализа существовавших проблем было неправильным. Даже если

бы Бухарин был во всем прав в своей критике, он доказал бы только то, что политика ускорения капиталовложений по сравнению с потреблением обязательно приведет к превышению предложения над спросом, но не ранее чем новая фабрика будет построена и введена в действие. Было бы, конечно, странно считать это подходящим объяснением причин кризиса сбыта в народном хозяйстве, которое только собиралось возобновлять строительство своих фабрик. Также не было очевидно, почему именно крестьянский спрос должен был рассматриваться как основной и почему иной спрос не смог бы компенсировать его снижение. Это утверждение имело смысл лишь с точки зрения теории недопотребления, которая, как мы видели только что, была решительно осуждена. В действительности Бухарин допускал это во многих своих утверждениях. Он пытался защитить себя путем перевода дискуссии в практическую плоскость и подчеркивал трудности реорганизации экономики, которая была приведена в движение в определенном направлении.

«Народники утверждали, что накопление невозможно вообще без “третьих лиц” (например, крестьян). Это положение неверно. Но с этим нельзя спутывать другого вопроса, а именно: если дана такая система экономических отношений, где промышленность уже работала на крестьянский рынок, где она не могла быть вне связи с этим рынком, то промышленная конъюнктура, темп накопления и т.д. не могут зависеть от роста производительных сил сельского хозяйства» [19].

И хотя эти замечания содержали долю истины, этого было недостаточно для серьезного доказательства.

Тем не менее вся эта путаница сама по себе не была губительной для аргументации Бухарина. Когда он доказывал, что ключевой проблемой советской экономики 20-х гг. было соотношение городской промышленности и сельского хозяйства и что развитие первой зависело от возрождения и роста второго, он, безусловно, был прав. Чтобы доказать это, не нужно было использовать призрака «прикладной туган-барановщины» или говорить о технологической ограниченности, поскольку возможности для менее спорного доказательства были под рукой. Он четко указал на главный момент, когда говорил о необходимости «мобилизовать, привести в движение связанные элементы хозяйства, обеспечить их влияние друг на друга, сделать возможным их взаимодействие, которое и будет иметь своим результатом рост про-

изводительных сил» [20], а также о «более интенсивном использовании единицы капитала» [21]. Это был действительно тот основной фактор, определявший все остальное.

Советская крупная промышленность в ранний период нэпа могла бы увеличивать выпуск без какого-либо предварительного увеличения производства, поскольку существовали большие резервы неиспользованных мощностей. Но такой рост нельзя было обеспечить без увеличения объемов и роста эффективности использования рабочей силы на действующих предприятиях, а для этого было необходимо улучшение продовольственного снабжения. Более того, важные отрасли обрабатывающей промышленности не могли начать действовать без сельскохозяйственного сырья, а поскольку стала развиваться внешняя торговля, экспорт хлеба мог сыграть свою традиционную роль как источник выручки для приобретения иностранных средств производства для российской промышленности.

В связи с этим кажется странным, что Бухарин придавал такое приоритетное значение крестьянскому спросу. Хотя он не сумел правильно разрешить проблему, он пытался это сделать, а в то время это было более чем достаточно для всех практических целей и задач. С теоретической точки зрения советское правительство могло компенсировать сокращение крестьянского спроса путем стимулирования расходов в городском секторе, хотя различия в модели потребления потребовали бы определенной переориентации в промышленном производстве. Однако в тот момент это было нелегко сделать из-за упадка советской тяжелой индустрии. (Этот момент мы рассмотрим гораздо подробнее ниже.) Но не существовало альтернативной возможности смягчения того удара, который могло бы нанести ограничение поступления сельскохозяйственных продуктов в город. Другими словами, в то время как крестьянский спрос было легче удовлетворить, чем обеспечить крестьянское предложение, пока первому не было бы уделено должного внимания, второе существовало бы в совершенно недостаточных размерах. Опыт «военного коммунизма» полностью подтвердил это. К тому же политика ориентации на крестьянский спрос вызвала бы цепную реакцию в другом секторе. Предоставляя крестьянам лучшие условия торговли, чем это делала политика «последовательно-монополистических» цен, городская промышленность выигрывала бы в долгосрочной перспективе, так как получала бы большее количество

сельскохозяйственных продуктов. Тем самым появлялась возможность увеличения использования резервных мощностей и снижения издержек производства, что в свою очередь создало бы предпосылки для начала нового цикла общего экономического подъема. Бухарин, по-видимому, имел в виду такое развитие событий, когда он заявлял, что «в руках у пролетариата при восходящей кривой производительных сил имеется закон крупного производства» [22]. «Когда начинается подъем, руководящая роль города становится непреодолимой, и так как мы уже в эту полосу вступили, то есть все основания полагать, что, усиливаясь во все увеличивающейся прогрессии, мы достигнем очень быстрого темпа развития» [23]. Точно так же для него было совершенно логичным, что ограничение «легких» монопольных прибылей поставит руководителей советских предприятий перед жесткой необходимостью снижать издержки производства путем организационных и технических улучшений. Он мог бы добавить, что некоторые из них не стали бы требовать никаких дополнительных существенных капиталовложений с учетом спада, возникшего в промышленности отсталой страны после длительного перерыва, вызванного гражданской войной и инфляцией. И здесь не могло быть никаких сомнений, что «форсированная нормализация» в деревне, а также возрождение атмосферы неуверенности, ослаблявшей стимулы крестьянства к использованию передовых методов производства, действовали бы в одном и том же направлении.

В целом Бухарин очень близко подошел к формированию стройной системы взглядов, основанной на аргументации, порой не вполне оправданной, порой вполне логичной, хотя и недостаточно четко сформулированной. Его оптимистические прогнозы, конечно, не появились на пустом месте. Однако основные предположения Бухарина никогда не описывали весь процесс в целом и, что гораздо важнее, они уже устаревали к тому времени, когда он начинал уверенно экстраполировать их в будущее. Склонность к восторженным и стремительным обобщениям не раз приводила его к заблуждениям. Четыре года назад он предложил совершенно безупречное теоретическое обоснование «военного коммунизма», а через несколько месяцев объект его поклонения был отвергнут. Теперь он приветствовал поворот к «нормальному» нэпу как самую надежную и безошибочную дорогу к восстановлению и дальнейшему росту народного хозяй-

ства, не обращая внимания на новый и не менее судьбоносный поворот. Тем не менее другие приняли этот новый вызов.

Ссылки автора

1. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. М., 1941—1958. Т. XXXIII. С. 398.
2. Lenin V.I. Selected Works in Two Volumes. M., 1950—1952. Vol. II. Pt. 2. P. 601.
3. Там же. С. 539—544, 553 (курсив мой. — А.Э.), 555.
4. Там же. С. 727. Официальный перевод ошибочно использует более сильный термин «overtake» вместо термина «catch up» для перевода русского слова «догонять».
5. Там же. С. 751.
6. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. XXXIII. С. 135.
7. Lenin V.I. Selected Works. Vol. II. Pt. 2. P. 635—637 (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 77, 78).
8. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. Ч. I // Большевик. 1925. 30 апр. С. 8—9.
9. Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1929. С. 63.
10. Бухарин Н.И. Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока // Большевик. 1924. 5 нояб. С. 28.
11. Там же. С. 29.
12. Там же. С. 31—32.
13. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. Ч. II // Большевик. 1925. 1 июня. С. 3—4.
14. Большевик. 1924. 5 нояб. С. 34.
15. Большевик. 1925. 1 июня. С. 12.
16. Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. М.; Л., 1925. С. 120.
17. Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала. 4-е изд. С. 71.
18. Там же. С. 62, 65.
19. Большевик. 1924. 5 нояб. С. 27.
20. Там же. С. 30.
21. Бухарин Н.И. К критике экономической платформы оппозиции // Большевик. 1925. 15 янв. С. 56.
22. Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок // Большевик. 1924. 10 дек. С. 33.
23. Большевик. 1925. 30 апр. С. 14.

Комментарии научного редактора

1. По-видимому, имеется в виду работа: Mizes L. Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen // Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik. 1920. N 47. S. 86—121. Перевод на английский: Economic Calculation in the Socialist Commonwealth // Collectivist Economic Planning. P. 87—103.
2. List der Vernunft (нем.) — хитрость разума.

Глава II

ВЫЗОВЫ СПРАВА И СЛЕВА

Одна из первых и наиболее решительных попыток оценить новую ситуацию была предпринята в конце 1925 г. Л.М. Шаниным, высокопоставленным работником Народного комиссариата финансов, и Г.Я. Сокольниковым, представителем «старой гвардии» большевиков и бывшим главой этого же Комиссариата. Эти два человека не выступали от имени какой-либо оппозиции. Сокольников в речи на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.), выступая в защиту «ленинградской оппозиции», старался доказать отсутствие сходства в их взглядах, а Шанин в статье, появившейся через некоторое время после этого, много цитировал Сталина и Рыкова для того, чтобы подкрепить свою позицию. Тем не менее их подходы к экономическим проблемам были практически одинаковыми. Без сомнения, они сделали очередной шаг в переоценке фундаментальных положений марксистской доктрины, начало которой положил нэп. Они также отчетливо понимали, что апогей восстановительного процесса уже пройден:

«Было время, когда наши предприятия были крайне слабо загружены. В этот период достаточно было небольшого ремонта, небольших затрат в основной капитал, чтобы получить возможность быстрого увеличения нагрузки... А так как всякая дальнейшая загрузка приводила к снижению себестоимости продукции, то вкладываемые новые оборотные средства сказывались не только немедленным усилением продукции, но и заметным удешевлением ее. С тех пор многое изменилось. Нагрузка на предприятиях достигла достаточно полных размеров. Мы пускаем в ход уже... предприятия технически наиболее отсталые, требующие значительных ремонтно-восстановительных работ и не могущие после всех этих затрат дать продукцию более дешевую, чем та, которую дают предприятия первой и второй очереди. Сейчас каждое вложение новых капиталов есть в большей мере вложение в основной капитал, чем раньше» [1].

И этим дело не ограничивалось: некоторые отрасли промышленности были подвержены этим изменениям в большей степени, чем другие:

«Поскольку оборудование было налицо, для пуска предприятий и в тяжелой и в легкой промышленности одинаково требовались лишь оборотные средства и в общем производственный результат достигался одинаково быстро как в тяжелой, так и в легкой промышленности. Однако теперь, когда мы от восстановительного процесса переходим к постройке новых заводов или к восстановлению старых заводов... всякое новое вложение по линии тяжелой промышленности требует значительно больших капитальных затрат, чем по линии строительства легкой индустрии, между тем как производственные результаты в первой начнут поступать лишь много позже» [2].

Диагноз был отрезвляющим, и не менее отрезвляющим был рецепт лечения болезни, предписывающий определять размеры и направления совокупных капиталовложений в народное хозяйство. «Основным критерием, определяющим объем допустимого расширения основных капиталов и указующим максимальный предел вложения, является наличие товарных запасов, созданных предшествующей хозяйственной работой (или импортированных на основе кредита)» [3], а поскольку в советской экономике к концу 1925 г. этих запасов не хватало, у этого «максимального предела» был соответствующий низкий уровень. По этой же причине советское народное хозяйство не могло позволить себе рост текущих расходов и отвлечение ресурсов от текущего потребления ресурсов на долгосрочные инвестиции. Без накопленных запасов готовой продукции, которая могла быть выброшена на рынок для ликвидации возникшего дефицита, такая политика не могла не привести к «товарному голоду», т.е. к скрытой инфляции, которая на самом деле стала преследовать советскую экономику зимой 1925—1926 гг. Главный упор поэтому должен был делаться на капиталовложения в сельское хозяйство, которое «требует несравненно меньшего вложения основного капитала на единицу продукции» и которое, как говорил А. Рыков на XIV Московской губпартконференции, «будет все в больших размерах и скорее выбрасывать продукты на рынок, нежели это сможет сделать промышленность» [4]. Помимо сельского хозяйства помощь должна была оказываться отраслям легкой промышленности, требовавшей небольшого капитала и

потреблявшей в основном сельскохозяйственное сырье, а не капиталоемким отраслям тяжелой промышленности. Единственное исключение делалось для транспортной системы; хотя она и требовала больших капиталовложений, но ее развитие было ключевым для «увеличения оборота» на базе существующих производственных мощностей, а ее услуги, в отличие от промышленных товаров, не могли быть импортированы из-за границы.

* * *

Преимуществом такой системы приоритетов могло стать прежде всего смягчение трудностей перехода от «восстановления» к «реконструкции». Но Шанин и Сокольников имели в виду нечто большее, это была оптимальная модель долгосрочного экономического развития. На начальной стадии, допуская Шанин, темп промышленного роста был бы действительно медленнее, чем при противоположном приоритете. Но в долгосрочной перспективе, при первоначальном развитии сельского хозяйства процесс индустриализации был бы ускорен. Первый довод в пользу этой парадоксальной теоремы заключался в том, что рубль, вложенный в «менее капиталоемкое» сельское хозяйство, произвел бы больший объем продукции, чем в «более капиталоемкой» промышленности, и дал бы большую норму накопления капитала.

«Органическая структура капитала в сельском хозяйстве значительно ниже (чем в промышленности)... Одна и та же единица капитала в сельском хозяйстве приводит в движение в 8 раз большие массы труда, чем в промышленности, а при той же норме эксплуатации труда та же единица капитала дает в сельском хозяйстве значительно большее накопление, нежели в промышленности. Кроме того, уровень потребления в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности, а это дополнительно усиливает накопительный эффект вложенного в сельское хозяйство капитала» [5].

Поэтому если весь производимый крестьянскими хозяйствами прибавочный продукт постоянно вкладывать в сельское хозяйство, которое смогло бы расти несколько лет высокими темпами, и только затем перевести все накопленные инвестиции в промышленность, то общий эффект за весь период был бы гораздо больше, чем если бы этот излишек сразу направлялся бы в промышленность.

«Если накопление в промышленности в среднем расценивать, скажем, в 6% в год, то накопление в сельском хозяйстве можно исчислять в значительно большей цифре, скажем, в 15%. ...Если какие-нибудь 100 единиц ресурсов были в нынешнем году перекачены из сельского хозяйства в промышленность, то они в следующем году в промышленности составили бы уже 106 дополнительных единиц, в третьем году — 112,3, а в четвертом году — 119,1 дополнительной единицы. Но если бы эти первоначальные 100 единиц были оставлены в сельском хозяйстве, то они здесь дали бы в следующем году 115,0 единицы дополнительных ресурсов, в третьем году — 132,2, а в четвертом году — 152,0. ...Но если бы эта перекачка произошла не в первом году, а к началу пятого года, то ресурсы промышленности за счет тех же 100 единиц возросли бы на 152,0 единицы» [6].

Более того, это перемещение было бы более выгодным, если бы оно осуществлялось не только в рамках народного хозяйства, но и посредством внешней торговли. Шанин подчеркивал, что возможности для экспорта продукции советского сельского хозяйства на зарубежные рынки была далеко не исчерпаны. А Сокольников решительно протестовал против утверждения, что защищаемая им политика препятствовала быстрой индустриализации страны. На самом деле верно было обратное:

«Только на пути сельскохозяйственного экспорта мы можем в ближайшие годы получить такие платежные средства за границей, которые позволят финансировать ввоз оборудования, а также сырья для нашей промышленности и позволят произвести переоборудование и развертывание, если мы в самом деле хотим равняться по темпу и масштабу заграничной промышленности. ...Наша промышленность могла бы пострадать только в том случае, если бы мы пошли слишком далеко в отношении ввоза готовых товаров из-за границы. Вот это означало бы сужение возможности работы нашей промышленности»¹.

Шанин по этому вопросу высказывался менее откровенно, чем Сокольников. Он никогда не указывал, какой импорт при-

---

¹ XIV съезд ВКП(б). С. 331. Не было ясно, как Сокольников намеревался достигнуть увеличения сельскохозяйственного экспорта. В этой же речи он сильно напал на бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» и присоединился к «левым» в их критике примирительной политики по отношению к кулакам, обеспечивавшим значительную часть прироста товарности советского сельского хозяйства. Конечно, его взгляды были не очень последовательными.

оритетен — средств производства или предметов потребления, хотя и подчеркивал, что потребности в обработанном металле и оборудовании должны были удовлетворяться в первую очередь путем импорта [7]. Однако он высказывался совершенно определенным образом относительно ограничений предлагаемой политики. Прежде всего необходимо было принять в расчет военные нужды. Экономические расчеты могли показывать, что большой перелив ресурсов из сельского хозяйства в промышленность дал бы лучшие результаты через 10 лет. Однако если военная интервенция из-за рубежа, которую Шанин и другие участники дискуссии считали реальной, могла ожидаться через пять лет, то было совершенно необходимым отойти от оптимальной схемы и установить такой срок для начала перелива средств, чтобы максимизировать промышленный рост в течение оставшегося пятилетнего периода. Помимо внешнего ограничения было еще одно, обусловленное логикой проводимой политики. «Возможность максимально дешевого подъема народного хозяйства» не могла существовать всегда: «нельзя считать, что для всех отраслей нашего сельского хозяйства такой (мировой. — А.Б.) рынок имеется налицо в неограниченном размере» [8]. Наконец, во внимание принималось соображение, связанное с начальным этапом развития промышленности: «известный воспитательный протекционизм» допускался в тех случаях, когда «дороговизна является результатом лишь первого периода работы, причем имеются все основания ждать заметного снижения себестоимости в дальнейшем» [9].

Но ни один из этих факторов не приводил к серьезным изменениям в этой нетривиальной схеме. Военные нужды могли бы приблизить момент перелива инвестиций в промышленность, но основное правило для выбора этого момента продолжало сохраняться и для более короткого периода. Кроме того, подчеркивалось, что чрезмерное военное строительство могло серьезно ухудшить эффективность экономики, что бумерангом отразилось бы на состоянии обороны. При оценке темпа роста оборонной промышленности нужно было учитывать, что настроение крестьянства влияло как на поставки продовольствия, так и на общую ситуацию в стране. Точно так же сокращение иностранных рынков для растущего экспорта советского хлеба означало бы, что изменение экономической политики было бы произведено раньше, чем предполагалось. Защита развивающейся промышленности

в конечном счете не имела большого значения до тех пор, пока временные рамки протекционистских мер были не ясны и защищаемые инвестиционные вложения не приносили результата. Следовательно, упомянутый принцип, определявший приоритеты в развитии, сохранялся. Высокая норма прибыли, являвшаяся результатом низкой капиталоемкости, легкая обратимость в промышленные поставки с помощью внешней торговли, близость к сельскому хозяйству, которое, как предполагалось, останется основой национальной экономики в обозримой перспективе, — таковы были критерии для выбора приоритетов. Практические рекомендации, которые следовали из этой теоретической конструкции, могли постепенно меняться:

«В той форме, в какой мировой рынок в прямой форме для сельского хозяйства исчерпывается, должен быть открыт мировой рынок через промышленную переработку сельскохозяйственного сырья (сахар, спирт, текстиль)... В той мере, в какой и эти возможности исчерпываются, развитие должно пойти главным образом за счет промышленности, работающей хотя и на внешний рынок, но использующей сельскохозяйственное сырье или же только сельскохозяйственное продовольствие. Но одновременно мы должны разворачивать и те отрасли промышленности, которые хотя и не работают на сельскохозяйственном сырье, но имеют серьезное экспортное значение» [10].

На каждой из этих стадий рост был бы более «дорогим», чем на предшествующей стадии, поскольку потребность в капитале на единицу продукции возрастала бы. Но эта возрастающая «цена» была бы вполне приемлемой, так как советская экономика за счет правильных приоритетов капиталовложений и полного использования выгод от внешней торговли накопила бы тем временем значительные запасы. По мнению Шанина, это соответствовало бы нормальной схеме развития отсталой страны:

«Ряд индустриализующихся стран начинали с легкой индустрии, импортировали из более развитых стран по дешевым ценам промышленные полуфабрикаты и наиболее усовершенствованное оборудование и таким образом на более дешевой основе форсировали развитие своей легкой индустрии. Только тогда, когда эти отрасли накапливали значительные запасы товаров, которые можно было бросить на вскармливание следующих отраслей промышленности, они переходили к развитию последних...» [11].

* * *

Позицию Шанина и Сокольников в этой дискуссии можно считать попыткой повторить то, что сделал Ленин в 1921 г. в других обстоятельствах. Создатель нэпа хотел начать восстановление экономики с разрешения торговли мелкой промышленностью с крестьянским хозяйством, предоставляя остальной экономике возможность пользоваться получаемой выгодой. Даже для самых умеренных его учеников мелкое производство представлялось буксиром для всего народного хозяйства не только при запуске бездействующих производственных мощностей, но и в процессе долгосрочного экономического развития. Аргументы, которые Шанин выдвинул для защиты этого варианта политики, были последовательными и ясными. Очевидно, что его описание новых явлений экономически более или менее соответствовало реальности. Однако, как мы увидим в дальнейшем, оно охватывало лишь часть проблемы и имелись серьезные основания для критики как отдельных элементов его анализа, так и его окончательных выводов. Эти идеи (за редким исключением) были встречены полным молчанием, изредка нарушаемым навешиванием ярлыков, никаких попыток показать слабые стороны аргументации не делалось. Концепция Шанина—Сокольников, наверное, выросла непосредственно из работы «О продналоге», но она, безусловно, не смогла унаследовать ее значимости. Кроме того, в то время, когда она родилась, на официальную экономическую политику уже была предпринята другая, более опасная атака.

В известном смысле Бухарин с самого начала оборонялся. Когда он обличал пороки монополизма или предупреждал о страшных опасностях, грозящих «рабоче-крестьянскому блоку», он целился не в вымышленного, а во вполне реального и изобретательного противника. Им был Е.А. Преображенский, который являлся соавтором и другом Бухарина в последние годы «военного коммунизма» и который теперь был главным теоретиком возрождающейся левой оппозиции, возглавляемой Троцким. Неудивительно, что вызов «идеологии восстановительного периода» был брошен именно с этой стороны. Левые коммунисты хотели решить сложнейшие проблемы социалистического режима в отсталой, противостоящей развитым капиталистическим странам России за счет продолжения революционного процесса на

Западе и быстрого роста промышленного пролетариата на родине. Чем менее вероятным в ближайшем будущем было первое, тем больший упор делался на второй фактор. Считалось, что настало время начать борьбу с «частником», прежде всего с крестьянством, которое навязало советскому режиму отступление к «смешанной экономике» нэпа и которое, конечно, реставрировало бы капитализм, если не добиться жесткого ограничения его политического и экономического значения. Необходимо было сформулировать экономическую политику на основе современных реальностей и потребностей, а не благих пожеланий или ностальгии по «героическому периоду русской революции». Именно это и попытался сделать Преображенский в книге «Новая экономика», появившейся в 1926 г. Хотя важнейшая глава книги была опубликована в конце 1924 г., она сразу же вызвала гневную отповедь Бухарина.

* * *

Товарный голод зимы 1925 г. играл ту же роль в аргументации Преображенского, что и «кризис сбыта» 1923 г. у Бухарина. В этом смысле исходный пункт его анализа был сходен с шанинским. В отличие от официальных представителей партии и правительства Преображенский не объяснял эти экономические неурядицы отсутствием предвидения у руководителей промышленных предприятий или банков. Инфляция 1925 г. для него стала четким проявлением резких диспропорций в структуре советской экономики.

По его мнению, дефицит товаров в большей степени являлся результатом принудительного транжирства в прошлом. В период «военного коммунизма» был прерван процесс нормального воспроизводства капитала: «Мы не накопили, а были вынуждены наиболее экономно растрачивать наши ресурсы» [12]. Этот процесс продолжился в начальный период нэпа как в форме «разбазаривания» товарных фондов предприятий по низким ценам, так и в форме использования амортизационных отчислений для увеличения заработной платы и пополнения запасов.

Безусловно, эта политика в тот период дала положительный результат. Она спасла городское население и армию от угрозы голодной смерти во время Гражданской войны и позволила в первые годы нэпа достичь быстрого роста производства: «Этот

заем, эта растрата оставляли плюс в тот период, потому что основной капитал и запасы сырья лежали бы мертвым капиталом, если бы рабочая сила не превращала их в продукты потребления» [13]. Но со временем проявились менее привлекательные стороны такой политики. Резерв, связанный с небольшими и относительно недорогими улучшениями производства, постепенно подходил к концу: «...Это предполагает необходимость переоборудования промышленности, как только предел рационализации производства при старой технике будет достигнут» [14]. Более того, возможности получать дополнительную продукцию за счет интенсификации производства уменьшались по мере приближения к пределу производственных мощностей [15]. Поскольку запас капитала с годами уменьшался в результате недостаточной замены, следовал вывод от том, что восстановление прекратится не достигнув довоенного уровня. (По ряду причин, которые мы обсудим далее, Преображенский мог сказать, что настоящий экономический спад был вполне реален.) Чтобы этого не случилось, за короткий промежуток времени необходимо было осуществить давно требуемое обновление основного капитала. Ясно, что такое массированное обновление капитала потребовало бы резкого увеличения объема капиталовложений.

Однако обстановка, по мнению Преображенского, требовала более долгосрочных мер. Одной из причин было то, что расширенное обновление основного капитала предоставляло прекрасную возможность широкого применения нововведений, возникших в течение периода службы старого оборудования. Они могли бы увеличить величину капитала на единицу рабочей силы¹. Другая, не менее важная причина того, что развитие экономики должно было превзойти простое восстановление капитала, заключалась в том, что революция нарушила неустойчивое равновесие в

---

¹ Преображенский кратко описал эту ситуацию несколько лет спустя, когда доказывал, что «обновление основного капитала в условиях быстрого прогресса техники неизбежно превратится и в увеличение общей массы основного капитала вследствие повышения органического состава капитала вообще» (Закат капитализма. 1931. С. 83, сноска 2). Хотя это утверждение относилось к капитализму, Преображенский, безусловно, считал это верным и для советской экономики 20-х гг., когда говорил о возможности «амортизировать старый основной капитал, технически отсталый, и замещать его постепенно технически более совершенным» (Новая экономика. С. 32) и когда настаивал на том, что технический прогресс при капитализме, так же как и при социализме, вызывает, «как общее правило», рост органического строения капитала (Новая экономика. С. 207).

российской экономике не только со стороны предложения, но и со стороны спроса. Увеличилась доля рабочих в национальном доходе: «...В настоящий момент заработная плата в меньшей степени, чем до войны, регулируется законом стоимости рабочей силы и еще меньше будет регулироваться в дальнейшем» [16]. Однако еще большая угроза таилась в изменении положения крестьянства. В царской России большая часть национального дохода, создаваемая в крестьянском сельском хозяйстве, уходила на платежи правительству и помещикам. Чтобы получить деньги для выполнения этих обязательств, крестьяне вынуждены были продавать соответствующую часть своей продукции, не покупая ничего взамен. Это приводило к неоднозначным последствиям. С одной стороны, обеспечивалось относительно крупное поступление сельскохозяйственной продукции на рынок, с другой — большинство крестьян уменьшали спрос на промышленные товары на величину таких «вынужденных продаж». Отчуждаемая часть дохода крестьян, без сомнения, в основном расходовалась. Этот повторный расход, однако, поглощал гораздо меньшую часть национального продукта, чем это сделали бы крестьяне, поскольку большая его часть (вместе с ошутимой частью промышленной прибыли) уходила за границу в виде уплаты либо по внешним долгам, либо за импортируемые предметы роскоши (товары, составлявшие в физическом выражении эквивалент этих расходов, экспортировались). Октябрьская революция положила конец старой системе. Рентные платежи были ликвидированы, и сельскохозяйственные налоги в 1924—1925 гг. составляли не более 1/3 от предвоенного уровня крестьянского обложения. Это имело важное дестабилизирующее воздействие:

«...Из данной цифры товарной продукции... на принудительные продажи без эквивалента идет гораздо меньшая сумма, чем до войны, а значит, на соответствующую сумму... должен вырасти платежеспособный спрос крестьян на промышленные товары и продукты внутри крестьянского обмена. (Поэтому. — А.Э.) сохранение равновесия между товарной массой промышленной и сельскохозяйственной продукции на уровне довоенных пропорций... означает резкое нарушение равновесия между платежеспособным спросом деревни и товарной продукцией города» [17].

Вывод был ясен — производственные мощности должны были перерасти довоенный уровень для того, чтобы соответствовать увеличенному спросу. Если этого не сделать, товарный голод про-

длился бы еще несколько лет, точно так же как отсутствие достаточных резервов для поддержания функционирования предприятий в прошлом привело к текущему товарному голоду. Начиная с этого момента Преображенский неоднократно в своих работах использовал именно этот аргумент.

В дальнейшем эта взрывоопасная ситуация стала ухудшаться в связи с тем, что изменения в структуре доходов продолжали негативно влиять на крестьянство. При заданном уровне товарности сельского хозяйства снижение бремени обязательных платежей не только не увеличило спрос крестьян на промышленные товары, но и оказало существенное влияние на этот уровень, поскольку товарность стала больше зависеть от желания крестьян торговать. Преображенский говорил об этом, когда утверждал, что «крестьянство теперь ввиду уменьшения принудительных продаж обладает значительно большей, чем до войны, свободой в выборе сроков и условий в распоряжении своими излишками» (там же. — *А.Б.*). С еще большей настойчивостью он добавлял, что «крестьянство не торопится продавать хлеб». Оба этих утверждения звучали правдиво и зловеще, хотя Преображенский и не мог предсказать возможного развития событий. Обычный крестьянин, возможно, захотел бы продавать на рынке тот же объем продукции, что и до войны, если снижение обязательных платежей дало бы возможность покупать взамен больше товаров. Поскольку теперь он мог получить в городе гораздо меньше, чем до революции, совершенно логичным было то, что он уменьшил размер продаж по сравнению с довоенным периодом и направил разницу на собственное потребление, откорм скота, кредитование бедняков или просто на накопление. Более того, неудовлетворенность крестьян могла иметь не только экономические проявления. Она могла, как в годы Гражданской войны, найти выход в политическом недовольстве, достигнув кульминации в открытом восстании:

«Если эта система не удовлетворяет минимума потребностей, если мы будем иметь систематическое недопроизводство и недостаточное удовлетворение платежеспособного спроса, это может повлиять на настроение масс и может привести к тому, о чем не раз предупреждал тов. Ленин: масса начнет думать о системе более выгодной, которая лучше удовлетворит ее потребности. В этом величайшая опасность и отсюда наша тревога за размеры капитальных затрат» [18].

Ситуация повторялась. Теперь избыточный спрос представлял для гражданского мира большую угрозу, чем недостаточный.

* * *

Эти идеи играли основную роль в аргументации Преображенского. Все же ими не исчерпывались все аспекты рассматриваемой проблемы долгосрочного высокого темпа экономического роста. Описание специфических черт инфляционного давления, вызванного послевоенными изменениями, дополнялось соображениями относительно структуры экономики, подвергаемой этому инфляционному воздействию, а также характеристикой долгосрочных целей, которых необходимо достичь. Естественно, он затрагивал и политические вопросы, например потребности обороны: Преображенский и его друзья из левой оппозиции гораздо серьезнее относились к угрозе войны, чем остальные. Эти положения активно обсуждались, и указанные опасения, без сомнения, сильно повлияли на окончательные выводы:

«...Каждый из нас прекрасно знает, что мы должны строить социализм, строим и будем строить. Мы должны только знать, что долго нам строить не дадут. Против нас возможен натиск зажиточного крестьянства, соединенного с мировым капиталом, который перейдет в наступление и хозяйственное, и военно-политическое. ...Мы строим социализм в остановке передышки между двумя боями» [19].

Но на аналитическом уровне эти опасения были вторичными по сравнению с теми аргументами, к рассмотрению которых мы переходим.

Одним из основных «условий равновесия» в советской экономике Преображенский считал «постепенное поглощение развертывающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны» [20]. Он никогда не описывал подробно это явление, лишь указал, что оно было унаследовано советской экономикой от аграрной структуры старого режима и что технологические и организационные нововведения, для которых в отсталой стране открывался широкий простор и которые порождали вытеснение с производства рабочей силы, делали задачу поглощения рабочей силы более сложной [21]. Он также не пытался установить связь между избыточным населением и товарным голодом, демонстрируя глу-

бину инфляционных процессов в экономике, средства производства которой после нескольких лет истощения являлись узким местом для использования рабочей силы. Однако он выделял иной аспект той же проблемы и отмечал, что крестьяне могли найти выход в изготовлении промышленных товаров в своих хозяйствах. Таким образом, сам факт существования «высокого процента скрытой безработицы в деревне» [22] во многом способствовал «игнорированию государственной промышленности» в ответ на высокие цены на ее продукцию. Он делал весьма категоричный вывод: «Все попытки радикальным образом решить проблему безработицы приводят к проблеме накопления» [23]. Быстрая индустриализация, движущей силой которой является расширение производства средств производства, приводит к оттоку значительной части избыточной рабочей силы из деревни. В то же время индустриализация смягчает эффект вытеснения работников, возникающий при трудосберегающих инновациях:

«Весь процесс рационализации труда только в том случае не приведет к застою в деле расширения кадров занятой в госпромышленности рабочей силы, если будет перекрываться достаточно быстрым абсолютным расширением промышленного базиса страны. А это быстрое расширение предполагает значительно более быстрое накопление промышленности, чем это мы имеем теперь (в 1927 г.)» [24].

Преображенский не отрицал, что проблема избыточного сельского населения может и должна решаться более прямолинейным образом, в частности, за счет интенсификации земледелия, «возможности которой прямо пропорциональны отсталости нашего сельского хозяйства в сравнении с заграничным крестьянским хозяйством». Он, однако, уточнял это предположение, утверждая, что такая интенсификация неизбежно приведет к ускорению темпов накопления в сельском хозяйстве и этот процесс не следует слишком форсировать «за счет той части фонда прибавочного продукта, которую деревня дает городу на дело социалистической реконструкции». Следовательно, могло бы наблюдаться замедление процесса расширения промышленного развития, которое «является решающим в смысле преодоления в будущем всех основных противоречий переходного периода» [25]. По его мнению, это неизбежно привело бы к противоположным результатам в сельском хозяйстве. Во-первых, это могло сдерживать увеличение поставок промышленных товаров и тем самым

оставить крестьян без самого мощного стимула интенсификации производства собственной продукции. Также это могло привести и к ограничению мер по повышению интенсификации крестьянского труда, в основе которых лежит развитие «внешней экономики», и, вне всякого сомнения, могло остановить процесс модернизации, осуществляемой путем интенсивного переоборудования.

«Расширенное воспроизводство в промышленности, его достаточно быстрый темп, развитие ж.-д. сети, каналов, электрификации и т.д. чрезвычайно необходимы и для крестьянского хозяйства, которое без поддержки быстро развивающейся промышленности не может развивать производительных сил, оставаясь мелким производством, и тем более не сможет подняться на более высокую ступень производственного кооперирования» [26].

Далее он подчеркивает с еще большей настойчивостью: «Лишь тогда, когда закончится период первоначального накопления и промышленность будет стоять на новой технической базе, только тогда поток ценностей из города в деревню по каналам долгосрочного кредита потечет широкой рекой» [27].

Нетрудно понять основную предпосылку, лежащую в основе рассуждений предыдущего параграфа. Ее мы уже встречали ранее: под «новым промышленным базисом» неизменно понимается быстрое распространение технологий, для которых требуется большая величина капитала на душу населения. Именно в этом тезисе безработица используется как еще более мощный аргумент в защиту высокого темпа капитального строительства. Общество, которое пытается обеспечить безработных средствами производства быстрее, чем ранее, должно при прочих равных условиях демонстрировать прирост доли средств производства в общем выпуске продукции. Чем выше интенсивность использования капитала в новом производстве, тем больше должен быть этот прирост.

К этим соображениям Преображенский добавляет еще одно, менее очевидное, которое касается некоторых специфических особенностей капиталистических технологий. Фактически он утверждает, что в современной экономике инвестиции за данный период не только должны расти быстрее потребления, если нужен непрерывный рост производства конечного продукта в течение последующего периода, но и что производство средств произ-

водства должно увеличиваться на величину, равную приросту конечной продукции, который они начнут производить, умноженному на определенную величину: «Чтобы расширить, допустим, на 100 миллионов рублей производство средств потребления в год в легкой государственной промышленности, приходится предварительно увеличить на 400—500 миллионов производство средств производства»¹.

Он тут же добавлял, что здесь имеется важное исключение из правил. Если существуют незагруженные мощности, как это было в первоначальный период нэпа в Советском Союзе, то объем производимой продукции может какое-то время возрастать без какого-либо существенного увеличения дополнительных средств производства и темп этого роста может опережать темп роста новых капиталовложений, которые использовались бы на создание нового основного капитала [28]. Однако когда резерв мощностей будет использован, дальнейший рост выпуска продукции будет обусловлен еще большим ростом капиталовложений в основной капитал. Более того, эти капиталовложения потребуют большего объема ресурсов, чем в предыдущей ситуации, а продемонстрируют свои первые результаты в более отдаленный срок, поскольку создание и использование нового основного капитала требует времени. «Тот факт, что новые заводы начнут давать продукцию через 3—4 года после начала их постройки, есть результат более технической, чем экономической необходимости» [29].

В концепции Преображенского эти свойства современного оборудования играли важнейшую роль. Они ослабляли его аргументацию, когда он доказывал, что прирост производственных мощностей должен быть большим. Они объясняют его настойчивость по поводу того, что если новые заводы должны быть быстро пущены в дело для предотвращения товарного голода, то расширение производственных мощностей должно начинаться значительно раньше, чем наступит предел увеличения использования существующего оборудования. Но можно ли было уменьшить бремя нового строительства путем удлинения периода реконструкции и последовательным решением текущих задач в

---

¹ ВКА. 1927. Кн. XXII. С. 41. Преображенский не завершил своей аргументации и не показал, что темп роста выпуска равен отношению прироста средств производства ко всему объему основных фондов, а темп роста средств производства равен отношению этого прироста к объему инвестиций, который составляет часть основных фондов.

соответствии с их приоритетностью? Совмещение «реконструкции» с давно запоздавшей заменой оборудования не может быть раскрыто без подробного выяснения того, почему удовлетворение спроса на взаимосвязанные инвестиции не могло в этом конкретном случае производиться без ограничений — в связи с опасностью последующего спада. Преображенский фактически выдвинул другой довод, когда утверждал, что размеры инвестиций должны быть достаточными, поскольку «накопленное обеспечивает продвижение вперед для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная зависимость в движении всего комплекса делает совершенно невозможным разрозненное продвижение» [30] (1).

Это можно интерпретировать как упоминание о феномене взаимосвязи отраслей, который с конца 20-х гг. вызывал возрастающий интерес ведущих западных экономистов, таких, как А. Янг, Р.Н. Розенштейн-Родан и Р. Нурксе. Наряду с «неделимостью» этот феномен использовался для обоснования необходимости для отсталых стран больших объемов капиталовложений на начальных стадиях экономического роста [31]. Однако Преображенский не развил эту идею, и на основании этого краткого замечания трудно оценить, какое значение он ей придавал, особенно в связи с тем, что здесь совместились два противоположных аргумента. Это вытекает из предложения, которое сразу следует за приведенной цитатой: «цепная зависимость в движении всего комплекса» противопоставляется «методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции», который характеризует развитие как раннего «мануфактурного» производства, так и современной фабрики.

Очевидно, необходимость в расширении одновременно по широкому фронту связана с социалистическим характером экономики. Менее ясна, однако, суть такой взаимосвязи. Подразумевалось ли здесь то, что коллективная форма собственности делает возможным применение более высокого типа технологии, чем это возможно при капитализме? Или имелась в виду иная причинно-следственная связь: система централизованного планирования, являвшаяся для Преображенского и для других участников дискуссии единственной последовательной социалистической формой, не может эффективно функционировать и доказывать свое превосходство над капитализмом без высокого уровня интеграции и концентрации производства, которые, в свою

очередь, предполагают более высокую степень и более широкое распространение, чем при капитализме, технологии крупного производства? Или, наконец, являлся ли более высокий уровень накопления до определенной степени способом защиты государственных предприятий, необходимой в связи с временно низким уровнем их эффективности по сравнению с иностранными и собственными частными конкурентами?

В «Новой экономике» можно найти каждый из этих вариантов объяснения, причем наиболее аргументированным был третий. Это может показаться типичным случаем, когда идеология ставится выше соображений экономической рациональности и эффективности. Мы еще вернемся к рассмотрению этого вопроса. Здесь же примем к сведению концепцию Преображенского, которая независимо от степени ее обоснованности напрямую определяет его предложения в области экономической политики.

* * *

Если действительно минимальные потребности в капиталовложениях были такими большими, как это указывалось в предыдущем изложении, то вопрос определения источника средств для накопления приобретал величайшую важность. Преображенский дал ответ на это, прибегнув к исторической аналогии. Производственные возможности современных технологий позволили капитализму XIX в. финансировать свое мощное развитие в основном из доходов, получаемых в условиях свободной конкуренции, а также уничтожать своих мелких конкурентов с помощью «артиллерии дешевых цен». Возможность использования этих методов, однако, зависела от наличия больших накоплений и доступности свободной рабочей силы. Поскольку эти две предпосылки технического превосходства современного капитализма должны были появиться до возникновения его превосходства, очевидно, что они никогда бы не появились, если бы капитализм с самого начала придерживался всех правил справедливой конкуренции. Сначала необходимо было осуществить ряд законодательных изменений. Должна была быть разрушена замкнутость примитивного крестьянского хозяйства, а их работники выброшены на рынок. Независимых докапиталистических производителей надо было лишить либо средств производства, либо, по крайней мере, части продукта своего труда. Для того чтобы этого добиться, необходи-

ма была целая система жестких методов — открытое принуждение в виде огораживания и создания работных домов, налогообложение и протекционистское государственное манипулирование ценами на внутреннем и международном рынках, инфляционная девальвация денег. Этот начальный период современного капитализма был назван Марксом эпохой «первоначального капиталистического накопления». И теперь ему был найден эквивалент в виде «первоначального социалистического накопления», которое должно было послужить повивальной бабкой будущего общества¹.

Понятно, что эта аналогия не могла не вызвать бурную реакцию аудитории Преображенского. Несколько поколений марксистов использовали знаменитый отдел VIII первого тома «Капитала» в качестве не только экскурса в экономическую историю капитализма, но и мощного средства возбуждения протеста против системы, которая уже при рождении «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (*Маркс К.* Капитал. Т. 1. Отд. VII // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. С. 770. — *А.Б.*). Однако фактически Преображенский не выступал ни за применение методов насилия по отношению к несоциалистическим мелкотоварным производителям, ни за возвышение одной группы общества (промышленных рабочих) до положения нового привилегированного слоя, хотя не кто иной, как Бухарин, обвинял его в последнем.

Для тех, кто любит сильные аргументы как в спорах, так и в политике, аналогия с первоначальным капиталистическим накоплением была полезна только как яркая иллюстрация той идеи, что закон стоимости, управляющий конкурентным товарным хозяйством и определяющий пропорцию обмена товаров содержащимся в них количеством «общественно необходимого труда», должен был быть максимально ограничен в своем действии. Если необходимо быстрое развитие с низкого начального уровня, вместо закона стоимости должен быть обеспечен «обмен меньшего количества труда одной системы хозяйства на большее количество труда другой системы хозяйства или другой страны» [32].

---

¹ Преображенский не был «изобретателем» этого термина, который сделал его знаменитым. В своей ранней работе «Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата» (М., 1920), где он использовал его впервые, он писал, что это «блестящее выражение» принадлежало В.М. Смирнову, хорошо известному советскому экономисту, который позже активно участвовал вместе с Преображенским в деятельности левой оппозиции.

Именно это на самом деле означал знаменитый «закон первоначального социалистического накопления». Он предполагал целую систему методов, имевших одну цель — осуществить, «конечно, в пределах экономически возможного, целесообразного и технически достигаемого» [33] перекачку производственных ресурсов из частного в обобществленный сектор сверх той доли, которую последний мог получить в результате рыночного действия закона стоимости.

Противодействие закону стоимости в первую очередь было необходимым во внешнеэкономических связях советской экономики. Одним из решающих различий капиталистического и социалистического первоначального накопления была сравнительная эффективность тех регионов, в которых преобладали новая и старая экономические системы. Страны, где капитализм имел раннее развитие, обладали несомненным экономическим лидерством над всем остальным миром. Социалистический сектор советской экономики находился далеко позади промышленности Америки и Западной Европы. Преображенский хорошо понимал, что, если речь идет об экономике, это различие не всегда является недостатком молодой социалистической системы. В самом деле каждую отдельную серьезную проблему советской экономики, как считал Преображенский, гораздо легче решить в условиях нормально функционирующей системы международной торговли и кредита. Прямые же капиталовложения вызывали у Преображенского определенную озабоченность. Он боялся, что «концессии», если им будет разрешено развиваться в широком масштабе, могут стать опасными для государственной промышленности в первую очередь потому, что они могут наглядно показать экономическое превосходство развитого капитализма над только что родившимся в отсталой стране социализмом. Однако он был горячим сторонником иностранных кредитов и предполагал привлекать их с помощью более высоких кредитных ставок. Тяжесть платежа по этим процентам, доказывал он, «будет, несомненно, много меньше тех новых ценностей, которые войдут в фонд социалистического накопления». Он открыто высказывался в поддержку этой точки зрения:

«Внешний долгосрочный заем за границей, с одной стороны, является одним из видов эксплуатации иностранным капиталом молодой новой экономики. Но, с другой стороны, он в сильнейшей степени способен ускорить процесс социалистического на-

копления. Он означает единовременное скачкообразное увеличение фонда социалистического накопления, он ускоряет процесс технического переоборудования государственного хозяйства и, следовательно, сокращает период пребывания государственной промышленности в подготовительном классе социализма. Он дает возможность нанять многие десятки тысяч безработных рабочих, которые теперь оторваны от производства вследствие недостатка материальных элементов производства в руках государства, и тем самым делает этих безработных участниками социалистического накопления» [34].

Трудность состояла в том, что даже такая приманка не принесла бы ожидаемого результата, так как страна сталкивалась с существованием «иностранный капитал, не желающего в широком масштабе притекать в чужеродную хозяйственную систему» [35]. Поэтому советская экономика должна была самостоятельно вынести всю тяжесть обновления основного капитала и установить темп накопления на соответствующем высоком уровне, хотя «при свободном действии этого закона (стоимости. — А.Э.) такое накопление в обстановке переиндустриализации Европы является экономически совершенно бессмысленным» [36]. Это не означало, что все нужно было сделать силами собственных отраслей, производящих средства производства. Преображенский очень убедительно настаивал на том, что «под защитой социалистического протекционизма мы сохраняем, развиваем или создаем отдельные отрасли производства средств производства» [37], которые не смогли бы выжить в ходе свободного соперничества с иностранными конкурентами, но которые имели бы реальный шанс в будущем. В то же время он был достаточно осторожен и старался не акцентировать внимание на этом вопросе. Он не воспроизводил аргумента Троцкого, согласно которому страна, чья унаследованная от прошлого промышленная структура позволяет удовлетворять только малую часть своих потребностей в средствах производства за счет собственного производства, не может без больших экономических трудностей достичь более высокого уровня самообеспеченности в этой области за короткий промежуток времени в несколько лет [38]. Однако он выразил эту идею в общей форме, когда указывал на необходимость сопоставления итогов «протекционистской защиты» молодой промышленности и результатов «максимального использования выгод мирового разделения труда, т.е. ввоза... таких

машин, конструкция которых внутри наименее выгодна при данных хозяйственных условиях» [39]. Такая политика дала бы преимущества не только в эффективности расширения производства, но и в скорости. Максимальные затраты советской экономики были бы равны объему текущего потребления, эквивалентному размеру годового импорта оборудования, и эта величина была бы меньше, чем совокупный капитал, необходимый для производства данного объема оборудования в СССР¹.

Следующий шаг состоял в направлении на закупку этих средств производства максимально возможной части выручки от текущего экспорта. Фактически это была важная цель «социалистического протекционизма», за который высказывался, хотя и не всегда в явной форме, Преображенский. Его часто повторяемое предупреждение о том, что $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ советской крупной промышленности были бы вынуждены закрыться при неограниченном импорте, казалось слишком радикальным с учетом его собственных высказываний о товарном голоде и огромном спросе на оборудование. Без сомнения, некоторым отраслям советской промышленности грозили бы серьезные трудности даже в условиях скрытой инфляции. Но с учетом того что эти отрасли следовало бы сохранить на начальном этапе индустриализации, незначительные тарифные барьеры или субсидирование были бы достаточными, а жесткое использование монополии внешней торговли представлялось чрезмерным. Кроме того, главной опасностью Преображенский считал не иностранную конкуренцию, а то, что приспособление структуры импорта к произвольным предпочтениям населения в специфических условиях советской промышленности того периода привело бы к застою, если не к снижению объема средств производства. Чтобы избежать этой опасности, монополия внешней торговли должна быть исполь-

---

¹ По-видимому, эта мысль выражена в следующем довольно громоздком пассаже: «Тяжелая промышленность, вместо того чтобы ждать, когда ее собственный дефицит на средства производства будет покрыт ее внутренним развертыванием, вместо того чтобы оборудовать новые производства машинами собственного производства, что крайне замедлило бы пуск новых предприятий в ход и затянуло бы кризис и внутри самого первого подразделения, и в сфере ее обменной связи со вторым подразделением, — тяжелая промышленность разрушает противоречие путем импорта такого оборудования, собственное производство которого усилило бы кризис, отвлекая и без того недостаточное накопление на такие предприятия, постройка которых при наличии связи с мировым хозяйством отнюдь не является первоочередной» (ВКА. 1927. Кн. XXII. С. 46).

зована для обеспечения приоритетного импорта оборудования для обновления и расширения производства. Интеграция советской экономики в мировую систему разделения труда была бы восстановлена, ресурсы западного капитализма помогали бы советскому социализму, а собственный частный сектор нес бы основную часть расходов:

«Мы накаплием при этих ценах только потому, что насильственно, на основе борьбы с мировым законом ценности, принудительно прикрепляем к нашей технически отсталой промышленности наш внутренний рынок, тогда как экспортируемые продукты крестьянского хозяйства продаем по ценам мирового рынка, а программу импорта вынуждены подчинить задаче накоплений основного капитала и восстановления в натуральной форме оборотного» [40].

Во внутренней ситуации существовали те же проблемы. Соотношение эффективности старой и новой систем хозяйствования было противоположно тому, которое преобладало в начальный период развития капитализма. Государственные предприятия не имели «индивидуального экономического и технического преимущества над предприятиями исторически более низкой формы» [41]. Эта относительная слабость национализированной крупной промышленности была в основном результатом длительного экономического спада, затронувшего крупные предприятия в большей степени, чем мелкие. По мере того как постепенно устранялись узкие места в производственных мощностях, восстанавливалась трудовая дисциплина на фабриках и извлекалась польза из отсрочки текущего ремонта оборудования, указанное соотношение менялось бы на противоположное. Но даже такая загрузка оборудования не могла быть успешной, если накопление в промышленности происходило бы в обычных рыночных условиях. Еще менее реалистичным было ожидать, что внутрипромышленное накопление будет достаточным для обеспечения предполагаемого высокого темпа роста производства, тем более что грубая эксплуатация рабочей силы, создававшая прибыль в годы промышленной революции на Западе, теперь исключалась. «С момента своей победы рабочий класс... не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям, как относился к ним капиталист» [42]. Более того, такая политика не только противоречила бы идеям равенства, но была бы неэффективной. «Рост заработной платы неизбежен также

вследствие самого факта индустриализации страны, потому что изменение технической базы всего государственного хозяйства... неизбежно требует роста квалификации работников» [43].

Дорогостоящий импорт иностранного оборудования не мог устранить разрыв между потребностями и возможностями. Любые усилия «социалистического протекционизма» ограничивались доходами от экспорта в основном сельскохозяйственной продукции, а они определялись спросом и ценами, которые советское государство не могло контролировать. Важность протекционистской торговой политики, однако, состояла не только в обмене собственных потребительских товаров на соответствующее количество иностранного оборудования, но и в том, что она защищала от еще более решительных мер против «закона стоимости» внутри страны. Эффективное ограничение иностранной конкуренции усилило бы монопольный контроль внутреннего рынка. Это положение марксистской теории империализма, согласно Преображенскому, было применимо и к советской экономике, которая могла лучше воспользоваться возникающими возможностями, чем система, основанная на частной собственности на средства производства: «сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен» [44]. Такое ценообразование на самом деле было бы «другой формой налогового обложения частного хозяйства» [44].

Преображенский, конечно, не отвергал прямого налогообложения как инструмента перераспределения доходов в пользу социалистической промышленности. На самом деле он, безусловно, хотел использовать его вместе с дискриминационными мерами в области железнодорожных тарифов, кредита и т.п.¹ Налогообложение с помощью цен, однако, было, на его взгляд, наиболее

---

¹ В более ранний период Преображенский был известен как горячий сторонник еще одного способа «первоначального социалистического накопления». В уже упоминавшейся книге «Бумажные деньги...», содержащей часто цитируемое восхваление печатного станка, как пулемета, атакующего буржуазию (2), был дан анализ процесса эмиссии денег как формы налогообложения. Но хотя он упомянул в «Новой экономике» об этом важном средстве прошлой политики, он не рекомендовал его использовать в настоящем, а в своих поздних заявлениях усиленно подчеркивал, что падение ценности рубля может вызвать серьезный спад в экономике, кульминацией которого мог бы стать массовый уход крестьян с рынка.

эффективным средством, чьи преимущества заключались «в крайнем удобстве взимания, не требующем ни одной копейки на специальные налоговые аппараты», и в политической адекватности. «Путь прямых налогов — путь наиболее опасный, путь, который ведет к размычке с крестьянством» [45].

Было бы неправильным предполагать, что Преображенский не знал о недостатках своего подхода. Наоборот, он высказывался совершенно определенно: «государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса)» [46]. Слишком большое увеличение цен не дало бы эффекта и либо привело бы к «организации конкурирующих предприятий с более низкой себестоимостью производства, чем у государства», либо развитие пошло бы «по линии сокращения спроса и прямого отказа от покупок вообще», как во время кризиса сбыта 1923 г. [47]. Кроме того, он считал монополию внешней торговли потенциальной причиной серьезного внутреннего конфликта. Преображенский опасался за стабильность советской системы, поскольку считал значительным недовольство крестьянства действиями власти, которая поднимала цены промышленных товаров на внутреннем рынке и не давала им обменивать идущие на экспорт сельскохозяйственные продукты на необходимые дешевые иностранные товары. Между прочим, именно поэтому левая оппозиция при обосновании необходимости быстрой индустриализации придавала обороне от внешней опасности меньшее значение, чем это делали ее оппоненты, хотя на первый взгляд должно было быть наоборот. Представители официальной партийной линии, так же как и Шанин, рассматривали возможность вооруженного нападения как главную опасность для сосуществования социалистической России и капиталистического мира. Они считали это главным аргументом для увеличения темпа накопления сверх того уровня, который при отсутствии капиталистического окружения был бы оптимальным. По мнению Преображенского и его друзей, низкая производительность советской промышленности по сравнению с Западом и связанные с этим тяготы населения даже при отсутствии военного нападения могли стать смертельной угрозой для советской системы. Поэтому для отражения внешней угрозы темп накопления следовало увеличить, чтобы в скором будущем произвести больше не только «пушек», но и «масла».

С этими противодействовавшими факторами следовало считать. Но в долгосрочной перспективе политика «первоначального социалистического накопления» могла смягчить это противоречие. Обновленное и увеличившееся в объеме промышленное оборудование, полученное в результате действия этой политики, увеличило бы доход всего общества, включая и крестьян. Они, следовательно, предъявили бы больший спрос на промышленные товары, несмотря на то что цены этих товаров снижались бы медленнее себестоимости и оставались бы выше мировых цен. Таким образом, постепенный рост реального дохода сопровождался бы ростом эффективности монополистического принуждения и обеспечил бы постоянное увеличение капиталовложений в промышленное строительство. Этот процесс продолжался бы до тех пор, пока производственные возможности советской экономики позволили бы достичь «технологического и экономического превосходства над капитализмом» [48]. Тогда можно было бы отказаться от монопольной политики, и дальнейший рост обеспечивался бы исключительно «прибавочным продуктом» социалистического сектора. В свою очередь, это создало бы условия для более существенных изменений. Задача накопления ресурсов отошла бы на второй план, и основой экономической политики стало бы «удовлетворение потребностей работников коллективного производства» [49]. «Цикл перестройки всей экономики» был бы завершен.

* * *

Публикация основной главы «Новой экономики» вызвала жаркую полемику, которая достигла апогея после выхода книги и не ослабевала несколько лет. Те, кто интересовались не политической аргументацией, а экономическими вопросами, в первую очередь критиковали концепцию «двух регуляторов», разработанную Преображенским как основу теории и политики социалистического ценообразования. На первый взгляд эта дискуссия была лишь софистикой. Одни оппоненты просто возражали против того, что советская экономика может иметь больше, чем один регулятор, и даже не пытались подкрепить свои возражения серьезными аргументами. Другие признавали существование двух противоположных регуляторов, но при этом традиционно противопоставляли «рынок» и «план», хотя Преображенский неоднократно отмечал,

что это лишено какого-либо смысла, пока не выяснено, что и зачем планируется и как действует рынок. Они не сомневались в том, что если товары продаются за деньги, а не распределяются непосредственно потребителям, то закон стоимости продолжает действовать. По их мнению, очевидное возражение, что согласно Марксу это верно только в условиях свободной купли-продажи всех производственных факторов и товаров, свидетельствовало лишь о том, что в советской экономике, в отсутствие такой свободы, закон стоимости действовал в «модифицированном» виде.

Всякий раз, когда в дискуссии обсуждалась конкретная политическая проблема, словопроения менялись на существенные аргументы. Западный исследователь легко заметит, что некоторые ограничения закона стоимости, о которых говорил Преображенский, вполне могли использоваться в современных учебниках по экономике при обосновании того положения, что уже произведенные затраты не влияют на текущие решения, при анализе различий между текущими и будущими затратами, при изучении соотношения общественной и частной выгоды. Хотя в ходе дискуссии проблема выбора между манипулированием ценами и использованием дотаций (или налогов) не рассматривалась на «микроэкономическом» уровне, она возникла на «макроэкономическом» уровне. Не следует забывать, что Преображенский приветствовал повышение цен как наилучший способ перераспределения доходов, в то время как его критики предпочитали метод прямого налогообложения. Тем не менее было бы неверно слишком сильно противопоставлять их позиции. Преображенский и не предлагал опираться исключительно на обложение через цены, его оппоненты, в свою очередь, не были скрытыми сторонниками теории «экономики благосостояния». Бухарин, как мы видели раньше, вполне определенно признавал необходимость «завышения» цен на промышленные товары. С другой стороны, когда он доказывал, что монополия ослабляет стимулы к совершенствованию производства, Преображенский не возражал. Наоборот, он сделал не вполне ясное замечание о том, что «потребительная сила рабочего класса... оказывает воздействие на государство», а если учесть влияние крестьянства и иностранного капитала, то она могла бы обеспечить мощный стимул для роста производительности труда [50]. Он также не отказался от своего часто повторяемого утверждения, что высокие прибыли, возникающие при монопольном це-

нообразовании, обеспечат необходимые средства для капиталовложений.

Причины использования столь неубедительных аргументов, характерные для всей дискуссии, лучше всего проявились в этом полемическом столкновении. Основные участники недостаточно четко формулировали (или осознавали) главные различия в своих подходах. Бухарин «образца 1924—1925 гг.» рассматривал долгосрочные, равно как и краткосрочные, аспекты экономического развития с точки зрения наиболее полного, сбалансированного и наиболее эффективного использования существующего производственного потенциала. Преображенский же был озабочен тем, что даже для текущего функционирования экономики этот потенциал был недостаточным. Разумеется, он не отрицал существования частичных диспропорций и необходимости стимулов, но рассматривал эти вопросы в контексте более важной проблемы «систематического недопроизводства», порожденного двумя причинами — уравнительным перераспределением доходов и нехваткой основных фондов, обострившейся в результате многолетней задержки с их обновлением. Его анализ выявил всю серьезность тех последствий, к которым может привести диспропорция между размерами промышленного оборудования, недостаточного (даже до его изнашивания) для использования наличных трудовых ресурсов, и миллионами зависимых от рынка крестьян, которые едва сводили концы с концами; при этом возможность иностранных займов была сведена практически до нуля. При такой «макроэкономической» диспропорциональности попытки повысить эффективность производства путем перераспределения существующих ресурсов не могли быть успешными. Только осуществление ускоренного накопления могло в короткий срок восстановить стабильность, приведя совокупный спрос в соответствие с наличным предложением товаров и обеспечив в дальнейшем рост производства и более высокий уровень предложения товаров. И только затем могли быть обеспечены реальные стимулы для более производительного труда.

Ценовая политика, которую защищал Преображенский, была орудием такого форсированного накопления. Другие ее последствия были для него второстепенными. Решающим пунктом была не проблема адекватности этого конкретного средства накопления и даже не более общий вопрос о том, в какой степени государственное манипулирование склонностью к потреблению со-

вместимо с неограниченным воздействием ценового механизма. Была ли осуществимой программа индустриализации Преображенского независимо от предлагаемых им для ее достижения экономических методов? Это был главный вопрос, и именно в этом пункте идеи Преображенского встретили наиболее решительные возражения.

* * *

Преображенский бичевал своих оппонентов за неспособность освободиться от «идеологии восстановительного периода», которая приводила их к завышенным оценкам роста производства в рамках существующих мощностей. Но критики правильно указывали, что и его собственные рекомендации отражали влияние той же идеологии [51]. Действительно, «форсированное накопление» за счет извлечения доходов крестьянства путем манипулирования ценами вполне могло происходить (несмотря на временные трудности) в тех условиях, когда монопольные доходы финансировали пополнение оборотных средств и неотложные мероприятия по поддержанию производства и когда убытки от высоких цен компенсировались почти мгновенным увеличением объема производства. В реконструктивный период эти механизмы уже не действовали. Переход от частичных улучшений к масштабному созданию основных фондов привел к резкому увеличению капитальных затрат в единицу времени и сроков, проходящих от вложения средств до начала выпуска продукции.

Преображенский хорошо осознавал эту ситуацию и понимал специфику обстоятельств, которые могли ухудшить экономическую обстановку. Если в течение длительного периода одна часть существующего оборудования за другой снижала свою производительность или снималась с эксплуатации без быстрой замены, то причины были не только в том, что большая часть ресурсов инвестировалась на длительный срок, но и в том, что в прошлом не создавалось резервов для замены оборудования.

«Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства» [52].

Попытка компенсировать возникающее в результате этого снижение выпуска с помощью более интенсивного использования действующего оборудования потребовала бы резко растущих издержек и дала бы скромные результаты, поскольку резервы производственных мощностей быстро заканчивались. Преображенский не рассматривал эту закономерность применительно к советской экономике, но в более поздней дискуссии о капитализме отметил, что экономический рост, основанный только на увеличении количества применяемой рабочей силы, сопровождается «ростом стоимости рабочей силы» в результате использования менее эффективного оборудования и худших земель [53]. Поэтому неизбежен был вывод о том, что хотя большое увеличение существующих мощностей могло бы увеличить предложение товаров в будущем, осуществление необходимых для этого капиталовложений ухудшило бы текущую ситуацию. В самом деле Преображенский говорил об этом совершенно определенно: «Переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения» [54]. Однако он не сделал неизбежного вывода о том, что в результате потребление в расчете на одного занятого сократилось бы.

В такой ситуации рыночная экономика не может избежать инфляционной спирали. Но и «рабочее государство», действующее в соответствии с рекомендациями Преображенского, не смогло бы предотвратить инфляцию, сдерживая рост заработной платы. Оставалась единственная возможность — переложить экономические тяготы на плечи крестьянства. Именно это предлагал Преображенский своей политикой «первоначального социалистического накопления». Но именно он также настаивал на том, что увеличение доходов, остающихся в распоряжении крестьянства, было самым сильным стимулом «неавтономного» инвестирования (3). Более того, он больше других обращал внимание на постоянную опасность крестьянской забастовки как ответ на нехватку промышленных товаров. Эта опасность могла возникнуть во время «нерегулярной реконструкции», когда предполагалось, что крестьяне будут отдавать больше своих продуктов, чем ранее, не получая в обмен эквивалента или, вполне вероятно, получая даже меньше, чем раньше. Известная фраза Преображенского: «брат с

мелкобуржуазных производителей... больше из еще большего дохода, чем брал капитализм» едва ли была верна для данного момента¹. «Мелкобуржуазные производители» могли ответить на попытку усиленного принуждения уходом с рынка, подрывая таким образом промышленный рост сокращением продовольственных поставок и косвенно иностранных средств производства, покупаемых за выручку от продажи сельскохозяйственной продукции на экспорт. Или же, заставив государство капитулировать, они могли навязать увеличение цен на продовольствие и запустить таким способом инфляционный процесс. Предлагаемое лекарство было более опасным, чем сама болезнь, именно этот аргумент выдвигали оппоненты Преображенского.

Преображенский тщетно пытался разрешить эту дилемму. Он пытался минимизировать опасность установления высоких промышленных цен, указывая, что преобладающие низкие оптовые цены все равно почти не давали выгод крестьянам. Когда оптовые цены не отражают реального дефицита, доказывал он, частный торговец, на которого крестьяне вынуждены были полагаться в большей степени, чем население в городах, «перешибает» цену в свою пользу [55]. На это его оппоненты отвечали, что даже если крестьяне действительно не пострадают от завышения цен, то пострадают рабочие и инфляционный процесс начнется с роста заработной платы. Более того, они доказывали, что попытка снизить норму прибыли в розничной торговле увеличением оптовых цен приведет либо к переносу этого увеличения на потребителей, либо к разрушению торгового аппарата, которое произойдет, если государство не создаст широкую собственную (или кооперативную) торговую сеть, — такой вариант Преображенский сильно критиковал. Он полагал, что расширение государственных расходов в эту сферу неизбежно произойдет за счет капиталовложений, предназначенных для расширения производ-

---

¹ Новая экономика. С. 100. Вероятно, однако, что Преображенский считал эту вызвавшую одобрение Бухарина формулу применимой скорее в долгосрочной, чем в краткосрочной, перспективе. Он поспешил добавить, что больший доход мелких производителей «будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого, хозяйства страны, на основе индустриализации страны, интенсификации земледелия» (там же). Более того, эта формула, вероятно, должна была относиться к достаточно высокой стадии этой «рационализации», иначе она противоречила бы тезису Преображенского об увеличении эффективности «социалистического монополизма» как результате первых успехов «первоначального социалистического накопления».

ственных мощностей [56]. На призыв к увеличению налогообложения зажиточного крестьянства был дан ответ, что это еще больше ухудшит ситуацию, поскольку сократит товарность крестьянского хозяйства. Такое развитие событий вызвало бы серьезные проблемы, поскольку в ближайшем будущем нельзя было поставить основной части крестьянства необходимое им большое количество сельскохозяйственных орудий.

По-видимому, не было случайным, что в последнем и наиболее систематическом изложении своей концепции Преображенский не повторил этих конкретных предложений, а ограничился развернутой формулировкой существующих противоречий. Его вывод заключался в том, что «вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только политически, но и по экономическим причинам и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран» [57]. В худшем случае это было равнозначно признанию, что все попытки найти решение в рамках изолированной советской экономики были обречены на провал. В лучшем случае это было отчаянной попыткой добиться будущей стабильности за счет огромного напряжения в настоящем, причем было не вполне понятно, как с ним бороться.

Для оппонентов Преображенского не составляло труда доказать, что «сверхиндустриалистский» путь вел в тупик. Гораздо сложнее было опровергнуть его рассуждения. Действительно, главный аргумент казался пугающе верным. Высокий темп роста казался жизненной необходимостью и в то же время основной угрозой. Если принять указанные предпосылки, это можно назвать выбором между смертельной болезнью и почти неизбежной смертью на операционном столе.

Ссылки автора

1. Шанин Л. Экономическая природа нашего безтоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 32—33.

2. Там же. С. 37.

3. Вопросы экономического курса // Большевик. 1926. 30 янв. С. 72.

4. Там же. С. 69, 71.

5. Там же. С. 77.

6. Там же. С. 77—78.

7. Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 38.

8. Большевик. 1926. 30 янв. С. 74.

9. Там же. С. 75.

10. Там же. С. 74—75.
11. Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 36—37.
12. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. 2-е изд. М.; Л., 1926. С. 39.
13. Там же. С. 131.
14. Там же. С. 124.
15. «Через год мы не в состоянии уже будем увеличивать продукцию нашей металлургии, используя оборудование старых заводов». См.: Экономические заметки. Ч. II // Большевик. 1926. 31 марта. С. 64.
16. *Преображенский Е.А.* Экономические заметки. Ч. I // Правда. 1925. 15 дек.
17. Там же.
18. Выступление в Коммунистической академии по докладу Милютин В.П. «Перспективы хозяйственного развития СССР (контрольные цифры Госплана)». 26—27 сентября 1926 г. // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 231.
19. Там же. С. 235.
20. Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII.
21. Там же. С. 69.
22. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 195.
23. Там же. С. 279.
24. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 69.
25. Там же. С. 70.
26. Новая экономика. С. 231.
27. Там же. С. 262.
28. *Преображенский Е.А.* Закат капитализма. 1931. С. 26, сноски.
29. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 42.
30. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 92.
31. *Young A.A.* Increasing Returns and Economic Progress // Economic Journal. 1928. Vol. 38. December. Reprinted in Readings in Economic Analysis. 2 vol. / Ed. by R.V. Clemence. Cambridge, Mass, 1950. Vol. 1; *Rosenstein-Rodan P.N.* Problems of Industrialisation of Eastern and Southeastern Europe // Economic Journal. 1943. Vol. 53. June—September. *Nurske R.* Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. N.Y., 1953.
32. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 102.
33. Там же. С. 145—146.
34. Там же. С. 149.
35. Там же. С. 328.
36. Там же. С. 327.
37. Там же. С. 183.
38. *Trotsky L.* Towards Socialism or Capitalism? L., 1926. P. 89.
39. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 183—184.
40. Там же. С. 45.
41. Там же. С. 143.
42. Там же. С. 136.
43. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 64.
44. Там же. С. 123.
45. Правда. 1924. 18 янв.
46. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 186.
47. Там же.
48. Там же. С. 40.

49. Там же. С. 31.
50. Там же. С. 284—286.
51. См. выступление Литвинова на дискуссии в Коммунистической академии. Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 257.
52. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 41.
53. *Преображенский Е.А.* Закат капитализма. С. 78.
54. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 41.
55. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 197, 278.
56. Там же. С. 224.
57. Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 70.

Комментарии научного редактора

1. Очевидно, что Е.А. Преображенский имеет в виду концепцию цепной связи А.А. Богданова. По-видимому, она не была знакома А. Эрлиху (*Belykh A.A.* A Note on the Origins of Input-Output Analysis and the Contribution of the Early Soviet Economists: Chayanov, Bogdanov and Kritsman // *Soviet Studies*. July 1989. Vol. XLI. N 3. P. 426—429; *Белых А.А.* История российских экономико-математических исследований (первые сто лет). М.: URSS, 2007. С. 56—58).

2. «Слава печатному станку! ...В архиве великой пролетарской революции... на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции» (*Преображенский Е.А.* Бумажные деньги... С. 3—4; см. также: *Он же.* Архивные документы... С. 599—600).

3. Принято выделять индуцированные и автономные капиталовложения (инвестиции). В первом случае имеется в виду то, что стимулом к инвестированию являются те или иные внутриэкономические факторы — прибыль, приносимая данным вложением, или потребность в сбалансировании отрасли производства для пропорционального развития. Стимулами к автономным капиталовложениям являются внешние по отношению к экономической системе факторы. К автономным капиталовложениям относят также затраты на создание и развитие новых видов техники, эффективность которой либо заранее неизвестна, либо не может проявиться в рассматриваемом периоде.

Глава III

ПОПЫТКА СИНТЕЗА

До сих пор мы наблюдали за стремительным развитием дискуссии, а потом она как будто зашла в тупик. Представители двух противоположных школ вели такую уничтожающую критику взглядов своих оппонентов, что напрашивался вывод — советская экономика попала в ловушку между Сциллой слишком медленного и Харибдой слишком быстрого развития. Совершенно естественно, что были сделаны попытки выйти из этого тупика. Деятельность В.А. Базарова, одного из интеллектуальных светил первого десятилетия большевизма, а после революции ведущего беспартийного экономиста Госплана, безусловно, является ярким примером этих усилий.

Базаров не пытался закрывать глаза на горькую правду. Наоборот, в результате последующих дискуссий его имя стало навсегда связанным с «теорией затухающей кривой». Эта теория являлась не чем иным, как формализованным утверждением, что в экономике, обладающей значительными резервами свободных производственных мощностей и опирающейся в своем росте в первую очередь на более интенсивное использование имеющихся мощностей, темпы роста будут постепенно снижаться по мере исчерпания свободных производственных мощностей. Этот вывод, без сомнения, полностью согласовывался с выводами Шанина, с одной стороны, и Преображенского — с другой. Действительно, даже краткое ознакомление с анализом советских экономических проблем, который осуществил Базаров, показывает, что он учел все уже рассмотренные нами факторы. Он особо подчеркивал различие в эластичности предложения на различных стадиях восстановительного периода:

«В противоположность прошлым годам, когда имелись в запасе все элементы производственной деятельности и достаточно было самых незначительных затрат для реставрирования какой-нибудь мелочи, чтобы пустить в ход огромные массы бездей-

ствующих производительных сил, в настоящее время активизация каждой новой единицы неиспользованного основного капитала требует больших и непрерывно возрастающих усилий» [1].

По его мнению, то, что на ранних стадиях восстановления экономики замена оборудования откладывалась, стало главной причиной серьезных трудностей в последующем:

«Если бы нам удалось в достаточной степени использовать его (восстановительного периода. — *А.Э.*) ресурсы для нового строительства в области промышленности... новые промышленные предприятия, стоящие на уровне современной техники, давали бы возможность и значительного расширения продукции, и значительного снижения ее себестоимости по сравнению с нашими теперешними фабриками и заводами с их чрезвычайно устарелым и изношенным оборудованием. Таким образом, вступление в работу вновь построенных предприятий, несмотря на стационарные и даже ухудшающиеся коэффициенты себестоимости на старых предприятиях, создало бы прочную материальную базу для систематического, не слишком быстрого, но неуклонного осуществления политики дефляции» [2].

На самом деле, однако, «мы подходим к исчерпанию восстановительного процесса без достаточной подготовки к грядущему периоду реконструкции, вследствие чего в начальные годы реконструктивного процесса мы неизбежно должны пережить значительное замедление темпов народнохозяйственного роста. В самом деле, мы должны немедленно тратить большие средства на реконструкцию, а результаты этой последней скажутся на росте производительных сил лишь через несколько лет, когда эти построенные предприятия начнут один за другим вступать в работу» [3].

Наконец, показано, что взрывоопасные возможности этого инвестиционного скачка связаны с высоким уровнем потребления, характерным для послереволюционной российской экономики:

«До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире... несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы донельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую “переходную эпоху” нашей системе хозяйства присуще прямо

противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил... Основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровню, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса» [4].

Базаров не верил, что эта высокая склонность к потреблению могла быть значительно изменена с помощью существующих общественно-экономических институтов. Для него было аксиомой то, что в советской системе исключены или, по крайней мере, существенно ограничены методы сдерживания роста личного потребления, характерные для капиталистической системы. Широко распространенное мнение о возможности увеличения накопления (и, следовательно, инвестиций) на величину, соответствующую объему прошлого потребления предметов роскоши капиталистов и помещиков, не производило на него никакого впечатления. То, что добывалось за счет сокращения потребления богатых, в большинстве своем поглощалось накладными расходами на содержание быстро растущего бюрократического аппарата, что было «неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры» [5]. Это не означало неэффективности планирования как такового. Наоборот, Базаров был твердо убежден, что плановая экономика даже в неблагоприятной обстановке отсталой страны сможет при прочих равных условиях продемонстрировать свое превосходство над капитализмом и, в частности, обеспечить «более рациональное использование той части народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию»¹. Действительное препятствие состояло в том, что не были равными «прочие условия»: объем ресурсов, которые могли быть выделены из текущего потребления в условиях советской экономики середины 1920-х гг., все равно был меньше, чем в довоенной России.

---

¹ О методологии построения перспективных планов // ПХ. 1926. № 7. С. 11. В статье, написанной двумя годами позже, Базаров специально подчеркивал, что советская система может добиваться более высокого уровня использования производственных мощностей, чем это возможно в условиях капитализма. По его мнению, это объясняло тот факт, что советское промышленное производство продолжало расти на довольно высоком уровне и после того, как был превышен довоенный уровень (О перспективах хозяйственного и культурного развития // ЭО. 1928. № 6. С. 61—62).

* * *

Короче говоря, на передний план вновь выдвинулись две составные части известной дилеммы. С одной стороны, потребности в капиталовложениях, необходимых для «реконструкции», принимали угрожающие размеры с точки зрения как объемов инвестирования в единицу времени, так и продолжительности периода их освоения. С другой стороны, добровольные или принудительные накопления все равно были недостаточными для того, чтобы обеспечить развертывание инвестиционного процесса без инфляционных нарушений. Но хотя диагноз Базарова был практически одинаковым с тем, о чем говорили левые и умеренные, его выводы были иными. По отношению к позиции левых он говорил, что «там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом» [6]. Существенным было и то, что Базаров отказывался «каждый день и час» следовать, как он называл, «директивным неравенствам»: темп роста производительных сил в СССР должен быть больше, чем в капиталистических странах, продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления, промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной и т.п. [7].

Но в то же самое время он вновь и вновь подчеркивал решающее значение «проблемы темпа» [8] и категорически отвергал идею задержки развития отраслей тяжелой промышленности. В своем ответе на статью Шанина 1925 г. он доказывал, что отсрочка капиталовложений в тяжелую промышленность помешает достижению целей тех, кто это предложение выдвигал. Для роста объема торговли между городом и деревней нужно увеличение железнодорожных и речных перевозок, что потребовало бы дополнительного большого объема продукции тяжелой промышленности. В интересах внешней торговли было бы необходимым предоставить благоприятные экспортные возможности не только сельскому хозяйству, но и определенному числу капиталоемких предприятий добывающей промышленности. Другими словами, даже по тем направлениям, которые предлагал Шанин, успех был невозможен без некоторого расширения собственной тяжелой промышленности. Более того, если отрасли, о которых идет речь, не должны были создаваться с нуля, а уже существо-

вали, отказ в выделении для них определенного минимума капиталовложений означал бы не только принесение в жертву потенциальных выгод в будущем, но и реальную опасность снижения выпуска по сравнению с текущим уровнем:

«Надо помнить, что для живого организма приостановка в развитии есть не стационарное состояние, а движение назад. ...Если бы мы по совету автора (Шанина. — А.Э.) забросили на ряд лет металлургию и металлообработку, то к моменту, когда по его плану настала бы пора приступить к разворачиванию этих отраслей, они пришли бы в состояние такой изношенности, запущенности и развала, что и разворачивать было бы нечего, а пришлось бы строить заново на чистом месте. Поставить подобного рода эксперимент — значило бы рискнуть утратой не только зданий и оборудования, но и еще гораздо более ценной и труднозаменимой производительной силы — кадров квалифицированных рабочих-металлистов» [9].

По его мнению, утверждение об опережающем развитии сельского хозяйства по сравнению с промышленностью не выдерживало критики. Такая политика вызвала бы изменения в торговле не в пользу сельского хозяйства (или в лучшем случае привела бы к закреплению существующего неравенства в виде «ножниц цен»). Кроме того, крестьяне уже не были готовы мириться с подобным состоянием дел, так как их спрос на промышленные товары стал гораздо более эластичным по цене, чем ранее:

«Пока дело идет об удовлетворении максимально-настоятельных и незаменимых потребностей в продуктах промышленности, крестьянин отчуждает избыток своего производства при явно невыгодном для него соотношении цен. Но отсюда отнюдь не следует, что он при тех же ценностных соотношениях будет стремиться расширять потребление промышленных продуктов за пределы безусловно необходимого, соответственно увеличивая и собственную товарную продукцию, несмотря на наличие обильных запасов (в связи с рекордным урожаем 1925 г. — А.Э.). ...Крестьянин не склонен... выбрасывать по пониженной цене новой продукции имеющегося у него излишка продуктов, с тем чтобы выманивать из города по повышенной цене новые порции (промышленного. — А.Э.) товара» [10].

Все это, без сомнения, сильно осложняло задачу планирования. Отказ от топорных методов потребовал более тонких методов, которые могли учесть существовавшие возможности. Именно в этой области Базаров сделал свой наиболее важный вклад.

* * *

Намек на возможность снижения напряженности содержался в том самом отрывке текста, который включал наиболее краткое описание «теории затухающей кривой». Указав на отсутствие плавности в переходе от «восстановления» к процессу крупномасштабного инвестирования, Базаров доказывал, что связанные с процессом перехода затруднения будут зависеть от характера использования инвестируемых ресурсов, более конкретно, будут ли они использованы непосредственно для нового строительства или пойдут на обновление и частичное переоборудование старых заводов. Он с готовностью признавал, что с точки зрения длительной перспективы «устарелые предприятия должны лишь дорабатывать свой срок и не заслуживают значительных капитальных вложений, ибо небольшое увеличение объема и еще того меньший рост уровня производительных сил покупается здесь дорогой ценой относительно крупных затрат».

Однако, «избежать таких “нерациональных” затрат мы, очевидно, не сможем. В самом деле, если бы мы решили производить только такие капитальные вложения, которые представляются рациональными в свете генерального плана (т.е. в долгосрочной перспективе. — А.Э.), то нам пришлось бы все вкладываемое в производство накопление загнать в новые строительные работы, ограничив расходы на поддержание действующих предприятий рамками так называемого текущего ремонта. В результате на ближайший период, пока новые предприятия еще только строятся, мы получили бы уже не ослабление темпа роста, а полную стационарность физического объема продукции и падение средней производительности промышленного труда при резком повышении фонда заработной платы за счет кадров пролетариата, вовлеченных в новое строительство».

Очевидным выводом из этого было то, что «для смягчения трудностей переходного периода необходимо наряду с новым строительством... тратить очень большие средства на предприятия заведомо плохие, лишь бы добиться немедленного, хотя бы и сравнительно умеренного, повышения их производительности» [11].

Необходимость поиска компромисса между стабильностью и темпом прогрессивных изменений потребовала бы в следующие несколько лет относительно высокой доли частичной или полной реконструкции промышленных предприятий (в общем объеме

инвестиций. — *А.Б.*) По мере того как в строй постепенно вступали бы вновь построенные промышленные предприятия, эта доля соответственно снижалась бы.

Второе направление борьбы с трудностями заключалось в разработке структуры, отраслевой направленности и очередности во времени нового строительства. Отчаянная нехватка средств на капиталовложения требовала, как достаточно неуклюже сформулировал Базаров, «достижения возможно большей эффективности... при возможно меньших затратах на капитальное строительство» [12]. Это вовсе не предполагало, что итоговое увеличение текущего объема производства будет фиктивным или купленным за счет технологического застоя. Значительный рост был еще возможен. Прежде всего в отсталой стране, какой была Россия, существовали большие резервы технологических усовершенствований, которые можно было с небольшими затратами использовать в производстве просто путем обучения. Кроме того, существовали две специфические тенденции современного технологического развития, «которые при их умелом и систематическом использовании позволили бы нам придать индустриализации исключительно мощный размах, далеко опережающий темпы роста капиталистических стран в соответственную эпоху их развития» [13].

Первая была связана с организационными изменениями на предприятиях и с координацией отдельных элементов производительных сил («ускорение работы механизмов при специализации и автоматизации сложных операций»), которые в то время концентрированно внедрялись в европейской промышленности под лозунгами «рационализации». Другая крупная возможность заключалась в электрификации, которая позволяла использовать энергию без монтажа крупных топливных установок на энергопотребляющих предприятиях. Более того, передача нового вида энергии на большие расстояния с низкими издержками снизила бы потребность в концентрации производства в больших городах и, таким образом, помогла бы решить одну из наиболее серьезных проблем социальной инфраструктуры. Это дало бы широкие возможности увеличения производительности труда миллионов людей, занятых в кустарном производстве и крестьянском хозяйстве. Основным результатом этого был бы таким же. Происходило бы увеличение производства продукции без какого-либо соответственно пропорционального увеличения основных фондов.

На первый взгляд все эти предложения имели один общий существенный изъян — они, как казалось, не учитывали того, что, хотя предлагаемые варианты развития могли быть капиталосберегающими на стадии эксплуатации, на стадии строительства они требовали бы затрат капитала. Базаров был готов к таким возражениям. Переоборудование экономики, доказывал он, должно было осуществляться не одновременно, а в определенной последовательности. «Рационализация в самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. ...В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер». Других отраслей переоборудование пока не касалось. Их продукция могла быть дополнена импортом и «концессиями», предоставляемыми иностранному капиталу. Попытка игнорировать эту последовательность и ускорять экономический рост по всем направлениям могла бы иметь самые пагубные последствия.

«Наша организационно-техническая неподготовленность и нерациональное распыление средств, неизбежное при такой поверхностной индустриальной экспансии, приведут к тому, что эти новые предприятия, поглотив в общей сложности огромные капитальные вложения, будут влачить чахлае существование, переживая нескончаемые “детские болезни” и выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества» [14].

Необходимость обороны страны не позволила бы бескомпромиссно проводить правильную экономическую политику, но в итоге отклонения от «оптимума» невелики:

«Для укрепления нашей обороноспособности мы вынуждены ставить и развивать предприятия, не удовлетворяющие этому принципу (рациональной очередности. — А.Э.). Но исключения из этого ряда должны быть ограничены продукцией специального назначения, группой кадровых предприятий. Что же касается всех тех сфер индустриализации, которые в мирное время призваны обслуживать, так сказать, “гражданские” потребности, то здесь интересы обороноспособности и интересы народнохозяйственного целого совпадают: укрепление и повышение хозяй-

ственной мощи СССР есть вместе с тем укрепление его обороноспособности» [15].

Как было показано ранее, Базаров ни в коем случае не отрицал значения небольших, но быстрых приростов выпуска продукции. Это четко показывают его рассуждения о соотношении значимости строительства новых и обновления старых заводов. Но в своей поддержке политики «обмена производительности на скорость» он не доходил до крайностей, по его мнению, широкомасштабное строительство заводов с оборудованием низкого качества, безусловно, потребовало бы больших ресурсов и связало бы их на более длительное время, чем при «ремонте и запуске оборудования». Потеря в долгосрочной производительности, связанная с указанным действием, на его взгляд, была слишком высока:

«Специализация производства при ограниченном его масштабе неосуществима. Следовательно... мы были бы вынуждены вложить большие средства в технические сооружения устарелого типа — в сооружения, эффективность которых много меньше эффективности западноевропейских или американских конкурентов. Таким образом, мы с наступлением предпосылок массовой продукции в очень многих случаях будем поставлены перед альтернативой: или дорабатывать до “конца”, до пределов естественного износа предприятия, морально устаревшие еще до своего рождения на свет... или аннулировать в недоиспользованном виде миллионы “человеко-дней”, воплощенных в нерациональном строительстве»¹.

---

¹ Принципы построения перспективных планов // ПХ. 1928. № 2. С. 49. Полный отказ «вкладывать капитал в оборудование устарелого типа» мог показаться слишком категоричным, если понятие «устарелый тип» относить к любому оборудованию, которое не является последним словом технологических знаний. Однако цитируемая формула совершенно приемлема, если подразумевается оборудование с удельными издержками (в течение определенного периода) большими, чем у нового оборудования (при заданных в рассматриваемом периоде относительных ценах на производственные факторы или в крайнем случае при любых подобных ценах). Более того, тогда полностью оправданны опасения Базарова насчет устаревших мощностей, используемых до полного физического износа, или связанных с этим «выброшенных миллионах человеко-дней». Продолжение эксплуатации оборудования, ставшего убыточным после того, как новое изобретение сделало его преждевременно устаревшим, или списание этого оборудования, если издержки производимой на нем продукции превысили бы полную себестоимость выпуска этой продукции с использованием новой техники, было бы неизбежной платой за технический прогресс. Инвестирование в оборудование, которое экономически устареет до того, как начнет «окупать» себя, представляло бы чистой воды расточительность. Базаров не сформулировал эти соображения (менее знакомые его советской аудитории, чем западным экономистам) в явном виде, однако они явно вытекают из его рассуждений.

По отношению к электрификации ситуация была по сути такой же. Базаров полностью осознавал, что в этой сфере, как и на транспорте, максимизация в краткосрочной перспективе отдачи от вложения капитала не могла быть критерием инвестиций:

«Если масштаб развертывания предприятий, производящих орудия производства, определяется фактически проявленной реальной потребностью, то энергетические установки и транспортное строительство должны ориентироваться не на реальный, а на потенциальный спрос... Приступая к проведению такой сети в каком-нибудь районе, мы еще не имеем тех грузовых потоков, на которые рассчитана сеть. Но уже существуют как материальные, так и персональные элементы производства, которые при бездорожье обречены оставаться в разъединенном состоянии, а после проведения дороги должны объединиться в акте производительного труда, насытив его продуктами вновь созданные транспортные артерии» [16].

Это утверждение могло быть понято как стандартное описание «внешних факторов экономии», которые стимулировали бы развитие на соответствующей территории и вложения в которые окупились бы в додгосрочной перспективе по мере роста получаемой от них отдачи. Базаров хорошо понимал возможные последствия «строительства, опережающего спрос». Хотя он не писал о них подробно¹, он был осторожен в своих практических рекомендациях. Он считал, что поначалу наибольший приоритет в электрификации следовало бы отдавать тем регионам, в которых плотность населения и развитие промышленности уже достигли относительно высокого уровня по сравнению с областями, которые еще только надо было осваивать. По его мнению, необходимо было «приступать с особой осмотрительностью к силовым установкам, мощность которых могла быть полностью утилизирована лишь после того, как в обслуживаемом ими районе будут созданы новые виды индустрии, требующие больших капитальных вложений и длительных сроков строительства» [17].

---

¹ Базаров мог бы указать, что этот рост мог рассматриваться как саморазвивающийся процесс, начинающийся с непосредственного внедрения рассматриваемого проекта, поддерживаемый как за счет эффекта мультипликатора (т.е. роста реального дохода), так и за счет взаимодополняющих связей с предприятиями, создаваемыми в ходе осуществления данного проекта и обеспечивающими его полную реализацию. Отметим по поводу последнего соображения, что общее впечатление спиралевидного роста создается благодаря тому, что различные части общего проекта формируются не сразу, а последовательно.

Острая нехватка ресурсов для инвестирования и огромная потребность в быстром увеличении производства также требовали самоограничения.

Экономия капитала в ходе быстрого расширения производства была совершенно необходима не только для уменьшения инфляционного давления и предотвращения растраты капиталовложений. Это было также необходимо для решения другой проблемы советской экономики — безработицы. Ее причина, по мнению Базарова, заключалась не в отсутствии совокупного спроса, а в нехватке капитала. Здесь он вновь был близок к позиции Преображенского, точно так же как и в вопросе об увеличивающемся вытеснении рабочей силы под действием технического прогресса. «Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей?» [18]. Предложенные им методы лечения, однако, в целом отличались от позиции Преображенского. Сельские безработные должны были бы не устремляться в города, а в основном использоваться либо в самом сельском хозяйстве, либо в «тех видах индустрии, которые могут быть соединены с земледелием» [19]. Другим важным рынком рабочей силы могло стать осуществление проектов, относящихся к несельскохозяйственной сфере, но имеющих низкую капиталоемкость на одного занятого. В связи с этим большое значение могли иметь «земляные работы, предшествующие строительству дорог или созданию гидроэнергетических установок». Удачным совпадением было, конечно, то, что в обеих сферах, имеющих чрезвычайное значение для увеличения производственных мощностей в слаборазвитой экономике, можно было использовать технологии с высокими трудозатратами.

Но в то время как Базаров настаивал на больших усилиях в области сбережения скудных капиталовложений, он особо выделил случай, когда эффективность была важнее использования трудовых ресурсов. По его мнению, существовали две альтернативы: 1) «при равенстве капитальных вложений более трудоемкий вариант дает по сравнению с менее трудоемким рост физического объема продукции в той или даже еще большей пропорции, чем рост числа занятых рабочих»; 2) «при равенстве капитальных вложений более трудоемкое предприятие дает меньше продукции на каждого занятого в нем работника, чем предприятие менее трудоемкое». Базаров без колебаний признавал

необходимость использования критерия трудоемкости в первом варианте и точно так же отвергал его во втором:

«Можно отстаивать, и действительно отстаивают, целесообразность больших капитальных вложений на ремонт и подновление технически отсталых предприятий в противовес строительству заводов нового типа, которые-де грозят пролетариату увеличением безработицы, чрезмерно повышая производительность труда. С такой постановкой вопроса никак нельзя согласиться. Консервация на многие годы отсталой техники при помощи значительных затрат на ее воспроизводство в неизменном или почти неизменном виде есть прямое отрицание плановой реконструкции, очевиднейшее *testimonium pauperitas* (1) планового принципа»¹.

Нетрудно понять, почему концепциями Базарова интересовались и терпимо к ним относились даже те, кто не был согласен с ним по существу. Без сомнения, он обладал ясным пониманием проблем, которые необходимо было решить, и противоречащих положений, которые необходимо было принять во внимание. Хотя его попытки установить четкие критерии, позволяющие принимать конкретные решения, оказались, как будет показано ниже, менее чем успешными, эти ошибки не снижают ценности разработанной Базаровым экономической политики. Более того, он имел четкое представление об экономических методах и организационных мерах, необходимых для успешного осуществления этой политики. Его участие в дискуссии по этим вопросам четко выявило «метаэкономическую» основу его концепции.

Безусловно, Базаров был открытым сторонником государственного контроля над экономикой. В своих работах более раннего периода он доказывал, что «эпоха империалистических и гражданских войн произвела такие грандиозные деформации в системе нашего народного хозяйства, создала такие диспропорции

---

¹ ПХ. 1928. № 2. С. 52—53. Читатель может заметить, что подход, столь категорически осужденный в предложенном отрывке, частично совпадает с защищаемой Базаровым в его ранней статье политикой «ремонта и запуска оборудования». Эта политика основывалась на идее поддержания роста выпуска в расчете на единицу капитала даже ценой более высокой себестоимости продукции. Следовательно, экономика, в которой воплощалась бы идея Базарова о неизбежности «нерациональных издержек», иногда действовала бы так, *как будто* соображения занятости ставились на первое место, но различия в целевых установках всегда проявляли бы себя, если более трудоемкий вариант *не* давал бы большего прироста выпуска.

между отдельными частями, что потребна рассчитанная на длительный период восстановительная программа» [20]. Он с таким же пылом настаивал на необходимости централизованного планирования и позже, когда участвовал в подготовке первоначальных вариантов первого пятилетнего плана. Он выступал за то, что система приоритетов должна устанавливаться плановыми органами, а не «невидимой рукой». Но принятие важнейших инвестиционных решений наверху, по его мнению, не устраняло широкого использования рыночного механизма:

«...Только рынок позволяет в теперешних условиях создать автоматический контроль над правильностью всех действий, автоматический счетчик, показывающий результаты деятельности каждой отрасли хозяйства, каждого предприятия в отдельности. ...Наличие рынка и хозрасчет суть предпосылки всякого возможного планирования независимо от того, будет ли мировая революция или нет» [21].

Несколько лет спустя в статье, посвященной обсуждению проекта первого пятилетнего плана, он предположил, что введение ставки процента по кредитам для государственных предприятий заставит хозяйственных руководителей рассматривать время как один из факторов себестоимости. В результате этого возросла бы скорость создания новых заводов, которая, по его мнению, была одним из слабых мест советской экономики:

«Концессионер учитывает как убыток каждый день, в течение которого его капитал, вложенный в новое строительство, не функционирует производительно, тогда как (государственному. — А.Э.) тресту, поскольку он строит не на заемные, а на «свои» или дотационные средства, подчас все равно, будет ли его капитал лежать втуне два года или несколько лет. ...С каждого переданного промышленности рубля государство должно взимать известный не слишком высокий, но все же чувствительный процент» [22].

Легко заметить сходство между подходом Базарова к функционированию ценового механизма и позицией Бухарина. Также очевидно, что хотя идеи этих ученых находились в зачаточном состоянии, они имеют много общего с современными концепциями западных экономистов социального направления. Эти советские теоретики легко могут быть размещены между сторонниками «демократического планирования» и защитниками чистого «рыночного социализма». Однако они были более настойчивы, чем их западные коллеги, в попытках увязать дискуссию

по поводу методов экономического управления с обсуждением общей обстановки и тех общественных институтов, в рамках которых эти экономические рычаги будут действовать; и в этом Базаров продвинулся гораздо дальше Бухарина. Он продолжал вновь и вновь настаивать, что вековая культурная отсталость в сочетании с недостаточно решительным поведением и социальной ответственностью людей были самыми сложными препятствиями для быстрого экономического роста в России. Он горячо верил, что этот камень преткновения мог быть устранен только с созданием общественных условий, в которых интеллектуальная смелость и желание перемен могли бы свободно проявляться: первая задача разумного руководства состояла бы в том, чтобы «везде и всюду, в индивидуумах и коллективах, выискивать и заботливо растить дух изобретательства, дух творческой инициативы и к этой основной цели приспособлять все социальные “надстройки”» [23]. Он не оставлял никаких сомнений относительно своего взгляда на политические стороны этих «надстроек», когда напомнил в одной из своих последних записанных речей афоризм ряда представителей дореволюционного либерализма: «конституция необходима даже для создания хорошего детского сада» [24]. Именно эта убежденность в конечной тождественности между эффективностью и свободой лежала в основе его образа мыслей и была главной причиной несовместимости его взглядов и окружающей его действительности. Именно нежелание отречься от этих взглядов позже обрекло его на поражение. В те годы казалось, что пропасть можно преодолеть, но действительность оказалась иной. И, несмотря на то что «честнейший беспартийный», как Базаров полушутя себя называл, оставался в стороне от основных битв, с большим шумом происходящих в большевистской партии, изложенные им идеи были очень близки к новому курсу фракции, которая тогда находилась у власти и отвечала за проведение экономической политики.

СПРАВКА

Ради хронологической точности следует отметить, что первую версию теории «затухающей кривой» в статье, опубликованной в начале 1925 г., предложил В.Г. Громан, близкий друг Базарова, один из выдающийся советских статистиков. Он подчеркивал, что Гражданская война по-разному повлияла на сферы эконо-

мики. Меньшее разрушение в сельском хозяйстве объяснялось «примитивностью производственного процесса, непосредственной связанностью существования людей с результатом этого производства и неповрежденностью основного средства производства — земли», в то время как промышленность, «состоящая из сложных производственных конгломератов, лишается производственных способностей при порче или уничтожении или временном отсутствии хотя бы нескольких элементов». В ходе «восстановления» это основное различие в технологии было благоприятным для промышленности. Хотя в середине 20-х гг. объем промышленного производства еще не достиг довоенного уровня, в отличие от объема производства сельского хозяйства промышленное производство приближалось к нему быстрее, чем сельское хозяйство, так как в промышленности «путем воссоздания небольшого числа элементов приводилось в действие огромное количество производительных сил» [25].

Без сомнения, это было упрощенное, но в основном правильное описание этой фазы советского экономического возрождения, когда все еще продолжалось «легкое развитие». Но Громан ослабил свою позицию некоторыми эксцентричными статистическими выкладками. По его словам, он установил, что пропорция объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства во второй и третий годы восстановления приближалась к соотношению 63 : 37, что было характерно, согласно его подсчетам, для 1913 г. Громан трактовал это как свидетельство того, что: 1) изменения в ценах начиная с предвоенного периода имели тенденцию компенсировать почти полностью сдвиги в соответствующих уровнях производства и 2) устойчивое увеличение предложения промышленных товаров вместе с последовательным снижением себестоимости благодаря улучшению использования производственных мощностей сблизит лезвия «ножниц» и приведет не только общий объем производства в денежном выражении, но и соответствующие сельскохозяйственные и промышленные цены к довоенному уровню. Он настойчиво подчеркивал, что постоянство в этой пропорции будет сохраняться до тех пор, пока восстановительный процесс будет ограничиваться полным использованием мощностей, унаследованных как по размерам, так и по структуре от довоенного периода:

«Мы явно и очевидно приближаемся к довоенному соотношению сравнительных размеров производства сельского хозяй-

ства и промышленности. Но дойдем ли мы до него или даже перешагнем его, это будет зависеть от того, как мы разрешим проблему основного капитала. ...Соотношение самих уровней цен (сельскохозяйственных и промышленных. — А.Э.) все более и более приближается к довоенной норме... если мы индустриализуем страну, произведя притом техническую реконструкцию, понижающую себестоимость» [26].

Эти оговорки были, безусловно, существенны, так как они показывают лживость официальных экономистов, которые в более поздний период пытались трактовать утверждения Громана о пропорции 63 : 37 как зловещую попытку навсегда законсервировать соотношение между советской промышленностью и сельским хозяйством на уровне отсталой царской России. Но даже если отбросить эти жульнические аргументы, не перестает вызывать изумление мысль о том, что движение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары может точно компенсировать противоположные изменения в объемах производства данных отраслей. В ее основе лежат предположения о неизменности спроса и неэластичности предложения в течение всего рассматриваемого периода, которые поистине удивительны, даже если они относятся к периоду, предшествующему возобновлению крупномасштабной инвестиционной активности. Поэтому закономерно, что, хотя предложенная Громаном общая характеристика восстановительного процесса была общепринятой и развивалась другими экономистами, его попытки прогнозировать развитие стали довольно легкой мишенью для критики.

Ссылки автора

1. Перспективы 1926/27 экономического года // Экономическое обозрение. 1926. № 9. С. 6.
2. Там же. С. 9.
3. *Базаров В.А.* О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 18.
4. *Базаров В.А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л., 1927. С. 98—99.
5. Плановое хозяйство. 1926. С. 12.
6. *Базаров В.А.* Принципы построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 47.
7. Там же. С. 63.
8. Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 12.
9. *Базаров В.А.* Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. 1925. № 12. С. 40.
10. Там же. С. 36.

11. Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 18—19.
12. Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 47.
13. Там же.
14. Там же. С. 48—49.
15. Там же. С. 49.
16. Там же. С. 51.
17. Там же. С. 52.
18. Там же. С. 45.
19. *Базаров В.А.* О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 43—44.
20. К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 8. Цит. по: *Рагольский М.* О вредительской теории планирования Громана—Базарова // Плановое хозяйство. 1930. № 10—11. С. 75.
21. Доклад 2 ноября 1923 г. Архив Госплана. Цит. по: *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. М.; Л., 1932. С. 40.
22. Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46.
23. О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 64.
24. Выступление на II съезде плановых органов в 1927 г. Цит. по: *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. С. 121.
25. *Громан В.Г.* О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 94.
26. Там же. С. 95, 100.

Комментарий научного редактора

1. *Testimonium pauperitas* (лат.) — свидетельство нищеты.

Глава IV

ШКОЛА БУХАРИНА ПЕРЕСМАТРИВАЕТ СВОИ ВЗГЛЯДЫ

Первой реакцией Бухарина и его последователей на новые проблемы был отказ признать их существование. В полемике против Г.Л. Пятакова, одного из лидеров левой оппозиции, который первым привлек внимание экономистов к проблеме недостаточного замещения изношенного оборудования [1], Бухарин обвинил своего оппонента в неспособности полностью осознать значение увеличения скорости оборота капитала. Торжествуя отметив, что Пятаков вынужден был признать экономию оборотного капитала, возникающую при ускорении его оборачиваемости, Бухарин сделал вывод: «Все это, разумеется, ближайшим образом относится к проблеме восстановления основного капитала» [2]. То, что воспроизводство основного капитала требовало более крупных и более долгосрочных инвестиций, чем ускорение оборота, казалось неважным. Но уже в декабре 1925 г. Бухарин сделал заявление, обнаружившее перемену настроения: «Мы вполне завоевали... убеждение в том, что ... мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе... что мы будем плестись черепашьям шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим» [3]. Вполне логично, что эта декларация сразу стала излюбленной мишенью для критики со стороны левых. Она была, конечно, неотъемлемой частью политической философии, создавшей злополучный лозунг «Обогащайтесь!», но с точки зрения экономической политики представляла собой новую вариацию — вынужденное согласие с «черепашьям шагом», что звучало значительно менее оптимистично, чем более ранние обещания «очень быстрого темпа».

Из этих противоречивых взглядов постепенно возникала новая политика. Без сомнения, основные черты старого подхода сохранялись и о них продолжали говорить с тем же энтузиазмом. «У нас хозяйство для потребителя, а не потребитель для хозяй-

ства», — заявлял Бухарин. Он восхвалял «новую экономику», которая «тем и отличается от экономики старой, что она должна ориентироваться на потребности масс, а не на ту прибыль, которую получаешь в понедельник или вторник, не думая даже о том, что будет в четверг или пятницу» [4], и он был уверен, что политика снижения цен заставит хозяйственных руководителей предприятий снижать себестоимость продукции. Однако в то же самое время в его высказываниях появились новые интонации. Бухарин понимал, что для успешного перехода советской экономики от восстановительного периода к реконструктивному периоду необходимо решить «задачу изыскания и приложения капитальных средств, идущих на расширение производственного базиса, на постройку новых предприятий, в значительной мере на новой технической основе». Он подчеркивал, что «это задача величайшей трудности» [5]. А.И. Рыков, преемник Ленина на посту председателя СНК, alter ego Бухарина в общей экономической политике, высказывался более ясно и конкретно:

«Страна дальше жить без так называемых капитальных вложений не может. Современная дороговизна промышленных изделий, конечно, во многом зависит от недостаточно хорошей организации хозяйства, больших накладных расходов и т.д. Но главной и притом длительной причиной этой дороговизны является изношенность и отсталость нашего промышленного оборудования. ...С полным освоением фонда бывших частновладельческих земель, находящихся ныне в руках крестьянства, и исчерпанием экстенсивных способов земледелия крестьянство — в особенности в густо населенных районах — не может дальше развивать сельское хозяйство на основе своей отсталой техники» [6].

Он еще более четко сформулировал свою позицию в ответе Сокольникову несколько месяцев спустя:

«Сейчас вопрос заключается не в том, чтобы обеспечить, как говорит г. Сокольников, “самые несложные, первоначальные, примитивные потребности”, это пройденный этап. ...Тов. Сокольников “усовершенствование техники, увеличение основного капитала страны” считает задачей будущего. На самом деле эти задачи во весь рост стоят перед нами в настоящее время» [7].

Это изменение в подходах повлияло на стиль полемики. Больше никто не пытался обойти стороной сложные проблемы, зато стали говорить, что решать их нужно с осмотрительностью. Преимущество в дискуссии было получено, как мы уже видели, с помо-

щью одного из главных аргументов левой оппозиции, повернутого против них же [8]. Доказывалось, что при осуществлении инвестиций с длительным периодом отдачи в предлагаемых Преображенским и его союзниками размерах товарный голод будет усиливаться, а не уменьшаться. Такая политика вызовет напряжение в экономике и поставит под угрозу достижения нэпа. В этом вопросе выявился еще один сдвиг в аргументации. Главной опасностью считался теперь не недостаточный, а чрезмерный крестьянский спрос на промышленные товары. Вероятной ответной мерой крестьянства на повышение цен на промышленные товары теперь считалась не «забастовка» крестьян как покупателей, а снижение ими поставок сельскохозяйственной продукции, что нарушило бы работу промышленности. Более того, рост цен особенно сильно ударил бы по беднейшему крестьянству и привел бы к дальнейшей социальной дифференциации крестьянства, которая так волновала левых, и увеличил бы массовую миграцию из деревень в города, ухудшая еще больше проблему безработицы [9].

Воздействие политики левых на взаимоотношения между городом и деревней было главной проблемой, обсуждаемой группой Бухарина. Однако это был не единственный источник опасений. Критика амбициозных планов левых в области индустриализации подкреплялась доводами о тех перекосах, которые их политика вызвала бы во всей несельскохозяйственной сфере. Жупел «туган-барановщины» больше не использовался. Критической проблемой считалось теперь не отсутствие возможностей для инвестиций, а недостаток ресурсов для капитальных вложений. Если бросить все наличные ресурсы на создание новых заводов, подчеркивал Рыков, то вновь построенные заводы из-за нехватки сырья будут оставаться на некоторое время недогруженными. Очевидно, что возникающая при этом растрата ресурсов была бы особенно большой, поскольку в связи с задержкой пуска новых заводов их оборудование могло бы преждевременно устареть [10]. Другой потенциальной проблемой были бы неожиданные изменения в экономике, функционирующей с огромным напряжением. Рыков подчеркивал: «У нас не всегда оказывается достаточно запасных средств, когда встречается необходимость сколько-нибудь значительных непредвиденных расходов, чтобы заткнуть в нужную минуту ту или другую дыру на каком-либо участке хозяйственного фронта» [11].

Бухарин высказывался в том же ключе: «Теми ресурсами на капитальное строительство, которые у нас имеются, мы не можем маневрировать и, вложив определенную сумму в капитальное строительство, мы не можем ее по другому перераспределить» [12].

При пропаганде идей «рационализации, равно как и обновления и расширения основного капитала», было совершенно необходимо преодолеть ошибочные представления о пропорциях между отраслями, производящими средства производства и предметы потребления в условиях планового развития.

«Мы считаем, что та формула, которая говорит: максимум вложений в тяжелую индустрию, — является не совсем правильной или, вернее, совсем неправильной. Если мы должны иметь центр тяжести в развитии тяжелой индустрии, то мы должны это развитие тяжелой индустрии сочетать и с соответствующим развертыванием легкой индустрии, более быстро оборачиваемой, более быстро реализуемой, возвращающей скорее те суммы, которые на нее были затрачены. Мы должны, повторяю, делать так, чтобы получить наиболее благоприятное сочетание»¹.

В этой же самой речи он отметил, что политика равномерно распределения ограниченных ресурсов по многочисленным одновременно начатым стройкам приведет к большим задержкам при завершении каждой из них и, следовательно, для освоения всех инвестиций потребуется больше времени, чем при концентрации того же объема капиталовложений на меньшем числе объектов.

Более полное исследование этих проблем было дано в «Заметках экономиста» — последней опубликованной работе, выражающей позицию Бухарина по вопросам текущей экономической политики [13]. В этой статье Бухарин подытожил свои взгляды

---

¹ Об итогах объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // П. 1927 г. 4 нояб. Ясно (хотя Бухарин этого не формулировал в явном виде), что значение термина «более быстрый оборот» подверглось изменению. До сих пор он использовался для того, чтобы подчеркнуть значение роста производства продукции, получаемого благодаря более интенсивному использованию существующего оборудования, в то время как в данном контексте он упоминается в связи с «оптимальным сочетанием» между различными по времени вариантами полномасштабного инвестирования в *новые* заводы. Критерий, определяющий «оптимальное сочетание», не был объяснен — довольно типичный случай в дискуссии, в ходе которой концепция оптимума часто обсуждалась, но так и не была сформулирована.

на процесс индустриализации в СССР. Он вновь подчеркивал, что «наивысший длительно темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве». В то же время он очень четко высказал положение, которое, что весьма примечательно, отсутствовало в его более ранних работах: «...в полунищей стране необходимо собрать и производительно применить, превратив в новую технику, новые здания и т.д., огромные суммы “капитала”». Главным в статье, однако, было не изложение этих общих идей, а анализ реальной ситуации в советской экономике. Отметив, что «сама промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъявляет и бешеный спрос на промтовары же, но не может его удовлетворить», Бухарин продолжил свой анализ узких мест, препятствовавших развитию экономики («взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности, например явное отставание металлургии»; «взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства»; недостаточность производства сельскохозяйственного сырья). Результатом является «перенапряжение капитальных затрат», которое: «1) не будет сопровождаться реальным строительством такого объема, 2) неизбежно через некоторое время поведет к свертыванию уже начатых работ, 3) крайне неблагоприятно отразится на других отраслях производства, 4) обострит товарный голод по всем линиям, 5) в конечном счете снизит темп развития». Именно в этом контексте Бухарин высказал формулировку, которая позже стала знаменитой: «из “будущих кирпичей” нельзя строить “настоящие” фабрики даже по Бём-Баверку». То, что Бухарин углубил свой анализ по сравнению с более ранними работами, без сомнения, отражало реальные изменения в советской экономике в тот период. Как мы увидим ниже, развитие событий стало принимать, по мнению Бухарина и его политических союзников, опасный оборот.

* * *

Позиции, по которым происходило размежевание с крайне правыми и крайне левыми, были четко определены. Представители группы Бухарина—Рыкова, признавая необходимость «крупных капиталовложений», подчеркивали, что общий темп эко-

номического развития должен иметь определенный предел. Они также категорически были против того, чтобы скорость развития какой-либо отрасли народного хозяйства вызвала временную остановку или реальный регресс других. Эти важные принципы обосновывались тем, что в экономике все еще сохранялось значительное пространство для маневра (сходные доводы приводил Базаров). Определенное значение придавалось тому факту, что сравнительные преимущества более или менее капиталоемких методов различались в зависимости от сферы применения. «Трактор, — подчеркивал Бухарин, — орудие, применяемое при зерновых культурах, в первую очередь в экстенсивных хозяйствах» [14]. Рыков поддерживал его, указывая, что «возможности повышения урожайности даже такими относительно элементарными мерами, как замена деревянной сохи плугом, улучшение семян, введение самых несложных машин, элемент удобрения, на нынешнем уровне развития нашей деревни огромны» [15]. Большие преимущества давало развитие животноводства и садоводства, которые были более трудоемкими, чем отрасли зернового хозяйства. С помощью этой политики предполагалось добиться сразу двух целей. Она дала бы увеличение производства с умеренными издержками и развертывание длительного процесса использования избыточного сельского населения без крупных капитальных затрат на каждого нового занятого.

Но и в промышленности, несмотря на общее декларирование превосходства «капиталистических» технологий и острую потребность в крупных расходах на замену оборудования, необходимо было предпринимать все возможные усилия для обеспечения экономического роста и одновременного снижения капитальных затрат. В резолюции XV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1927 г., полностью отразившей новую политику группы Бухарина, представлен перечень мер по экономии капитала, которые в тот момент представлялись целесообразными. Мелкие и ремесленные предприятия, которые до войны давали около 35% выпуска потребительских товаров [16] и на которые надеялся Ленин в первые годы нэпа, должны были «помочь смягчить нехватку товаров и сократить безработицу» [17]. В процессе развития они будут подвергнуты технологической «рационализации» и постепенно трансформируются в производственные кооперативы. В тех случаях, когда масштабную промышленную реконструкцию и обновление нельзя было откладывать, потенциальный де-

стабилизирующий эффект крупных издержек нужно было ограничить сокращением стоимости строительства и жестким соблюдением планов. Признавая необходимость «перенесения центра тяжести в производство средств производства», XV съезд обратил внимание на «опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет»¹. Съезд также считал проблемой «соотношение между числом новых строящихся промышленных единиц и сроками их окончательной постройки (в связи с опасностью увязать непосильно большие средства на слишком широком фронте капитального строительства при длительной невозможности их реализации)». Вместо этого следовало «исходить из наибольшей эффективности капитальных затрат как по срокам окончания работ, так и по производственному эффекту строящихся предприятий» [18]. И наконец, новые возможности дало бы экономическое развитие, происходящее без значительных издержек (по аналогии с первыми годами нэпа). Снижение продолжительности рабочего дня позволило бы широко использовать работу в несколько смен и улучшило бы использование существующих производственных мощностей, это положительно повлияло бы на размеры выпуска и занятости.

Политика, направленная на сжатие плановых инвестиционных потребностей, должна была сопровождаться усилиями по увеличению нормы накопления. В этом также проявилось изменение позиции по сравнению с 1925 г. Считалось, что настало время ужесточения политики по отношению к верхушечным слоям крестьянства: «Мы имеем полную возможность... начать более солидный нажим на нашего основного противника в деревне — на кулака» [19]. «Если есть возможность взять больше с верхушечных слоев, то нужно брать. Мы на протяжении последних двух лет в огромной степени повышали прогрессию налога» [20].

---

¹ XV съезд ВКП(б). С. 1293. Гораздо более сомнительное предложение содержалось в следующем предложении: «...с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии». В лучшем случае это утверждение смешивает микро- и макроэкономические подходы — ошибка, которая, как будет показано, была критической для гораздо более аргументированной концепции Шанина. В худшем случае это была попытка и съесть пирог, и сохранить его.

Подчеркивалось, что это изменение в подходе к кулакам стало возможным благодаря подъему общего уровня сельского хозяйства и укреплению связей основной части крестьянства и советского режима, об этом и мечтать не приходилось, если бы за основу были взяты рекомендации левой оппозиции. Кроме того, Бухарин и его соратники продолжали возлагать большие надежды на добровольное «привлечение мелких сбережений путем всевозможных займов, путем сберегательных касс и проч.» [21]. Однако для того чтобы обеспечить такое накопление, необходимо было устранить неуверенность и опасения потенциальных вкладчиков: «Почему крестьянин, который выручил осенью за свой продукт определенное количество денег, а промышленность к этому сроку не подросла выбросить достаточное количество товаров, — почему крестьянин не хочет ждать с этими деньгами, а предъявляет эти деньги сейчас же? Наши деньги еще не укрепили себя настолько, чтобы серьезно служить средством накопления». Среди других причин нежелания крестьян накапливать он назвал действия некоторых местных органов власти, которые соглашались снабжать крестьян промышленными товарами только в обмен на хлеб и которые заставляли крестьян подписываться на государственные займы [22]. Предлагалось также осторожно относиться к проблеме запасов зерна. Рыков в начале 1927 г. доказывал, что эти запасы создавались не столько для извлечения прибыли, сколько в целях накопления резервов на случай возможной засухи [23]. И в 1928 г., когда проблема запасов зерна стала (по причинам, рассмотренным ниже) гораздо более серьезной, он настойчиво предостерегал, что принудительная конфискация этих запасов означала бы возврат к методам «военного коммунизма» и вызвала бы активное сопротивление не только кулаков, но и массы «среднего крестьянства» [24].

* * *

Таковы были в общих чертах основы экономической политики, с помощью которой группа Бухарина—Рыкова намеревалась преодолеть «инфляционный разрыв» (1) реконструктивного периода. Новая позиция, занятая группой, существенно отличалась от ранних взглядов своего ведущего теоретика, и в целом, безусловно, рецепты лечения болезни соответствовали ее диагнозу. Конечно, аргументация все же не учитывала некоторые

сложности, очевидные даже на чисто аналитическом уровне, которые сделали бы проведение предлагаемой политики делом гораздо более сложным, чем пытались доказать ее главные защитники. Не предпринималось никаких попыток осознать то, что для совмещения прогрессивной шкалы налогообложения и стимулирования добровольных накоплений была необходима специальная политика, а обычный подоходный налог был для этого не лучшим средством. Повторявшиеся ссылки на «рационализацию», снижающую себестоимость, не учитывали того факта, что сами эти улучшения требовали существенных первоначальных затрат, этот факт, как мы видели, четко отметил Базаров. Ожидавших больших результатов от увеличения сменности на производстве не смущало, что более интенсивное использование старого оборудования ускорило бы его физический износ и соответственно увеличило бы потребность в его замене, тем самым реальный чистый эффект был бы меньше¹.

Скорее всего, Бухарин и Рыков осознавали эти сложности. Хотя они и не выдвигали соответствующих контрдоводов, в их позиции не было самоуспокоенности. Без сомнения, они были твердо убеждены, что «американский вариант» сочетания высокого темпа капитальных вложений с постоянным увеличением уровня потребления городского и сельского населения мог быть повторен в совершенно иных условиях советского народного хозяйства 20-х гг. Они считали, что описанные выше меры экономической политики помогли бы достижению этой цели. Но в то время как резолюции XV съезда были проникнуты духом уверенности в успехе, их создатели не пытались скрывать, что экономика в течение длительного времени будет балансировать на грани кризиса. Действительно, они продолжали настаивать, что

---

¹ Интересная попытка превратить это ограничение в экономическое преимущество была сделана двумя годами позже известным советским экономистом В. Мотылевым. Установив, что «увеличение числа смен и непрерывное производство усилят снашиваемость технического оборудования и сократят срок его применения, в особенности на старых предприятиях», он продолжал: «амортизационные отчисления будут расти, а это позволит увеличить капитальные вложения». Поэтому «ускорится амортизация устаревшего технического оборудования и замена его новым, более эффективным» (см.: Проблема темпа развития СССР. 3-е изд. М., 1929. С. 124—125). Как будто рост амортизации автоматически гарантировал замену оборудования и как будто основная проблема была не в нехватке капитала, а в отсутствии стимулов для внедрения «нового и более эффективного» оборудования!

«мы не можем и не должны ориентироваться на такой путь развития, при котором задача поддержания наивозможно быстрого темпа и задача установления подвижного равновесия во всей системе хозяйства взаимно исключали бы друг друга». Однако это утверждение существенно ослаблялось откровенным признанием, что «здесь нет гарантии» против «отдельных кризисных явлений и затруднений», так же как нет соответствующих резервов сырья, продовольствия, готовых товаров, золота и т.д. [25]. Постепенное создание этих страховых запасов было возможно лишь путем снижения темпа капитального строительства — политики, которая была уже невозможна. Поэтому единственно логичным было для Рыкова утверждение, что «если мы хотим развивать тяжелую индустрию собственными средствами, — а мы должны это сделать — то тогда придется некоторое время кое в чем пожалеться» [26]. «Временное превышение спроса над предложением» считалось теперь почти неизбежным. Основная задача заключалась в том, чтобы оно не вызвало «кризиса всего хозяйства в целом». Лидеры троцкистской оппозиции не стали бы возражать против такого подхода. Конечно, «левые» продолжали отстаивать более высокие «темпы» и жесткое налогообложение крестьянства, в то время как группа Бухарина—Рыкова предпочитала методы «подавленной инфляции». Но эти различия, какими бы важными они ни были, не могли отменить того, что Бухарин и Преображенский, выступавшие в прошлом единым ансамблем в вопросе о «первоначальном социалистическом накоплении», теперь должны были сделать выбор из одинаково неприятных альтернатив и оба они чувствовали себя весьма неуютно.

Ссылки автора

1. Пятаков Г.А. К вопросу о воспроизводстве основного капитала // Торгово-промышленная газета. 1924. 30 сент.
2. Бухарин Н.И. К критике экономической платформы оппозиции // Большевик. 1925. 15 янв. С. 56.
3. XIV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 135.
4. Бухарин Н.И. Международное и внутреннее положение: доклад на XV конференции Московского района ВКП(б). М., 1927. С. 38—39.
5. Bukharin N.I. Building Up Socialism. L., 1926. P. 1—2. Бухарин Н.И. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР // Большевик. 1926. № 19—20. С. 28—29.
6. Правда. 1927. 23 апр.
7. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1041.

8. См. гл. 2.
9. См.: *Марецкий Д.* Хозяйственная платформа объединенной оппозиции // *Большевик*. 1926. 30 сент. С. 134.
10. XV конференция ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 113—114.
11. *Правда*. 1927. 25 нояб.
12. *Правда*. 1927. 24 нояб.
13. Опубликована в «Правде» 30 сент. 1928 г. Английский перевод см.: *International Press Correspondence*. 1928. № 8. 19 и 26 окт., 2 нояб.
14. *Правда*. 1927. 18 окт.
15. *Рыков А.И.* Текущий момент и задачи партии // *Правда*. 1928. 15 июля.
16. *Гухман Б.* Динамика промышленности России в связи с динамикой народного хозяйства // *Промышленность и народное хозяйство*. М., 1927. С. 95.
17. XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1297.
18. Там же. С. 1295—1296.
19. *Бухарин Н.И.* Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // *Правда*. 1927. 4 нояб.
20. *Рыков А.И.* ... // *Правда*. 1927. 25 нояб.
21. *Бухарин Н.И.* ... // *Правда*. 1927. 4 нояб.
22. *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии // *Правда*. 1928. 19 апр.
23. *Рыков А.И.* ... // *Правда*. 1927. 27 апр.
24. *Рыков А.И.* ... // *Правда*. 1928. 15 июля.
25. *Рыков А.И.* ... // *Правда*. 1927. 25 нояб.
26. XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 774.

Комментарий научного редактора

1. Инфляционный разрыв — величина, на которую кривая совокупных расходов должна сместиться вниз, чтобы номинальный чистый национальный продукт (ЧНП) соответствовал уровню неинфляционного ЧНП, произведенного при полной занятости.

Глава V

ИСКУССТВО ЛАВИРОВАНИЯ

Изучая вклад в дискуссию основных ее участников, можно сделать вывод о том, что позиция Сталина не предполагала, мягко говоря, решительных действий. Действительно, вплоть до конца 1927 г. высказывания генерального секретаря по спорным вопросам экономической политики демонстрировали такое твердое желание быть безгрешным и следовать пословице «и волки сыты и овцы целы», что на первый взгляд было невозможно понять ни самих проблем, ни его отношения к ним. Но после углубленного изучения материалов не остается сомнения в том, что утверждение Сталина на XIV съезде партии: «...мы стоим и будем стоять за Бухарина»¹ — дает совершенно верное описание занимаемой им в тот период позиции. Конечно, в некоторых его выступлениях звучали иные нотки. Он любил при каждом удобном случае превозносить величие будущей индустриализации. Более того, в вопросе о будущем развитии самым главным он считал возможность сделать Россию экономически независимой от остального мира, превратить ее в страну, «способную производить своими собственными силами необходимое оборудование» [1]. Он начал говорить о необходимости интенсивной реконструкции советской промышленности раньше, чем это делал Бухарин. В той же самой речи, где он театрально отказался отдать «кровь Бухарина» оппозиции (1), он без колебаний дистанцировался от лозунга «Обогащайтесь!» [2]. Но ни эти, ни аналогичные примеры не могли отменить того факта, что по важным вопросам реальной политики единство было практически полным. Когда Сталин горячо одобрял устранение «административных преград, стоящих на пути поднятия благосостояния деревни», поскольку «эта операция, безусловно, облегчает всякое

---

¹ XIV съезд ВКП(б). С. 494. В 7-м томе сочинений Сталина, где дан текст его речи, слова «и будем стоять» опущены (С. 365. — А.Б.).

накопление — и частно-капиталистическое и социалистическое» [3], или когда он еще раньше осуждал любую попытку разжигать классовую борьбу в деревне как «пустую болтовню», одновременно приветствуя крестьянскую кооперацию как путь к социалистическому преобразованию сельского хозяйства [4], он выступал как истинный бухаринец. В связи с этим его причитания по поводу лозунга «Обогащайтесь!» напоминали известный совет, данный Э. Бернштейну, отцу германского социал-демократического ревизионизма, одним из его старших друзей: «Такие вещи надо делать, а не говорить о них». Тожественность взглядов по более важному вопросу взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства также была очевидной. Хотя Сталин и не стремился следовать идеям Туган-Барановского (в то время он довольно осторожно вторгался в теоретическую область), он был твердо уверен, что «наша промышленность, составляющая основу социализма и основу нашей власти, эта промышленность опирается на внутренний, на крестьянский рынок» [5].

Последнее положение на первый взгляд не очень соответствовало другими провозглашенным им целям. Если промышленность должна была непосредственно ориентироваться на удовлетворение крестьянских потребностей, то было бы невозможно выделить достаточное количество ресурсов для крупномасштабной промышленной реконструкции, особенно с учетом необходимости достижения в будущем независимости в области производства средств производства. Но одно дело было провозгласить долгосрочные цели и совсем другое — стараться их быстро достигнуть; в данный период Сталин не собирался этого делать. В той же речи, в которой он превозносил достоинства экономической независимости, он с готовностью подтвердил, что крупные импортные закупки оборудования были, по крайней мере в тот момент, совершенно необходимыми для развития советской экономики. Несколько позже в полемике против Троцкого он достаточно подробно доказывал, что расширение торговли Советского Союза с капиталистическим миром не представляло угрозы для его экономической независимости, так как, во-первых, возникающая при этом зависимость была обоюдной («не только наше хозяйство зависит от капиталистических стран, но и капиталистические страны зависят от нашего хозяйства») и, во-вторых, национализация крупной промышленности и банков, а также государственная внешнеторговая монополия обес-

печили бы эффективную защиту от иностранного посягательства¹. Позиция по отношению к темпу промышленного развития характеризовалась такой же осмотрительностью. В одном случае Сталин мог бы попытаться обойти вопрос, заменив его на более общую проблему и настаивая на том, что реконструкция основного капитала в промышленности не решит проблемы построения социализма в России до тех пор, пока сельское хозяйство не будет преобразовано в коллективное [6]. В другом случае он горячо приветствовал быстрый рост производства советской металлургической промышленности в качестве доказательства того, что «пролетариат... способен построить своими собственными силами новую промышленность и новое общество» [7], не упоминая того очевидного факта, что этот рост был таким быстрым благодаря усиленному использованию старых производственных мощностей, а не созданию новых. Но когда он непосредственно рассматривал эту проблему в своем докладе на XIV съезде партии, он не оставил никаких сомнений в своем подходе: «...перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности на новой технической базе, на базе нового строительства заводов, — переход через этот порог требует больших капиталов. Но так как недостаток капиталов у нас значительный, то в дальнейшем развитие нашей промышленности будет идти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор. Не так обстоит дело с сельским хозяйством. Нельзя сказать, что все возможности, таящиеся в сельском хозяйстве, при его нынешней технической базе, уже исчерпаны. Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Даже простое поднятие культурности крестьянина, грамотности, даже такое простое дело, как очистка семян, могли бы на 10—15% поднять валовую продукцию сельского хозяйства. ... Вот почему дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность» [8].

¹ См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. IX. С. 132—133. В той же речи, между прочим, Сталин позволил (хотя и не без активного подталкивания со стороны Троцкого) редкую «самокритику» своих политических действий. Он признал, что в 1922 г. поддерживал ослабление монополии внешней торговли.

Сталин со всей откровенностью сформулировал основную проблему, которая, как мы неоднократно видели, была центральной в дискуссии. Ограниченность производственных мощностей и низкий уровень доходов одновременно и порождали необходимость расширения советской промышленности, и ставили этому препятствия. Очевидно, что в приведенном отрывке акцент сделан на препятствиях. Хотя Шанин искренне приветствовал этот подход [9], он, по-видимому, испытывал некоторое удивление. На самом деле XIV съезд ВКП (б) отметил переход от «восстановления» к «реконструкции», но к реконструкции ограниченной и осторожной. Хотя капиталовложения существенно возросли в 1926 и 1927 гг., левые, руководимые Преображенским и Троцким, сразу же перешли в атаку. Они утверждали, что новая инвестиционная программа была слишком ограниченной, чтобы быстро обеспечить стабильность путем увеличения производственных мощностей, и в то же время слишком амбициозной, чтобы в условиях отсутствия жесткого налогообложения не вызвать инфляционных потрясений.

В связи с такой критикой и возникшими вскоре экономическими трудностями требовалось что-то более серьезное, чем просто здравое и трезвое описание возможных путей развития. Здесь возникло своеобразное разделение труда. Бухарин и Рыков, разработавшие обновленную экономическую политику, отчаянно пытались воплотить ее в жизнь. Для этого им нужно было решить крупные явно сформулированные проблемы — взаимоотношения между тяжелой и легкой промышленностью, ограничения на капитальные вложения в долгосрочных проектах, возможность использования избыточной рабочей силы в отраслях с низкой капиталоемкостью. Сталин действовал иначе. Было заметно, что он намеренно избегал обсуждения четко описанных проблем. Он постоянно переходил от ясных формулировок общих принципов к здравым, но неопределенным высказываниям о существующих реальностях, от интригующих недомолвок к резким, но трезвым доводам. Ускоренная реконструкция? Да, конечно! Более того, необходимо иметь в виду, что «не всякое развитие промышленности является индустриализацией» и что «центр индустриализации, основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т.п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машино-

строения» [10]¹. Но сразу после такого заявления он резко напал на тех людей, которые «забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных “широких” и “всеобъемлющих” предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов», и предупреждал, что «индустрия, отрывающаяся от народного хозяйства в целом и теряющая с ним связи, не может быть руководящим началом народного хозяйства» [11]. Могла советская экономика в том состоянии, в котором она была тогда, позволить себе более высокий темп экономического развития, чем капиталистические страны? Конечно! Капиталистические страны основывали свое развитие на эксплуатации колоний, военных захватах и иностранных займах. Но советская власть экспроприировала капиталистов и помещиков, национализировала стратегические области экономики и аннулировала внешние долги царского правительства. Это давало ей возможность обеспечить достаточный объем накопления и без помощи этих источников [12]. Более того, это позволило направить накопление на «неуклонное улучшение материального положения трудящихся масс, в том числе и основной массы крестьянства... в отличие от капиталистического метода индустриализации, проводимого через обнищание миллионных масс трудящихся слоев» [13].

Конкретные доводы в поддержку этих обнадеживающих утверждений не приводились. Однако наиболее обоснованное из этих поучений заключалось в признании того, что социалистические принципы, на основе которых была организована советская экономика, представляли лишь возможность достижения соответствующего уровня накопления, но не более того. Более важным было то, что конкретные предложения для достижения этой возможности были в сущности весьма скромными по отношению как к предшествовавшим им напыщенным обещаниям,

---

¹ *Сталин И.В.* Соч. Т. VIII. С. 131. Вполне вероятно, что это пренебрежительное замечание насчет «тех или иных широких и всеобъемлющих предприятий» относится к знаменитому Днепрогэсу, вопрос о строительстве которого обсуждался в то время. Согласно записи Троцкого от 14 апреля 1927 г. (находится в Архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета [N 421С]), протоколы апрельского 1926 г. Пленума ЦК ВКП(б) содержат следующее высказывание Сталина: «Стоит вопрос о строительстве Днепростроя с помощью наших средств. Средства, которые необходимы, огромны — несколько сотен миллионов. Мы не должны уподобляться тому крестьянину, который скопил денег, но вместо починки плуга или улучшения хозяйства купил граммофон и разорился. Можем ли мы игнорировать резолюции съезда, которые говорят о том, что наши планы должны быть приспособлены к нашим ресурсам?»

так и к размерам инвестиционных программ, которые предполагались для этого. Эти предложения фактически представляли собой выхолощенную и неполную версию той политики, которую защищали Бухарин и Рыков. «Авторитет наших кредитных институтов» должен был повиситься для того, чтобы стимулировать частное накопление, розничные цены должны быть уменьшены, промышленные предприятия должны были создавать резервы для амортизации и дальнейшего расширения производства, нужно было создавать резервы зерна для экспорта, надо было обеспечить положительное сальдо бюджета [14]. В других случаях на первое место выдвигались устранение потерь и повышение эффективности экономического и политического управления [15]. Одни из этих мер, в принципе правильных, едва ли могли дать эффект в ближайшем будущем, другие были лишь благими пожеланиями или вообще ставили телегу впереди лошади, как в случае со снижением цен без предварительно существенного увеличения производственных мощностей.

Все это очень походило на попытку купить подержанный «Форд» по цене куска старого утиля, претендуя между тем на то, что получаешь «Кадиллак» новой марки. На самом деле существовала другая линия защиты своей позиции — принизить значение периодически возникающего товарного голода и представить его преходящим явлением. Хотя Сталин иногда использовал этот прием, но это был, без сомнения, очень незначительный аргумент, особенно потому, что фраза «быстрое развитие нашей индустрии является наиболее верным средством для изживания товарного голода» [16] была слишком похожа на уступку «левой оппозиции». Поэтому для Сталина логичными являлись перенос арены борьбы на территорию противника, концентрация на самых слабых местах его позиции и безжалостный их обстрел: «Оппозиционный блок... исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признает, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, нарушая эти интересы. Он не понимает, что если индустрия является руководящим началом народного хозяйства, то сельское хозяйство, в свою очередь, представляет ту базу, на основе которой может развертываться у нас индустрия. ...Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция продолжала и впредь подрывать... основы союза рабочих и крестьян, пропагандируя идею

повышения отпускных цен и усиления нажима на крестьянство, пытаясь “конструировать” отношения между пролетариатом и крестьянством не как отношения экономического *сотрудничества*, а как отношения *эксплуатации* крестьянства пролетарским государством. Партия не может и не будет этого терпеть» [17].

На XV съезде партии, который собрался через год и выполнил эту торжественную клятву, исключив «левых», Сталин еще раз вернулся к этому вопросу. Его доклад содержал полный набор знакомых тезисов: восхищение тем, что «процент ежегодного прироста продукции промышленности есть рекордный процент, какого не имеет ни одна крупная капиталистическая страна в мире» [18], уверенность в превосходстве советской системы над капиталистической в области накопления, что позволило бы, несмотря на исчерпание резервов мощностей, дать за пять лет примерно 75% прироста продукции промышленности, особое значение развития «в обстановке постепенного сближения между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством» [19], что являлось одним из самых крупных преимуществ советской промышленности. Он вскользь упомянул о том, что он назвал «негативными сторонами» советской экономики: «элементы» товарного голода, отсутствие резервов. Впрочем, эти замечания не содержали каких-либо конкретных предложений. Подразумевалось, что если народ немедленно энергично возьмется за дело, то все будет хорошо. Однако при обсуждении сельского хозяйства самоуспокоенности не было. Более того, появилось нечто действительно новое. Сталин заявил, что задачей партии является «постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия» [20]. С присущей ему осторожностью он даже не намекнул на ожидаемую скорость этих изменений. В выступлении, сделанном за несколько недель до XV съезда партии, Сталин совершенно определенно подчеркнул, что коллективизация массы крестьянства займет много времени, поскольку требует «огромных финансовых средств», которых у советского государства еще не было [21]. И все-таки сделанное на съезде заявление было неожиданным. Его истинные мотивы, равно как и важные последствия, обнаружались лишь спустя некоторое время.

Ссылки автора

1. *Сталин И.В.* Соч. Т. VII. С. 355.
2. Там же. С. 382.
3. Там же. С. 153.
4. Там же. С. 123, 125.
5. Там же. С. 29.
6. Там же. Т. VII. С. 200.
7. Там же. С. 131.
8. Там же. С. 315—316.
9. Сравните с процитированной выше статьей Шанина «Вопросы нового курса» (Большевик. 1926. 30 янв.), в которой это высказывание Сталина приводится полностью.
10. *Сталин И.В.* Соч. Т. VIII. С. 120.
11. Там же. С. 132.
12. Там же. С. 122—125.
13. Там же. С. 287.
14. Там же. С. 126—129.
15. *Сталин И.В.* Соч. Т. IX. С. 196 и совместная декларация Сталина, Рыкова и Куйбышева «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии» (Правда. 1927. 17 авг.).
16. *Сталин И.В.* Соч. Т. VIII. С. 120.
17. Там же. С. 288, 352—353.
18. Там же. Т. X. С. 300.
19. Там же. С. 301—302.
20. Там же. С. 309.
21. Там же. С. 225.

Комментарий научного редактора

1. А. Эрлих имеет в виду «Заключительное слово по отчету ЦК». В этой речи Сталин говорил: «Они требуют крови тов. Бухарина. Именно этого требует тов. Зиновьев, заостряя вопрос в заключительном слове на Бухарине. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте! (Аплодисменты. Крики: «Правильно!»)» (см.: XIV съезд ВКП (б). С. 504—505). При переиздании этой речи в 7-м томе Собрания сочинений И. Сталина, вышедшем в 1953 г., весь этот отрывок пропущен (см. с. 384).

Глава VI

ДИСБАЛАНС

Анализ проблемы товарного голода, который был осуществлен Преображенским, является удобной отправной точкой для рассмотрения дискуссии об индустриализации. Напомним, что основным положением поставленного им диагноза, впоследствии неохотно признанного его оппонентами, было то, что баланс в экономике России был нарушен одновременно с двух сторон. Произошло уменьшение размеров капиталов, а доля потребления в национальном доходе резко возросла за счет как вынужденных, так и добровольных накоплений. Для того чтобы ликвидировать разрыв между возможностями производства и размерами спроса, необходимо было существенно увеличить мощности, особенно промышленного сектора, пострадавшего больше остальной экономики и испытывавшего теперь основное давление скрытого спроса. Это, в свою очередь, требовало более чем пропорционального увеличения выпуска оборудования, осуществляемого отраслями, производящими средства производства. До тех пор пока на действующих заводах большая часть мощностей не использовалась, решение этих задач могло откладываться. После завершения этого благоприятного периода их уже нельзя было игнорировать.

Таковы, в сжатой форме, были его аргументы, и в них нет ни одного положения, которое могло бы быть подвергнуто сомнению с точки зрения посткейнсианской экономической теории (1). Интересно, например, что настойчивость Преображенского по поводу увеличения капиталовложений была через 20 лет подкреплена выдающимся британским теоретиком, отметившим, что

в период послевоенного восстановления экономики *«технически необходимо использовать имеющееся в наличии большее количество трудовых ресурсов для производства средств производства, а не предметов потребления»* [1]. Еще больше заслуживает внимания сходство их аргументации, причем западный экономист более энергично и точно обосновал положение об исчерпании возможностей увеличения выпуска продукции при существующих мощностях. Тем не менее близость к сегодняшним представлениям не ограничивается замечаниями о необходимости существенного увеличения размеров капитала, а проявляется и в описании опасностей, внутренне присущих такой политике.

Конечно, советским экономистам 20-х гг. не удалось четко разграничить два эффекта от капиталовложений — увеличение производственных мощностей и рост расходов. Однако, как показывает описание их подходов, все участники дискуссии признавали существование этих эффектов и понимали, что если первый увеличивал стабильность советской экономики, то второй способствовал ее дестабилизации. Приведем высказывание Преображенского: «Постоянный товарный голод означает голод на новый капитал в части развивающейся экономики» [2]. Такое развитие легко может быть описано в терминах современных теорий о приспособлении капитала к изменениям конъюнктуры и рассматриваться как случай «перелета», когда движение в сторону точки равновесия приводит к удалению от нее (2). «Голод на новый капитал» удобно рассматривать с помощью принципа акселератора (3). Фактически Преображенский очень близко подошел к тому, чтобы дать полное описание этого принципа, хотя и не использовал сам термин. Затем можно показать, что при определенных значениях стратегических переменных осуществляемые расходы могут усилить инфляцию, которая вызовет серьезные нарушения функционирования экономики еще до того, как проявится оздоровительный эффект увеличения производственных мощностей¹. Именно эта перспектива вызывала

---

¹ Это соответствует, конечно, только одной из альтернатив, предусматриваемых для капиталистической экономики теоретиками-неокейнсианцами. В этой ситуации силы, вызывающие рост экономики, не позволили бы ей соскользнуть с «верхнего уровня» полной занятости или полного использования мощностей, а подталкивали ли бы ее к преодолению этих ограничений. Стимул к инвестициям, которому следовало бы быть достаточно мощным для того, чтобы вызвать это действие, должен быть «автономным», а не «вмененным». Можно спорить о том, проявился бы инфляционный эффект от чисто «вмененных»

серьезную озабоченность Бухарина и его сторонников. Преображенский, наоборот, опасался того, что из-за нерешительности руководителей страны, занимавших умеренные позиции, советская экономика будет развиваться медленнее, чем полнокровная капиталистическая. Он предупреждал, что в этом случае советская экономика могла перестать следовать логике принципа акселератора — рост конечного спроса не привел бы к увеличению капиталовложений и проводилась бы политика сдерживания цен. Для него это означало сочетание самых слабых сторон обоих вариантов¹. И хотя Преображенский не отрицал, что даже после принятия мер по «форсированному накоплению» альтернативная политика также была сопряжена с серьезными опасностями, возможный выигрыш казался ему достаточно большим, чтобы оправдать риск.

В этом опять-таки есть очевидные аналогии с положением в западных странах после Второй мировой войны, когда экономисты-теоретики были единодушны в своих концептуальных представлениях и постановке диагноза экономикам своих стран, но резко расходились в способах лечения. Однако если мы останемся на прежнем уровне обобщения, дальнейший поиск аналогий вряд ли полезен. Такие сравнения могли бы разъяснить некото-

---

капиталовложений в условиях советского нэпа сильнее, чем в капиталистической экономике — за счет большей предельной склонности к потреблению и более слабого «сдвига к сбережениям» в процессе роста. Однако, как читатель может заметить из предшествующего изложения, советские экономисты в своих дискуссиях о политике капиталовложений никогда не упускали из вида соображений об «автономных» факторах, поскольку, что достаточно очевидно, эти соображения с самого начала имели первостепенную важность для ответственных лиц.

¹ «В условиях свободы конкуренции диспропорция (между промышленным производством и платежеспособным спросом страны. — А.Б.) преодолевалась бы нормальным путем, т.е. путем сначала повышения цен в отраслях недостаточного производства и, следовательно, повышения прибылей вложенного в эти отрасли капитала, что затем немедленно вызвало бы приток сюда новых капиталов, новое строительство и в конце концов расширение производства до размеров и, может быть, больше размеров, соответствующих платежеспособному спросу. ...Но допустим, государство, которому принадлежит 80% промышленности, не расширяет производства в соответствии с ростом платежеспособного спроса... Мы имели бы, как имели фактически в 1925 г., не доведенное до своего конца, а потому совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилён привести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации» (Новая экономика. М., 1926. С. 196—197).

рые из вопросов, поднятых в ходе дискуссии 20-х гг. читателями не из СССР. Сами по себе эти сравнения не могут доказать, действительно ли возможные перспективы развития были столь мрачными, как это следует из приведенного выше сжатого очерка. Имела ли реальные основания уверенность в том, что объем капиталовложений не должен уменьшаться ниже некоторого предела, который хотя и не конкретизировался, но ожидался высоким? Можно ли оспаривать то, что товарный голод в советской экономике 20-х гг. мог бы привести к такому развитию событий, которое не соответствовало бы традиционной модели инфляции, а если и соответствовало бы, то привело бы к еще более негативным последствиям? Анализируя дискуссию, мы рассмотрели несколько специфических попыток ответить на эти вопросы. Сейчас необходимо изучить их более подробно.

* * *

Один из способов привлечь внимание к необходимости крупномасштабных капиталовложений заключался в том, что подчеркивалось отставание в замене основного капитала в течение Гражданской войны и в первые годы нэпа. Как было показано, именно Преображенский и его сторонники поставили этот вопрос на повестку дня и отмечали его важность, в то время как Бухарин поначалу, по-видимому, считал, что эта проблема, как и большинство остальных, может быть решена с помощью «развертывания оборота». Лишь позднее его позиция изменилась. Тем не менее ни одна из сторон не потрудились связно изложить свою концепцию. Поэтому целесообразно рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

Начнем с нескольких замечаний по поводу количественного аспекта проблемы. Никто из ведущих участников дискуссии не приводил фактических цифр. Однако к моменту появления книги Преображенского были предприняты две серьезные попытки оценить изменения в размерах основного капитала за период 1914—1923 гг. путем вычисления оценки годовой разности между валовыми капиталовложениями и амортизацией (в обоих случаях амортизация рассчитывалась без учета устаревания). В соответствии с данными проф. С.Г. Струмилина, одного из ведущих статистиков Госплана, размеры капитала в советской крупной промышленности в октябре 1924 г. были на 11% ниже максиму-

ма, достигнутого в 1917 г., и на 5% ниже довоенного уровня [3]. Другие оценки, опубликованные ЦСУ, давали существенно иную картину: к концу 1924 г. снижение составило 23% по сравнению с максимумом 1917 г. и 12% по сравнению с уровнем 1913 г. [4]. С учетом всего того, что известно о подобных расчетах, вторая группа оценок представляется более вероятной; Струмилин, по-видимому, недооценивал степень износа капитала за период 1918—1924 гг., и его относительно высокие оценки увеличения размеров капитала за предыдущие годы не вполне убедительны¹.

Конечно, с учетом огромной концептуальной сложности измерения размеров капитала даже в качестве первого приближения такие данные принимать нельзя — нужно попытаться найти способы, с помощью которых можно было бы осуществить хотя бы грубую проверку. В данном случае, к счастью, такое свидетельство существует. Временные ряды, динамика которых, как можно предположить, в целом совпадает с динамикой капиталовложений и которые свободны от неточностей, связанных с исчислением индексов, показывают, что в рассматриваемый период происходил катастрофический спад. Выпуск стали в 1918 г. упал до 10% от уровня 1913 г. и продолжал снижаться вплоть до 1921 г., когда он стал равен 5% довоенного уровня, и затем возрос до 23% в 1924 г. Временные ряды выпусков чугуна и стального проката имеют почти идентичную динамику [5]. Импорт машин, который обеспечивал более половины отражаемого в ста-

---

¹ Точнее, необычно низкой представляется струмилинская оценка амортизации; он считал, что она составляла 2,9% общей величины капитала и была постоянна в течение всего рассматриваемого периода. При этом никак не учитывалось то, что в годы Гражданской войны оборудование практически не обслуживалось и не ремонтировалось и что в начале нэпа качество этих работ было неудовлетворительным. (С другой стороны, бездействие большей части мощностей, несомненно, противодействовало этим негативным явлениям за счет уменьшения снашивания, происходящего при нормальной работе заводов. Непонятно, учитывали ли это авторы альтернативной серии данных, когда они увеличили оценку амортизации с 3,5% в 1914—1917 гг. до 5,5% в 1918—1922/23 гг.) Более того, в струмилинском расчете прироста капитала в 1914—1917 гг., по-видимому, содержатся два искажения в большую сторону. Приводимая им суммарная величина выпуска продукции гражданского машиностроения по неизвестной причине существенно больше цифр ЦСУ, и его предположение о том, что до и в ходе войны отношение прироста акционерного капитала к приросту всего промышленного капитала было одинаковым, весьма сомнительно, поскольку известно, что во время войны концентрация промышленности в России существенно возросла.

тистике потребления машин в довоенный период, упал почти до нуля в ходе Гражданской войны [6]. Наконец, различные данные о возрасте советского промышленного оборудования в середине 20-х гг. дают типичную картину экономики, восстанавливающейся после глубокого спада в объемах инвестиций и осуществляющей рост на основе накопленного в прошлом оборудования. В соответствии с одним из наиболее всесторонних исследований о силовых установках в промышленности доли паровых котлов и первичных двигателей, возраст которых был меньше 10 лет, составляли в общем объеме установленного силового оборудования промышленности 4 и 9% соответственно. В то же время большая доля функционировавшего силового оборудования на самом деле представляла кучу металлолома. Доля оборудования, возраст которого превышал нормальный срок службы, т.е. приблизительно 20—25 лет для обеих групп, была около 50% для паровых котлов и около 30% для первичных двигателей [7].

Подведем итоги: размеры основного капитала советской промышленности, несомненно, существенно уменьшились. Доказывало ли отсутствие замены оборудования необходимость резкого повышения нормы накопления? Преображенский и его сторонники активно отстаивали эту точку зрения, но не подкрепляли ее серьезными аргументами. Они считали очевидным, что замена оборудования должна была бы производиться с наибольшей скоростью, поскольку возможности более интенсивного использования существующего оборудования были почти исчерпаны. В качестве обоснования они только подчеркивали, что если сегодняшний товарный голод был вызван тем, что в прошлом не осуществлялась замена оборудования, то нежелание решить эту проблему сегодня привело бы к товарному голоду завтра. Хотя их анализ был недостаточно обоснован, их оценка ситуации была справедлива.

Первый аргумент, который может быть выдвинут в поддержку крайне левых взглядов, является традиционным. При сокращении количества капитала в экономике с заданным технологическим уровнем предполагается повышение предельной отдачи от затрачиваемых факторов при условии, что величины затрат остаются неизменными (имеющиеся исключения будут рассмотрены ниже) (4). Конечно, возможность новых инвестиций будет представляться более благоприятной, если ослабить предположение о фиксированном уровне технологии. Преображенский

очень близко подошел к такой формулировке, когда говорил об «обновлении основного капитала в условиях быстрого технического прогресса», и, конечно, он хорошо понимал, что это применимо к советской экономике так же, как и к капиталистической. Чтобы понять суть этого краткого замечания, рассмотрим его более подробно.

Известно, что выбор между продолжением использования оборудования и заменой его на новое зависит от соотношения текущих издержек, связанных с первой альтернативой, и суммарных издержек при второй. В той ситуации, когда слишком большая часть существующего оборудования устарела и негативный эффект старения усиливается недостаточным уходом, стимулы к обновлению оборудования будут действовать по отношению к большей доле основных средств, чем в экономике с более современным, хорошо обслуживаемым промышленным оборудованием. Более того, большой возраст значительной доли основных средств предполагает, что за время его службы возникло большое количество технологических усовершенствований. Это должно увеличить разрыв в эффективности между действующими и потенциальными технологиями. Наконец, масштабная замена оборудования дает возможность создавать полностью новые заводы, работа которых организована в соответствии с современными требованиями. При прочих равных условиях это позволяет более полно использовать потенциал увеличения эффективности, чем в условиях постепенного роста экономики, когда новая техника часто внедряется постепенно. Конечно, крайне маловероятно, что «прочие условия» остаются постоянными, и это приводит к тому, что ситуация становится менее очевидной. Но пока мы отложим обсуждение этих сложных вопросов и рассмотрим еще одну проблему.

Указывая на «завалы» (5) в технологических усовершенствованиях, Преображенский подчеркивал возможность совмещения замены оборудования и экономического роста. Он мог усилить свою позицию, отметив, что длительный период использования оборудования приведет к увеличению не только верхнего, но и нижнего пределов капиталовложений даже без учета изменений в технологии (6). Причины этого обнаружить несложно. Спрос на замену капитала является не только функцией размеров оборудования и его среднего возраста (сложности, связанные с различиями в сроке службы различного оборудования, не должны приводить к серьезным трудностям). Он зависит также от того, как

использовалось оборудование в прошлом. В стационарной экономике с равномерным распределением возраста оборудования норма его замены, очевидно, была бы равна величине, обратной среднему сроку службы существующего оборудования. В постоянно растущей экономике эта норма была бы меньше, чем обратная величина, поскольку размеры подлежащей в конце данного года замене партии оборудования, имеющей одинаковый возраст, были бы меньше, чем размеры каждой из остающихся групп¹. По той же самой причине для остановки происходящего в экономике спада норма замены оборудования должна была бы превосходить обратную величину среднего срока его службы. В ситуации, когда в экономике происходил подъем, затем спад, а затем опять подъем, наблюдалась бы комбинация двух описанных выше случаев. Достаточно очевидно, что именно этот «промежуточный» вариант наилучшим образом описывает советскую экономику в 20-е гг. Норма замены сразу после возобновления роста могла быть или не быть увеличена таким образом, чтобы равняться (или превосходить) величину, обратную среднему сроку службы оборудования. Несомненно, однако, что она была бы больше, чем в последний год периода до начала спада, поскольку размер партии оборудования, которую необходимо заменить, теперь вырос, а общие размеры капитала сократились² (7).

Иначе говоря, сообщество, которое испытало сокращение величины капитала, должно будет инвестировать количество ресурсов, представляющее большую долю капитала, чем это было до сокращения, хотя бы для того, чтобы поддержать этот сни-

---

¹ Разность между нормой замены и величиной, обратной сроку службы, была бы возрастающей функцией от срока службы оборудования и от темпа роста капитала за период, равный этому сроку. Строгое доказательство этого и разъяснение данной проблемы см. в разд. «Depreciation, Replacement and Growth» в кн.: *Domar E.G. Essays in the Theory of Economic Growth*. N.Y., 1957.

² Иллюстрацией может служить простой числовой пример. Рассмотрим экономику, в которой капитал K рос темпом r , равным 5% в год, средний срок службы оборудования составлял 10 лет, средний период строительства — 1 год и производственная мощность единицы оборудования оставалась постоянной вплоть до его замены. Рассмотрим динамику запаса капитала на протяжении трех последовательных стадий: (1) постоянный рост, (2) недостаточная замена капитала в течение последних трех лет, когда валовые капиталовложения I составляют долю от величины выбывающего оборудования R , (3) возобновление валовых капиталовложений в размерах, соответствовавших норме инвестиций, существовавшей до спада. Результаты расчета приведены в таблице (все величины измеряются в единицах производственной мощности):

звившийся уровень. Это уже потребовало бы значительных вложений, но этим проблема не исчерпывалась. Прежде всего временной график нижней границы величины замены капитала имел бы ступенчатый характер. Поскольку размеры капитала в прошлом возрастали, величины партий оборудования одинакового возраста, подлежащие замене, увеличивались бы от года к году. Более того, внимательное изучение нашей модели показывает, что в такой «промежуточной» экономике необходимо было следовать предписаниям королевы из «Алисы в Зазеркалье» (8). Нужно было не только бежать для того, чтобы оставаться на том месте, где оказалась экономика после окончания спада, но бежать быстрее для того, чтобы размеры капитала восстановились, превысили прежний максимум и росли с той же скоростью, что и до спада, или, по крайней мере, со скоростью ненамного меньшей, чем прежде. В противном случае обратная связь между величиной капитала и капиталовложениями дала бы негативный эффект. Постепенно увеличивающиеся размеры выбытия оборудования сводили бы на нет величину чистого прироста капитала. В результате этого уменьшение прироста капитала в свою очередь замедлит рост суммарных капиталовложений, и по мере увеличения выбытия размер чистого прироста продолжил падение. Только «эхо замены» скудных лет периода спада могло прервать это увеличивающееся замедление. Это, однако, могло произойти лишь после того, как пройдет время, равное полному сроку службы оборудования, и даже после этого повышения темп

Год	I	R	$I-R$	K	Год	I	R	$I-R$	K
1	100	61	39	806	12	25	105	-80	1104
2	105	64	41	847	13	25	110	-85	1019
3	110	67	43	890	14	132	116	16	1035
4	116	70	46	936	15	134	122	12	1047
5	122	74	48	984	16	136	128	8	1055
6	128	78	50	1034	17	137	134	3	1058
7	134	82	52	1086	18	137	141	-4	1054
8	141	86	55	1141	19	137	148	-11	1043
9	148	90	58	1199	20	135	155	-20	1023
10	155	95	60	1259	21	133	25	108	1131
11	25	100	-75	1184	22	147	25	122	1253

Легко заметить, что, когда $I_{10} / K_{10} = I_{14} / K_{14}$, $R_{10} / K_{10} < R_{14} / K_{14}$, и это выполнялось бы, даже если бы спад происходил только в течение одного года.

роста был бы все равно ниже, чем до сокращения деловой активности. (На самом деле такое сокращение, которое привело бы к резкому уменьшению отношения чистых капиталовложений к объему замены оборудования в начале периода оживления, не только сделало бы совершенно незначительными последующие приросты капитала, но и через некоторое время привело бы к уменьшению его размеров, поскольку более быстрое выбытие превысило бы медленно растущие текущие капиталовложения и в абсолютных значениях. Это происходило бы вплоть до того, как «эхо замены» остановило бы сокращение капитала.)

Однако даже эта мрачная перспектива могла бы считаться чресчур благоприятной по двум причинам. До сих пор мы предполагали, что средний срок создания основного капитала равен одному году и что индивидуальные капиталы имеют постоянный уровень производительности на протяжении всего срока службы. Эти предположения в реальной жизни не всегда выполняются, а отказ от них серьезно повлиял бы на нашу модель. Более длительный период создания капитала потребовал бы больших ежегодных капиталовложений для поддержания заданного темпа роста и сделал бы более сложным прекращение спада. Аналогично в условиях постепенного снижения производительности капитала его размеры сокращались бы быстрее и восстановить их до исходного уровня было бы труднее, чем в случае постоянной производительности¹. Несомненно, что в свете этих

¹ Элементарных алгебраических выкладок и небольшого размышления достаточно для доказательства справедливости этих утверждений.

1. Предположим, что общее количество ресурсов, необходимых для создания определенной величины основного капитала, и средний срок его службы остаются такими же, что и в исходном случае, но период строительства равен не одному году, а трем. Для выполнения условия постоянного роста запасов капитала инвестиционный процесс имел бы ступенчатый график. В год t одна часть капиталовложений завершает создание в этом году прироста капитала k_t , другая часть создаст вторую треть прироста капитала k_{t+1} , который вступит в строй в $t+1$ -м году, последняя часть создаст первую треть прироста капитала k_{t+2} , который войдет в строй в $t+2$ -м году. Очевидно, что $k_t/3 + k_{t+1}/3 + k_{t+2}/3 > k_t$, в то время как при годовом сроке строительства суммарные капиталовложения равны объему ввода капитала в действие (9). Более того, в исходной модели для сохранения размеров капитала было достаточно в каждый год инвестировать количество ресурсов, равное тому, которое было вложено n лет назад, независимо от того, происходил ли за это время спад в капиталовложениях или нет. В модифицированной модели партия оборудования, срок службы которой заканчивается в первый год после спада, может быть полностью заменена, только если соответствующее количество ресурсов было бы инвестировано в течение двух предыдущих лет, что невозможно по определению.

уточнений сложившаяся к середине 20-х гг. ситуация в советской экономике, печально известной длительными сроками строительства и совершенно недостаточным уходом за оборудованием, была еще менее обнадеживающей.

Подводя итог, можно сказать, что восстановление существовавшего до спада отношения валовых капиталовложений к величине основных средств является минимальным условием для возобновления роста. Достижение этой цели, весьма скромной по сравнению с потребностями, могло оказаться, если учитывать возможности, очень сложной задачей. Здесь было еще одно обстоятельство, о котором не упоминали Преображенский и другие участники дискуссии, возможно, потому, что оно было общеизвестным. Сектор, который должен был произвести необходимое оборудование для замены изношенного капитала, пострадал гораздо больше, чем экономика в целом. Разумеется, такая неравномерность спада никак не следовала из логики процесса недостаточной замены капитала как таковой. Наоборот, средняя физическая продолжительность срока службы оборудования в отраслях, производящих средства производства, по-видимому, больше, чем в других отраслях. В связи с этим большая доля этого оборудования должна была бы сохраниться в течение того периода, когда величина чистых капиталовложений была

---

2. Предположим, что средний срок службы оборудования n такой же, как и в исходной модели, но его производительность уменьшается каждый год на некоторую константу. В этом случае потребность в замене капитала равна не величине старейшей (и наименьшей) партии оборудования, а общей сумме годовой амортизации всех возрастных групп оборудования, которые функционировали в течение последнего года службы самого старого оборудования. Поскольку эта амортизация достигала бы $1/n$ общей величины этих n групп, она была бы больше, чем в случае периодического замещения. Однако если потребности в замене капитала были бы по абсолютному значению больше, суммарный запас капитала был бы относительно меньше, причем разность составляла бы величину суммарной амортизации, а то же самое количество оборудования имело бы меньшую производственную мощность. Соответственно равное по величине уменьшение капиталовложений привело бы к гораздо большему сокращению в величине капитала как в результате некомпенсируемого выбытия группы самого старого оборудования, так и в связи с резким ростом среднего возраста оборудования. Попытки восстановить положение путем возврата к тому отношению суммарных капиталовложений к величине капитала, которое существовало до спада, дало бы еще меньший результат, чем в случае периодической замены оборудования. Действительно, возможность восстановления этого отношения была проблематичной, поскольку сокращение величины капитала могло зайти достаточно далеко, чтобы сделать такую задачу невыполнимой.

отрицательной. Более того, в России, как и в других странах, участвовавших в Первой мировой войне, в связи с военными потребностями мощности металлургических отраслей к 1916 г. намного превысили довоенный уровень¹. Тем не менее решающим оказался хаос 1917—1921 гг. Хотя переход значительной части вновь построенных заводов на выпуск гражданской продукции был, несомненно, возможен и в Советском Союзе, необычно сильное разрушение оборудования и падение квалификации рабочих делали это длительным и дорогостоящим предприятием. Однако, как бы велики ни были эти трудности, они играли меньшую роль, чем рассматриваемые выше процессы. Почти полное прекращение выпуска черных металлов в большой степени было следствием особой чувствительности производящих железо и сталь заводов к нарушениям поставок и дефициту топлива. Тем не менее одним из важных факторов, вызвавших этот катастрофический спад, было, несомненно, сокращение запасов оборудования, объяснявшееся не только совершенно недостаточным уходом за ним, но и разрушениями, которые были намного больше, чем в среднем по промышленности, и явились результатом военных и политических событий, происходивших на определенной территории России. Сражения Гражданской войны были особенно жестокими в юго-западных районах страны, где размещалась большая доля советской черной металлургии. В соответствии с авторитетными источниками в 1925 г. сохранившиеся в советской черной металлургии основные средства составляли не более двух третей довоенного уровня [8].

Означало ли это сокращение мощностей по производству средств производства, что одновременно и увеличились стимулы к расширению производства (со стороны спроса), и стало больше препятствий к этому (со стороны предложения)? Участники дискуссии никогда в явном виде не изучали этот аспект, однако он был удручающе реален. Действительно, если недостаточная замена оборудования была особенно характерна для тех сфер

---

¹ В соответствии с расчетами Н.Я. Воробьева, цитируемыми С.Г. Струмилиным (Очерки советской экономики. С. 100), выпуск рассматриваемых машиностроительных заводов вырос с 308 млн руб. в 1913 г. до 978 млн руб. в 1916 г. (в ценах 1913 г.). Даже если сделать скидку на неполноту информации и на то, что при использовании в качестве весов цен исходного периода в условиях резкого изменения структуры выпуска могло происходить завышение объемов выпуска, несомненно, что его увеличение было значительным.

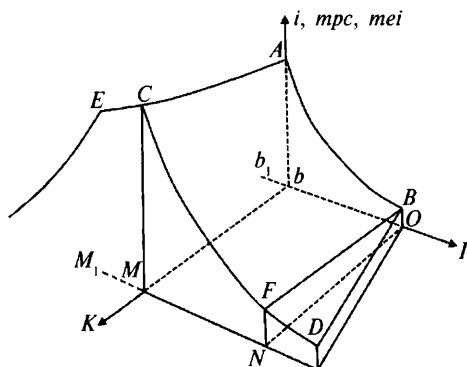
производства, от которых решающим образом зависело функционирование всей системы в целом, и если некоторые виды экономики от роста масштабов производства были бы утрачены, экономика в целом могла вернуться к положению повышающейся отдачи от вложений (10). В этой ситуации возникли бы мощные стимулы к инвестициям. В то же самое время сильный ущерб, нанесенный производству средств производства, привел бы к существенному увеличению затрат на капиталовложения. Используя терминологию проф. А.П. Лернера [9], можно сказать, что, в то время как предельная производительность капитала была бы теперь относительно высока и продолжала бы увеличиваться, предельная эффективность капиталовложений была бы низкой и продолжала бы снижаться (11).

Дело осложнялось еще и тем, что теперь большая доля продукции отраслей, выпускающих средства производства, должна использоваться для сохранения размеров основных средств на понизившемся уровне (причины этого обсуждались выше). Теоретически в результате этого все попытки добиться восстановления могли потерпеть полный провал. Уменьшение мощностей по производству средств производства, возникшее из-за совместного влияния недостаточной замены капитала, неудовлетворительного ухода за оборудованием и просто его разрушения, могло зайти настолько далеко, что затраты на восстановление могли бы стремиться к бесконечности (например, в случае полного уничтожения сталелитейной промышленности). В несколько менее экстремальной ситуации предельная эффективность капиталовложений приблизилась бы к нулю при уровне выпуска средств производства, который был бы совершенно недостаточным для удовлетворения потребностей в расширенной замене оборудования; в результате спад продолжался бы и, так же как и в предыдущем случае, экономика, хотя и медленнее, двигалась бы к окончательному краху.

Конечно, нет оснований считать, что действительное положение дел в советской экономике 20-х гг. соответствовало этой мрачной картине. Более того, если кривая графика предельной эффективности капитала имеет положительные значения при вложениях больших, чем уровень, обеспечивающий замену оборудования, выгоды от движения вниз по наклону графика были необычно велики. Чем дальше удалось бы продвинуться, тем быстрее экономика перемещалась бы по восходящей кривой графика предельной производительности капитала. А это, в свою

очередь, означало бы, что графики предельной эффективности капиталовложений сдвигались бы вверх, становясь все более плоскими, по мере того как отрасли, производящие средства производства, в процессе роста воспользовались бы утраченным ранее эффектом от увеличения масштабов производства, а также внедряли бы возникающие технологические усовершенствования¹. Но это только одна сторона вопроса. Осуществление капиталовложений в относительно больших объемах, несмотря на быстро растущие затраты, предполагало бы, что соответствующая, заданная в явном или неявном виде ставка процента была бы гораздо более низкой, чем следовало бы из временных предпочтений населения (12). Руководство страны, которое попыталось бы действовать на основе своего собственного временного предпочтения и осуществить такой объем капиталовложений, попало бы в тяжелое положение. Придание высокого приоритета восстановлению капиталоемкой тяжелой промышленности означало бы связывание большого количества ресурсов в проектах, которые начали бы давать продукцию только спустя несколько лет.

¹ Это рассуждение может быть проиллюстрировано трехмерным графиком, взятым с небольшой модификацией из книги А. Лернера «Economics of Control» (С. 336).

Оси bK и bI соответствуют размерам капитала и норме чистых капиталовложений, в то время как вертикальная ось bA соответствует предельной производительности капитала, предельной эффективности капитальных вложений и норме процента (13). Пунктирные линии b_1b и M_1M показывают уровень замещения, который необходим для поддержания размеров капитала на уровне b и M . Точка E является границей интервала, в котором происходит увеличение отдачи от вложений капитала. Легко заметить, что, пока экономика движется внутри этого интервала, FN больше, чем BO , в то время как bO равно MN .

Напомним, что Преображенский подробно рассматривал этот вопрос. Он также четко сформулировал, что необходимость «периодической замены» была тесно связана с переходом от восстановительного к реконструктивному периоду и с наследием недостаточной в прошлом замены капитала. Конечно, не было причин считать, что эти два периода будут резко разделены. Можно было развиваться, улучшая использование существующих мощностей и превышая нормативный срок использования оборудования. Фактически Преображенский сам признавал возможность такого «займа из общего запаса основного капитала» при рассмотрении послевоенного развития капиталистической экономики [10]. Но попытки использовать все эти возможности потребовали бы, как это сформулировал Базаров, «больших и постепенно увеличивающихся усилий», другими словами, резкого увеличения издержек. И хотя возникающее в результате этого отставание прироста предложения от прироста издержек было менее опасным, чем при последовательном полномасштабном обновлении основного капитала, оно было бы достаточно серьезным для того, чтобы вызвать инфляцию.

* * *

От анализа негативных последствий недостаточной замены оборудования мы перешли к обсуждению опасностей, связанных с попытками исправить это положение. Однако изменения в мощности представляли лишь одну сторону проблемы. Второй стороной были изменения в размерах и структуре национального дохода. Обсуждая эту проблему, советские экономисты из различных группировок более отчетливо формулировали свои основные положения.

Начнем с того, что крайне левый Преображенский и центрист Базаров четко указывали, что в результате революции потенциальные возможности для добровольного накопления уменьшились. Более того, в отличие от официальной позиции, с которой выступали Сталин и другие экономисты, они, по-видимому, не придавали большого значения сокращению потребления предметов роскоши, которое в советских условиях было компенсирующим фактором. Преображенский об этом вообще не упоминал, а Базаров открыто выражал свой скептицизм. Все это позволяет сказать, что склонность к потреблению (14) теперь

была бы гораздо ближе к единице, чем до 1917 г., даже если бы реальный доход на душу населения достиг прежнего уровня (чего, очевидно, не было в середине 20-х гг.). Такое положение дел в совокупности с описанными выше процессами было взрывоопасным. Эффект мультипликатора от новых капиталовложений (15) был бы велик, однако он во многом был бы потрачен на повышение цен или (в случае скрытой инфляции) на увеличение избыточного спроса. Число недействующих заводов, которые могли бы поглотить увеличение расходов, было невелико. В связи с систематическим истощением запасов капитала в течение предыдущего периода уже на ранних этапах восстановительного процесса в экономике возникали узкие места. Наконец, природа соответствующих временных лагов не благоприятствовала бы стабильности. В результате высокого сдерживаемого спроса и отсутствия доверия к ценности денег лаг в расходовании средств был бы необычно коротким. Тем не менее период освоения проектной мощности оборудования был бы необычно длинным вследствие плохого состояния производства средств производства и медленного строительства. Оценка Преображенским срока строительства среднего завода в 3—4 года не представляется завышенной, во всяком случае для промышленности, производящей средства производства. Поэтому в то время как эффект расходов был бы быстрым и сильным, эффект увеличения мощности — медленным.

Создается впечатление, что, дойдя до этого пункта, дискуссия описала круг. По-видимому, мы вновь сталкиваемся с проблемой достаточно типичной, хотя и необычно сильной инфляции. Тем не менее сделанный советскими экономистами анализ проблемы товарного голода содержал помимо рассмотренных традиционных соображений и новый аспект.

В современной индустриальной экономике различные ее части взаимозависимы. Будем ли мы говорить о промышленности в широком или узком смысле этого слова, ее функционирование зависит от поставок из остальной части экономики в той же степени, в какой функционирование остальной части экономики зависит от поставок этой промышленности. Если же современная обрабатывающая и добывающая промышленность соседствует с отсталым сельским хозяйством, характеризующимся аграрным перенаселением, положение дел совершенно иное. В то время как промышленность не может существовать без определенного минимума поставок от сельского хозяйства, последнее может,

хотя и за счет более или менее значительного снижения объема выпуска продукции, функционировать без поставок от первой. В отличие от механизированного фермерского хозяйства развитых стран примитивное крестьянское хозяйство могло бы ответить на уменьшение поставок промышленных товаров увеличением срока использования имеющегося оборудования (вплоть до его полного физического износа) и увеличением производства несельскохозяйственных предметов потребления, а также орудий труда для сельского хозяйства. Хотя замена стального плуга на изготовленную вручную деревянную соху привела бы к снижению продуктивности сельского хозяйства, это, конечно, не прекратило бы самого производства.

При катастрофической нехватке промышленных товаров такое положение дел могло бы дать определенные преимущества для промышленного сектора экономики. В этих условиях последовательная политика конфискации прибавочного продукта сельского хозяйства практически без какого либо обратного потока товаров из города не привела бы автоматически к немедленному краху сельскохозяйственного производства. По существу, такова была ситуация во время политики «военного коммунизма». И такой же (хотя, конечно, и в гораздо менее выраженной форме) была ситуация до революции, когда необходимость продавать без того, чтобы покупать в сколько-нибудь сопоставимых масштабах, была существенной составной частью организации сельскохозяйственного производства России. Напомним, что Преображенский использовал это в качестве одного из основных положений своей концепции. После того как аппарат принудительного сбережения периода военного коммунизма вслед за своим дореволюционным предшественником был демонтирован, положение радикально изменилось, хотя это произошло не сразу.

Сначала наступил благоприятный период, который сделал возможным экономическое чудо первых лет нэпа и оказал глубокое влияние на мышление многих партийных экономистов. Путем раскрепощения мелкой промышленности государство смогло увеличить поставки в деревню. Крестьяне, которые многие годы остро нуждались в этих поставках, реагировали на это путем значительного увеличения продаж продуктов питания и сырья в города и были вполне согласны отдавать продналог, который, с их точки зрения, был большим шагом вперед по сравнению с безжалостной политикой конфискаций более раннего периода. Доход от этого налога и, по крайней мере, часть избытка продо-

вольствия, поступающая на частный рынок, могли затем быть направлены в крупную промышленность для того, чтобы оживить остановившееся производство. Начался настоящий кумулятивный процесс, в ходе которого увеличение поставок, попадающих из города в село, вызывало увеличение обратного потока из сельского хозяйства. Это, в свою очередь, давало необходимые средства для следующего этапа прироста выпуска промышленной продукции. Этот процесс мог бы, по всей видимости, продолжаться по постоянно увеличивающейся спирали. Это было в некотором смысле проявлением эффекта мультипликатора, но не со стороны спроса, а со стороны предложения; при этом размер поступающего на рынок избыточного сельскохозяйственного продукта в традиционной роли «фонда заработной платы» определял величину занятости.

Когда Бухарин и его сторонники рассматривали ситуацию под этим углом зрения, они, конечно, не были мечтателями. Более того, даже их наиболее непримиримый оппонент никогда не отрицал того, что в этом анализе есть большая доля истины. Преображенский вполне понимал, что «размер накопления [в социалистическом секторе. — А.Э.] зависит от величины обмена» между промышленностью и сельским хозяйством [11], и усиленно подчеркивал, что политикой монополистического нажима не следует злоупотреблять. Тем не менее он был прав, когда полагал, что в своем современном состоянии советская экономика не сможет выдерживать политику «сбалансированного роста» в течение длительного времени. Приближение к границам технологической мощности оборудования означало бы, что графики предложения продукта промышленности, которые раньше неизбежно были плоскими, теперь должны были круто пойти вверх. Тем самым была бы уничтожена возможность политики «сближения цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары. Конечно, кривые предложения в результате увеличения мощностей, достаточного для удовлетворения постоянно растущего спроса, могли бы быть смещены вправо — задача, решение которой осложнялось тем, что в предшествующие годы замена оборудования была недостаточной (16).

Однако к 1926 г. все осознавали, что такое увеличение мощности потребовало бы гораздо больших затрат на единицу продукции и привело бы к более длительному «созреванию» капиталовложений, чем при увеличении выпуска в ходе восстановительного

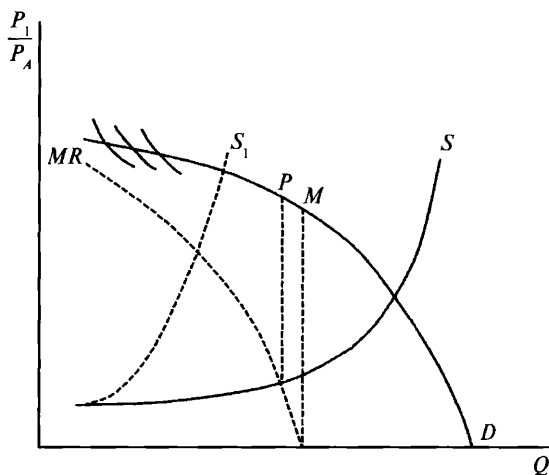
процесса. Конечно, при последовательной политике максимального использования существующих мощностей выпуск промышленных потребительских товаров необязательно снижался бы. Но теперь гораздо большая его доля поступала бы быстро растущему городскому населению, реальные доходы которого были выше, чем сельского населения¹. В то же время спрос на продукты питания со стороны этой рабочей силы рос бы по меньшей мере *pari passu* (17) с ее ростом, если не быстрее. Именно при таком положении дел проявились бы угрожающие потенциальные последствия отсталости сельского хозяйства. Столкнувшись с сокращением поставок промышленных товаров и растущим спросом на его собственные продукты, крестьянин просто захотел бы выйти из игры. После того как он достиг, говоря словами Базарова, «совершенно необходимого уровня» потребления промышленных товаров, он все менее охотно увеличивал бы объем своей товарной продукции даже при старых условиях торговли. Таким образом, с его стороны вполне логичным ответом на ухудшение этих условий было сокращение поставок продукции на рынок и возврат далеко назад — к самообеспечивающемуся *Naturalwirtschaft* (18). То, что крестьянин за предшествующий период смог восполнить наиболее явный дефицит средств производства, усилило бы его позицию во время этого маневра. В результате этого городской сектор экономики испытал бы не только влияние отставания выпуска продукции от спроса на нее, но и непосредственного уменьшения поставок продуктов, являющихся основными как в потреблении рабочих, так и в экспорте, который должен был обеспечить оплату столь необходимого оборудования, поступающего из-за границы. Негативные последствия такого положения вещей слишком очевидны, чтобы продолжать их обсуждение, и почти неважно, начали бы угрожающие события проявляться в виде товарного голода или открытой инфляции.

---

¹ Это имел в виду Преображенский, когда подчеркивал, что «увеличение фонда заработной платы легкой промышленности... должно предшествовать увеличению покрываемого крестьянского спроса на предметы потребления, производимые в легкой государственной промышленности» (ВКА. 1927. Кн. XXII. С. 65). Он высказывался еще более откровенно, решительно отвергая протесты крестьян против роста зарплат и доказывая, что «социализм знает только один вид выравнивания материальных условий города и деревни и состоит это выравнивание, если не говорить о временном улучшении в положении мелких производителей, в ликвидации самих основ индивидуального мелкого производства» (Там же. С. 64).

ЗАМЕЧАНИЕ

Для изложения части аргументов, рассмотренных в последнем разделе, в более систематизированном виде может быть полезной несколько модифицированная версия обычной диаграммы А. Маршалла. Этот подход обладает, конечно, в основном дидактической ценностью. При этом используются некоторые правдоподобные предположения, которые не могут быть приняты без тщательной статистической проверки. В настоящий момент их следует рассматривать в лучшем случае как гипотезы, дающие пищу для размышлений.

По оси Y откладывается отношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, по оси X — объем промышленной продукции, доступный крестьянам. С учетом того что в начале восстановительного периода в городском секторе имелись большие резервы мощности, можно ожидать, что кривая S будет достаточно плоской для широкого интервала выпусков продукции промышленности (19). Более того, поскольку в течение первых лет вложения в основной капитал были незначительными, правильно рассматривать увеличение в этот период объема выпуска продукции не как сдвиг графика предложения вправо, а как движение по одному и тому же графику. Тем не менее вполне возможно, что первоначально такой сдвиг имел бы место даже без

капиталовложений в промышленность, возрождающуюся из хаоса Гражданской войны.

Что же касается кривой D , представляющей спрос (20) крестьян на промышленные товары и в неявной форме размеры товарной части продукции крестьянства, то здесь ситуация сложнее. Было бы необоснованным рассматривать изменения этого спроса как движение по одному и тому же графику, поскольку увеличение в доходах сельского хозяйства, вызванное улучшением предложения, привело бы к постепенному сдвигу графиков крестьянского спроса, рассматриваемого на коротком промежутке времени, вправо. Кроме того, существовал и большой неудовлетворенный спрос крестьян, накапливавшийся в течение скудных лет Первой мировой и Гражданской войн. Оба этих фактора привели бы к тому, что функция спроса, рассматриваемого на длительном промежутке времени, была бы весьма эластичной на широком интервале (21). Есть все основания предположить, что эта эластичность будет увеличиваться до тех пор, пока выпуск промышленной продукции не достигнет уровня, который крестьяне привыкли считать нормальным для довоенного периода. Действительно, можно сделать еще один шаг в этом направлении и считать логичным, что точка перегиба кривой спроса (22), рассматриваемого на большом интервале времени, достаточно близко соответствовала бы такому объему произведенной промышленной продукции, при котором график функции кривой предложения начнет резко подниматься, поскольку существовавшие до 1914 г. мощности промышленности, обслуживавшие крестьянский рынок, по-видимому, вполне соответствовали его размерам. (Отметим, что точка перегиба в кривой спроса соответствовала бы, очевидно, максимальным размерам товарной продукции крестьянского хозяйства.)

Если эти предположения выполнялись бы, некоторые из ранних аргументов Бухарина выиграли бы в убедительности. Его утверждение о том, что «при меньших ценах и больших размерах проданного товара возможно получение больших размеров прибыли» [12], выглядело излишне категоричным. Более того, представляется, что он противоречил сам себе или уклонялся от ответа, когда доказывал по другому поводу, что «было бы вздорным с нашей стороны отказываться от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие

рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка» [13]. Тем не менее в свете того, что нам уже известно, эти нечетко сформулированные утверждения вполне согласуются друг с другом. Вполне обоснованным будет считать, что летом 1923 г. руководство советской промышленности установило такое соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которое на нашей диаграмме соответствовало бы точке, находящейся слева от точки P , в которой достигается максимум дохода. Более того, вполне резонно считать, что, поскольку кривая издержек для широкого спектра выпусков продукции промышленности была как низкой, так и пологой, точка, соответствующая монополии, была бы ближе к точке максимума предложения продукции сельского хозяйства, чем в случае резко возрастающей кривой. Достаточно лишь взглянуть на гипотетическую кривую S' на нашем графике, чтобы убедиться в этом. Вследствие этого степень вызванного монополией отклонения от того, что западный экономист-теоретик счел бы оптимальной точкой, была эффективно сокращена. Конечно, можно доказывать, что даже небольшое отклонение было бы неоправданным и что цены должны устанавливаться на уровне предельных издержек (23). Неудивительно, что такая идея никогда не приходила в голову ни Бухарину, ни другим советским экономистам рассматриваемого периода. Даже если они знали бы об этом принципе, они могли оправдывать политику отклонений от него, указывая на то, что ускоренный промышленный рост в перспективе был бы выгодным для экономики в целом и что возможности перераспределения ресурсов из сельского хозяйства в промышленность путем прямых налогов или добровольного накопления крестьян были очень ограничены. (Кроме того, советские экономисты рассуждали в терминах средних издержек; а так как предельные издержки превысили ли бы средние, как только последние стали бы возрастать, то, что Бухарин и другие участники дискуссии считали монополистической надбавкой, было бы *bona fide* (24) частью конкурентной цены.) Тем самым было бы оправданно нежелание Бухарина отрицать преимущества монопольного положения. В то же время его предостережение против чрезмерного использования этих преимуществ имело бы больший смысл, если интерпретировать его как совет выбирать точку справа от P (или даже от M). Можно было ожидать, что в ранний период нэпа улучшение поставок оборудования и промтоваров крестьянам привело

бы спустя год к увеличению размеров крестьянской товарной продукции и что это увеличение было бы достаточно большим для компенсации сегодняшних убытков, связанных с ослаблением монопольного прессы.

Однако хотя наша конструкция позволяет представить идеи Бухарина в несколько более стройном виде, она также четко выявляет их недостатки. Бухарин не смог предусмотреть развитие событий, соответствовавших области, находящейся ниже почти горизонтальной кривой предложения *S*. Он не обратил внимания на то, что в связи с массовой недостаточной заменой оборудования в прошлые годы граница этой зоны соответствовала бы меньшему уровню выпуска продукции, который был возможен, если бы не произошло уменьшения мощностей. Он игнорировал возможность существования перегиба в кривой крестьянского спроса, и нет никаких свидетельств, что он обратил внимание на то, что, в то время как физическое опустошение, вызванное революцией, сдвинуло кривую крестьянского предложения влево, сопутствовавшая этому неразбериха в распределении доходов привела к сдвигу кривой крестьянского спроса вправо. По всем этим аспектам Преображенский показал более глубокое понимание сути проблем, чем его главный оппонент.

Ссылки автора

1. *Hicks J.R. World Recovery After — a Theoretical Analysis // Economic Journal. 1947. Vol. 47. June. P. 155* (курсив мой. — А.Э.). То, что проф. Хикс в дискуссии о послевоенной политике инвестиций занимал достаточно умеренную позицию, подчеркивает значение этого высказывания.

2. *Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. М., 1926. С. 248.*

3. *Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. 2-е изд. М.; Л., 1930. С. 119.*

4. *Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—1924 годов // Труды ЦСУ СССР. М., 1926. Т. XXIX. Ч. II. С. 31.*

5. *Промышленность СССР. М., 1957. С. 107.*

6. *Внешняя торговля Союза Социалистических Советских Республик за период 1918—1927/28 гг. М.; Л. 1931. С. 16, 30, 40.*

7. См.: *Барун М. Возраст и изношенность основного капитала промышленности // Социалистическое хозяйство. 1928. № 1. С. 92, 96.*

8. См.: *Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и СССР, технический прогресс за 300 лет. М., 1935. С. 282.*

9. *Lerner A.P. The Economics of Control. N.Y., 1944. Ch. XXV.*

10. См.: *Вестник Коммунистической академии. Кн. XXII. С. 66, 77; Преображенский Е.А. Закат капитализма. Л., 1931. С. 71.*

11. *Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 282.*

12. *Бухарин Н.И. ... // Большевик. 1925. 15 янв. С. 54.*

13. *Бухарин Н.И. ... // Большевик. 1924. 10 дек. С. 27.*

Комментарии научного редактора

1. Под посткейнсианской экономической теорией понимается совокупность взглядов большой группы экономистов, которые не были удовлетворены неоклассической теорией и традиционной концепцией общего экономического равновесия по Д.М. Кейнсу. Подробнее см.: *Harcourt G.C. Post-Keynesian Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics. Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. L., 1987. Vol. 3. P. 924—928.*

2. При движении системы к состоянию равновесия возможны различные случаи. В частности, система может последовательно приближаться к этому состоянию. Здесь имеется в виду такое движение, когда система, приближаясь к состоянию равновесия, не останавливается, а продвигается дальше, чем нужно. Затем должно последовать движение в обратную сторону. Это А. Эрлих и называет «перелетом».

3. Акселератор — в теории экономического роста показатель, описывающий связь между приростом национального дохода и объемом капиталовложений. Смысл эффекта акселерации заключается в том, что если происходит увеличение доли национального дохода, идущего на капиталовложения, то в результате растет и сам национальный доход. Акселератор (V) выражается формулой

$$V = \frac{I_t}{Y_{t-1} - Y_{t-2}},$$

где I — инвестиции;

Y — доход;

t — время.

4. Производственная функция — это уравнение, связывающее переменные величины затрат ресурсов (факторов производства) с величиной выпуска продукции. Если $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ — производственная функция от факторов $x_1, x_2, \dots, x_n$, то предельной производительностью фактора x_i называется частная производная этой функции по данной переменной. Этот показатель характеризует дополнительный экономический эффект (прибыль, объем выпуска продукции), вызываемый дополнительной затратой единицы ресурса (фактора производства) при неизменной величине остальных затрат.

5. Используется термин «backlog», обозначающий накопившееся количество дел, запасов и т.д., ожидающее выполнения, обработки.

6. В каждый данный момент возможные размеры капиталовложений ограничены не только размерами дохода и объемом потребления, но и необходимостью осуществлять замену изношенного оборудования. Поскольку используемые технологии могут меняться, возможная величина капиталовложений будет зависеть и от этого. Таким образом, изменения границ, в которых осуществляются вложения, могут носить сложный характер.

7. Имеется в виду то, что в период спада размеры ввода в действие нового оборудования резко сокращались. В связи с этим по истечении срока службы этого введенного в период спада оборудования для его замены потребовалось бы меньшее количество капиталовложений. Следовательно, при том же объеме валовых капиталовложений величина чистых капиталовложений была бы больше.

8. Имеется в виду эпизод, когда Алиса впервые встречается с Черной Королевой. Они долго и быстро бегут, но затем Алиса с удивлением обнаруживает, что они не сдвинулись с места. Королева поясняет: «Здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, только чтобы остаться на месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее!» (*Кэрролл Л.*

Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1979. С. 138).

9. Предполагается, что суммарная величина капитала возрастает, поэтому $k_t < k_{t+1} < k_{t+2}$. Из этого и вытекает приведенное А. Эрлихом неравенство.

10. Экономия от роста масштабов производства (или эффект масштаба) характеризует связь между изменением объемов использования ресурсов и результатами производства. Обычно имеется в виду положительный эффект от увеличения масштаба производства, когда увеличение затрат факторов ведет к большему, чем пропорциональное, увеличению объема выпускаемой продукции. Наличие повышающейся отдачи от вложений означает, что для капиталовложений характерно наличие эффекта от роста масштаба.

11. Если производственный процесс описывается производственной функцией, то ее переменными могут быть размеры капитала и величина капиталовложений. В этом случае предельная производительность капитала и предельная эффективность капитальных вложений являются показателями предельной отдачи этих факторов производства (см. наше примеч. 4 в данной гл.).

12. Временным предпочтением называется предпочтение при выборе благ с учетом фактора времени. При положительном временном предпочтении текущее потребление предпочитается будущему, при отрицательном — будущее потребление предпочитается текущему. В данном случае предполагается, что текущее потребление предпочитается будущему и что общественное временное предпочтение определяет норму процента. В свою очередь это общественное временное предпочтение может быть результатом взаимодействия индивидуальных временных предпочтений, а может навязываться обществу центральными экономическими органами управления, исходящими из своих предпочтений.

13. На графике используются обозначения mpc и mei — marginal productivity of capital (предельная производительность капитала) и marginal effectiveness of investment (предельная эффективность капиталовложений).

14. Взаимосвязь между величиной дохода Y , размерами расходов на потребление C и величиной текущих сбережений S , обычно воплощаемых в капиталовложениях, задается рядом показателей. (Очевидно, что $Y = C + S$.) Выделяют среднюю склонность к потреблению C/Y и предельную склонность к потреблению $c = \Delta C / \Delta Y$, где ΔC — прирост расходов на потребление, а ΔY — прирост дохода. Под сдвигом к сбережениям понимается такое изменение состояния равновесия, при котором увеличивается доля дохода, идущая на сбережение. То, что склонность к потреблению близка к единице, означает, что почти весь доход идет на текущее потребление и, следовательно, почти не осуществляется капиталовложений.

15. Понятие мультипликатора используется для описания того, что с приростом капиталовложений на определенную величину национальный доход возрастает на величину, которая в k раз больше, чем прирост капиталовложений. Если прирост национального дохода равен ΔY , прирост капиталовложений — ΔI , а величина мультипликатора — k , то $\Delta Y = k \Delta I$. В кейнсианской теории эффект мультипликатора связан не с производственным эффектом инвестиций, а с предельной склонностью к потреблению $c = \Delta C / \Delta Y$. Очевидно,

$$\text{что } k = \frac{\Delta Y}{\Delta I} \quad (1).$$

$$\text{Поскольку } \Delta Y = \Delta C + \Delta I, \text{ из (1) получаем } k = \frac{\Delta Y}{\Delta Y - \Delta C}, \text{ или } k = \frac{1}{1 - \frac{\Delta C}{\Delta Y}} = \frac{1}{1 - c}.$$

16. Речь идет о графиках функций, показывающих размер предложения продукции промышленностью в зависимости от цены на эту продукцию.

17. *Pari passu* (лат.) — равным шагом, в том же темпе.

18. *Naturalwirtschaft* (нем.) — натуральное хозяйство.

19. S — график предложения продукции промышленности в зависимости от цены (в данном случае от соотношения цен).

20. D — кривая спроса, график функции спроса показывает зависимость спроса на товар от его цены. Обычно чем выше цена, тем ниже спрос и, наоборот, чем больше предложение товара, тем ниже его цена и чем больше цена, тем больше предложение (в данном случае соотношение цен).

21. Эластичность функции — предел отношения относительного приращения значения функции y (зависимой переменной) $\frac{\Delta y}{y}$ к относительному приращению независимой переменной x , т.е. к $\frac{\Delta x}{x}$, когда Δx и $\Delta y \rightarrow 0$. Эластичность обозначается символом $E_x(y)$ и выражается следующей формулой:

$E_x(y) = \frac{x}{y} \cdot \frac{dy}{dx}$. Функция спроса показывает, как изменение цены продукта влияет на спрос на него.

22. Точка перегиба — точка, в которой все производные функции от первой до $n-1$ -й равны нулю, а производная функция порядка n не равна нулю, причем n — нечетное число. Наглядным примером такой точки является ноль для функции $y = x^3$.

23. Предельные издержки — показатель, обозначающий затраты, связанные в производстве дополнительной единицы продукции. Если при производстве выпускается набор продуктов, задаваемый вектором x , $C(x)$ — функция издержек, связанных с этим выпуском, то предельные издержки по i -му виду продукта математически выступают как частные производные функции издержек

$$C(x): C'_i = \frac{\partial C(x)}{\partial x_i}.$$

В западных экономических теориях часто используется гипотеза о том, что цены производимых продуктов определяются предельными издержками, связанными с их производством.

24. *Volpa fide* (лат.) — добросовестно, чистосердечно.

Глава VII

ВОЗМОЖНОСТИ СНИЖЕНИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ

В предыдущей главе мы попытались дать системное описание основных черт советской экономики середины 20-х гг. в том порядке, в котором они обсуждались в дискуссии. В результате нашего анализа обстоятельства, послужившие причиной дебатов, не предстали менее драматичными. Наоборот, более пристальное исследование решающей роли основных переменных и опасений, связанных с их взаимодействием, только подчеркнуло важность основной дилеммы. Те же факторы, которые в сложившейся ситуации порождали необходимость крупных капиталовложений, делали рост инвестиций опасным для экономической стабильности, а готовность крестьян ответить на инфляционные процессы массовым уходом с рынка грозила вернуть советскую экономику на грань катастрофы, туда, где она находилась накануне нэпа. Было бы, однако, слишком поспешным сразу перейти к завершающим выводам, не попытавшись более тщательно изучить макроэкономические агрегированные параметры, с которыми мы до сих пор имели дело. Можно ли было найти выход из сложной ситуации регулированием межотраслевой структуры капиталовложений, что позволило бы при заданных размерах затрат обеспечить более высокие достижения? Аналогичный вопрос возможен и по поводу капиталоемкости различных отраслей — нельзя ли было уменьшить потребности в инвестициях путем ее существенного снижения?

Как показало наше изложение дискуссии, ее участники прекрасно понимали важность этих вопросов. Наиболее безоговорочный утвердительный ответ на них давал Шанин. Читатель помнит, что он рекомендовал считать приоритетными варианты вложений с низкой капиталоемкостью, точнее, отдавать предпочтение вложениям в трудоемкое сельское хозяйство, а не в более капиталоемкий промышленный сектор. В промышленно-

сти он предлагал осуществлять вложения прежде всего в производство предметов потребления, а не в производство средств производства. Современному экономисту с западным образованием идеи такого рода, несомненно, покажутся знакомыми. С начала 40-х гг. их выдвигали некоторые известные экономисты, пытавшиеся выработать критерий инвестиций для развивающихся стран. Однако если реакция советских ученых на предложения Шанина, за очень немногими исключениями, сводилась к слабоаргументированным нападкам, критерий скорости оборота, выдвинутый западными экономистами, подвергался содержательной критике, полностью применимой к взглядам Шанина [1]. Большинство из этих критических аргументов приобретает, как будет показано ниже, дополнительную значимость при рассмотрении процесса роста с точки зрения длительной перспективы. Однако уже сейчас мы можем их кратко описать.

1. Очевидной слабостью подхода Шанина является то, что он сосредотачивает внимание на взаимосвязи между выпуском и *только одним* фактором производства. Некоторые технологии, требующие относительно мало капитала на единицу выпускаемой продукции, используют удивительно большое количество труда. Они могут, таким образом, затрачивать больше ресурсов даже в условиях резко выраженного дефицита капиталов, если, конечно, не считать цену предложения труда равной нулю. Последнее предположение не может серьезно рассматриваться даже в условиях массовой безработицы. Более того, поскольку при такой калькуляции затраты учитываются не полностью, величина выпуска завышается. Рассматривать больший валовый доход как показатель большей производительности капитала означает не только пренебрегать тем, что этот доход отражает вклад иных, кроме капитала, факторов, но и не учитывать различия в сроках службы оборудования. Поскольку на важных производственных линиях со сравнительно высоким отношением капитала к выпуску обычно используется оборудование с длительным сроком службы, они требуют по сравнению с первоначальными затратами относительно небольших расходов на замену и содержание. Соответственно многие из таких проектов могут достичь больших значений отношения *чистого* дохода к капиталу за счет не только экономии трудовых ресурсов, но и снижения издержек на поддержание и заме-

ну оборудования, а некоторые проекты могут сохранить это преимущество и после учета соответствующего процента на капитал. При последовательно применяемом критерии скорости оборота это не может быть учтено.

2. Шанин, как и большинство западных экономистов, выдвинувших аналогичный подход, проявил явную склонность к трактовке соотношений капитала к выпуску и капитала к труду как взаимосвязанных и в широких пределах взаимозаменяемых. Такой подход оправдан по отношению к отдельной отрасли, которая, комбинируя капитал и труд, может выпустить любое количество продукции и в которой пропорциональное увеличение использования всех факторов производства приводит к росту в той же пропорции объема выпуска (это случай так называемой однородной производственной функции первой степени (1)). Однако это не относится ко всей экономике, очевидно состоящей из большого числа отраслей, характеризующихся различными видами производственных функций. В различных отраслях одному и тому же отношению капитал/труд (или в данном случае той же предельной производительности капитала) могут соответствовать существенно различающиеся пропорции использования производственных факторов. Хотя этот факт кажется очевидным, он является весьма существенным. Из него следует ограниченность той точки зрения, что в экономике, испытывающей дефицит капиталов, следует сознательно равномерно распределять небольшой объем капитальных вложений (или основную их часть) в соответствии с имеющимися избыточными трудовыми ресурсами. Если перестать рассматривать только эти два производственных фактора, недостатки такого подхода станут более явными.

Страна, имеющая дефицит капиталов, может быть с избытком наделена природными ресурсами, которые по очевидным технологическим причинам могут эксплуатироваться только с применением большого количества капитала. С другой стороны, в то время как в определенных сферах экономики высокий уровень минимальных капитальных издержек неизбежен, в других областях существуют более жесткие ограничения на использование капитала, чем можно объяснить лишь преобладающей величиной отношения капитал/труд. Примером может служить сельское хозяйство, в котором крайняя раздробленность землевладения дела-

ет невозможным применение техники в размерах, превышающих определенный уровень. Существование больших неэффективных затрат капитала на сооружения и тягловый скот еще больше осложняет дело. (Кроме того, отметим, что, поскольку фактор «земля» не может быть увеличен, отношение капитал/выпуск в сельском хозяйстве имеет тенденцию со временем увеличиваться по сравнению с отношением капитал/выпуск в городском секторе и эта тенденция усиливается по мере увеличения доли обрабатываемой земли. Однако тенденция роста отношения капитал/выпуск является реакцией на рост населения при имеющихся земельных ресурсах и поэтому должна рассматриваться скорее при анализе долгосрочного развития.) Даже поверхностное рассмотрение советской экономики 20-х гг. обнаруживает наличие этих неблагоприятных обстоятельств.

3. Описанная выше ситуация вполне возможна и в том случае, если все индивидуальные производственные функции являются однородными первой степени и если для изоквант (2), изображающих альтернативные способы выпуска продукции, обязательна непрерывность. Однако подобные предпосылки, рассматриваемые с консервативных позиций, не обладают универсальной значимостью. Множество, из которого осуществляется выбор, часто может состоять из дискретных точек. Вполне вероятно, что могут существовать неделимости, которые в отдельных случаях будут играть важную с точки зрения экономики в целом роль, особенно в том случае, когда они связаны явно выраженными соотношениями дополняемости (3). Повторим, что, по-видимому, именно это и имел в виду Преображенский, когда говорил о «цепной связи».

Нетрудно показать, что эти соображения могут иметь еще большее значение в том случае, когда в экономике происходят крупные и резкие изменения. Если производительность считается переменной и если ослаблено предположение об однородности первой степени, то можно считать, что общество, в котором произошло существенное уменьшение запасов капитала, опустится до того уровня, когда оно будет демонстрировать меньшую предельную (равно как и среднюю) общественную производительность капитала вследствие уменьшения размеров экономии от масштабов производства. О такой возможности уже говорилось в ином контексте. Следовательно, возврат на исходную позицию

привел бы к увеличению производительности капитала¹. Эта тенденция будет усугубляться, если сокращение запасов капитала будет не только значительным, но и настолько неравномерным, что нарушатся некоторые основные взаимосвязи дополняющих экономических структур, в результате остается мало возможностей для замены одних факторов другими, по крайней мере за короткое время. Поскольку наиболее пострадавшие сферы экономики могут содержать относительно небольшое число крупных экономических единиц, для эффективности прироста средств производства он должен быть большим. Например, сокращение средств производства в характеризующейся сильной концентрацией и тесной интеграцией советской сталелитейной промышленности на треть неизбежно привело бы к потерям экономии от масштабов производства. Более того, возврат к полной загрузке мощностей этой стратегической отрасли серьезно повлиял бы на всю экономику за счет как снижения издержек на поставляемые в другие отрасли продукты, так и роста спроса этой отрасли на продукцию других отраслей. Это типичный пример того, что проф. Винер и проф. Сцитовский назвали внешней денежной экономией [2] (4).

4. Выгоды, которые можно получить от возобновления роста, были бы, однако, большими, чем следовало из предшествовавших рассуждений. Новые инвестиции необязательно воспроиз-

---

¹ Легко понять, что несколько иная формулировка этого положения все же вполне совместима с ортодоксальными предположениями. Подход, изучающий «сравнительную статику», рассматривает ситуации, в которых технологические структуры имеющихся в экономике средств производства полностью приспособлены к распределению ограниченных ресурсов (в той мере, в какой оно проявлялось в относительных ценах факторов). Каждая из таких структур может рассматриваться как содержащая несколько отраслей с высокой насыщенностью капиталом, совокупный влад которых в общественный продукт был бы явно ниже предельного. Однако поскольку избыток производителя (5) в расчете на объем затрачиваемых ресурсов был бы в этих отраслях выше среднего, они увеличивали бы производство до тех пор, пока их предельная общественная производительность не сравнялась бы с преобладающей в экономике в целом. Предположим, что рассматриваемая экономика испытала частичные разрушения в результате экзогенного фактора, такого, как война, и что это разрушение было равномерным. (Как было показано в предыдущей главе, последнее предположение применительно к советской экономике неверно, но мы не будем принимать это в расчет.) С учетом всего этого будет вполне логичным сделать вывод о том, что предельная производительность инвестиций в областях с предельной производительностью ниже средней теперь была бы выше, чем в экономике в целом.

водили бы старые структуры, они также не должны находиться на старом технологическом уровне. Здесь мы переходим к рассмотрению проблемы, которой раньше касались лишь походя: страна, в которой на определенный период прервался ход инвестиционного процесса, а в то же время во всем остальном мире продолжается прогресс, к концу этого периода неизбежно столкнется с наличием большого количества новых технологий. В таких условиях разрыв между старым и новым будет больше, чем в случае непрерывного развития, и современные методы будут иметь преимущество в соответственно большем количестве случаев, в том числе и тогда, когда их применение предполагает замену дефицитного капитала избыточным трудом. Эта возможность будет особенно вероятной в том случае, когда технический прогресс происходит не медленными темпами, а быстрыми рывками. На самом деле такова была ситуация на Западе в течение первого десятилетия после Первой мировой войны.

5. Из нескольких аргументов, которые были сформулированы в предыдущих параграфах, сам Шанин упомянул лишь один, с которым он был согласен. Он считал, что его доводы в пользу вариантов развития с низким отношением капитал/труд допускают исключение: существование крупномасштабной (и обладающей высокой капиталоемкостью) сети железных дорог было необходимой предпосылкой в том числе и для плавного развития тех отраслей, которые он считал приоритетными. Базаров попытался расширить брешь в защите своего оппонента и отметил, что по этой же причине тяжелой промышленности, поставки которой были необходимы для строительства и функционирования транспортной системы, следовало бы выделять соответственно большую долю из общего объема капиталовложений. В другом контексте Базаров и Преображенский усилили эту аргументацию, подчеркнув зависимость мелкого крестьянского хозяйства от развития несельскохозяйственных секторов экономики. Оба они совершенно ясно доказали, что эта зависимость определялась как чисто технологическими соотношениями дополнительности, так и косвенным образом — через создание стимулов к капиталовложениям в сельское хозяйство, что было вызвано увеличением спроса на сельскохозяйственные товары и большим количеством поставок промышленной продукции в сельскую местность. Они могли бы добавить также, что сокращение раз-

меров аграрного перенаселения оказало бы сильное аналогичное воздействие, поскольку увеличило бы как стимулы крестьян к эффективной работе, так и их готовность применять улучшенные методы ведения хозяйства, что не раз отмечалось в современной литературе.

Но даже если и не все соображения, высказанные в предшествующих параграфах, были бы приняты во внимание, можно выдвинуть еще одно соображение против элементарной модели Шанина с ее квалифицированно изобретенным эффектом от использования сложных процентов. В модели связи между двумя сегментами экономики изучаются в рамках микроэкономического анализа, причем игнорируется тот факт, что имеет место не только заменяемость, но и дополняемость. В то время как сегодняшняя сталелитейная промышленность конкурировала бы в получении инвестируемых ресурсов с сегодняшним производством зерна, увеличение выпуска стали позволило бы завтра произвести большее количество зерна. В численном примере Шанина непрерывно повторяющееся вложение как исходного капитала в 100 единиц, так и ежегодных приростов капитала означало бы, что спрос сельского хозяйства на средства производства возрос бы со 100 единиц в первый год до 115 единиц во второй год, до 132 в третий и до 152 в четвертый. По-видимому, он не заметил, что происходящий в результате рост сельскохозяйственного выпуска осуществлялся бы за счет увеличения мощности отраслей, производящих средства производства, и, следовательно, в ущерб более высокому потенциальному приросту выпуска сельскохозяйственной продукции в более отдаленном будущем. В данном случае Шанин, очевидно, не оценил важности различия между средствами производства, производящими предметы потребления, и средствами производства, производящими продукцию, идущую на увеличение размеров совокупного общественного капитала. Та переброска ресурсов в промышленность, которую Шанин предлагал осуществить спустя 4 года (возможно, это предполагало резкое сокращение капиталовложений в сельское хозяйство до уровня, предшествовавшего направлению туда 100 единиц вложений), не имела бы большого значения. Такая переброска в лучшем случае вернула бы отраслям, производящим средства производства, ресурсы, которых они были лишены в начале процесса, но не дала бы им никакой компенсации за от-

существовании увеличения производственной мощности, которое обеспечили бы эти ресурсы, не будь они направлены в сельское хозяйство¹. В специфических советских условиях 20-х гг. последствия политики, предлагавшейся Шаниным, были бы особенно серьезными. Уклониться от осуществления крупных вложений в отрасли, выпускающие средства производства, в тот момент, когда в них только что прекратилось сокращение производства, означало бы подвергнуться риску нового спада. Влияние этого спада проявилось бы немедленно, поскольку в целом размеры этого сократившегося сектора ни в коей мере не были избыточными по отношению к масштабам всей экономики до ее упадка. Итак, в экономике, в которой капиталоемкий сектор связан различными отношениями дополнительности с некапиталистическим сектором и в то же время является едва достаточным для поддержания текущего уровня функционирования всей экономической системы, политика сокращения этого первого сектора через непродолжительное время бумерангом ударила бы по второму сектору. Как мы видели, макроэкономические соображения вновь возвращаются благодаря категории «цепной связи», для того чтобы воспрепятствовать перехлестам в политике снижения напряженности.

* * *

Критиковать предложения Шанина ни в коей мере не означало выступать за развитие советской экономики в совершенно противоположном направлении, и никто из серьезных участни-

---

¹ Можно сказать, что наша критика Шанина несправедлива, поскольку: 1) бедное сообщество может не считать своей целью максимизацию темпа экономического роста в течение длительного времени; 2) ограничение вложений либо в сельское хозяйство, либо в производство предметов потребления в целом (или в обе эти отрасли) может в связи со снижением производительности труда оказать обратное отрицательное влияние на выпуск средств производства; 3) определенный объем капиталовложений в сельское хозяйство большей частью состоял бы из ресурсов, не являющихся ни продуктами отраслей, производящих средства производства, ни возможным их сырьем (например, фураж для скота). Однако первый аргумент был бы бесполезен для Шанина, который сам выступал за максимизацию темпа экономического роста в долгосрочной перспективе и считал свой подход наиболее адекватным для достижения этой цели. Второй аргумент, как мы увидим, никем не оспаривался. Третий аргумент означал, что проблема выбора направления вложений — в промышленность или в сельское хозяйство — была менее острой, чем это представлялось Шанину.

ков дискуссии ничего подобного и не предлагал. Наиболее бесстрашный сторонник больших величин и скорости с возмущением заявил, что «никто не предлагает такой экономической безграмотности, какой явилось бы ухлопывание всех средств на развитие тяжелой промышленности»¹. Более того, в замечании, предшествующем важному параграфу о «цепной связи», Преображенский отметил, что «необходимо... накопление, которое делает возможным для государственного хозяйства достижение современной капиталистической техники там, где невозможен переход постепенно на базу новой техники» [3]. Из этого в неявной форме следует предположение о том, что выбор альтернативных вариантов производства в некоторых областях был шире, чем в других, и что эти различия следует использовать. Несомненно, что внимание к этим различиям было вызвано пониманием того, что, даже если отвергнуть как слишком безрассудный подход Шанина, в экономике, характеризующейся дефицитом капитала, необходимо определить способ распределения этого крайне ограниченного ресурса. Читатель, возможно, помнит, что именно Базаров много писал об этом и ближе всех подошел к такой формулировке. Более того, Базаров приложил наибольшие усилия для выработки экономической политики, полностью использовавшей возможности ослабления напряженности для максимальной экономии ресурсов, которую можно было направить на цели, не допускавшие таких возможностей. Конкретные предложения, которые были им выдвинуты, достаточно подробно рассматривались нами в первой части. Здесь мы кратко изложим те из них, которые имеют отношение к изучаемому вопросу.

1. Базаров не пытался обойти проблему замены основного капитала и подчеркивал свою озабоченность тем, насколько велика была доля устаревшего советского промышленного оборуду-

---

¹ Преображенский Е.А. Экономические заметки. Ч. 2 // Б. 1926. 31 марта. С. 68. Следующая за этим фраза еще более выразительна: «Нам необходимо пропорциональное развертывание и тяжелой и легкой промышленности». «Пропорциональное», по-видимому, означает здесь «сбалансированное» или «одновременное», в противном случае процитированное высказывание явно не согласовывалось бы с многими другими положениями, в которых он подчеркивал необходимость более быстрого роста производства средств производства. Тем не менее, хотя о точном смысле его слов можно спорить, ясно, что они свидетельствуют о намерении ограничивать различия в темпах роста подразделений экономики.

дования. Он, однако, отметил то, что между продолжением использования существовавших производственных мощностей, приводившим к росту издержек, и полным обновлением в результате инвестиций существовало промежуточное решение — частичная реконструкция. Оно заключалось в ограниченном увеличении размеров оборудования или замене его наиболее изношенных частей на современное оборудование, что легко можно было сделать с большой выгодой. Он понимал, что с точки зрения долговременной эффективности такое решение было менее предпочтительным, чем полная реконструкция. Действительно, у западных читателей (но не у современной ему советской аудитории, менее осознающей проблему ограниченности ресурсов) может сложиться впечатление, что он слишком много извинялся за «нерациональность» таких издержек и за невозможность «осуществлять только такие капиталовложения, которые оправданны с точки зрения генерального плана». С другой стороны, Базаров мог бы отметить, что относительная невыгодность методов частичной реконструкции в некоторых случаях была бы более явно выражена либо вследствие сильной взаимосвязанности различных видов оборудования, либо из-за того, что улучшения нужно было делать «единым пакетом». Во всяком случае Базарову, несомненно, удалось продемонстрировать, что принятие промежуточного решения могло привести к такому переходу от восстановительного к реконструктивному периоду, который был бы менее резким и проходил бы с меньшими затратами, чем это утверждалось крайне левыми. Более того, даже беглый взгляд на статистику показывает, что очень большая доля капиталовложений, осуществлявшихся в течение последних лет нэпа, на самом деле относилась к этой промежуточной категории¹.

¹ В соответствии с авторитетным советским источником доля затрат на расширение и переоборудование старых заводов в общем объеме капиталовложений в государственную промышленность составляла 55,2% в 1925/26 г., 56,1% в 1926/27 г. и 55,7% в 1927/28 г. (см.: *Гухман Б.* На рубеже // *Плановое хозяйство.* 1928. № 8. С. 136). Часть капиталовложений, направляемая на «лучшее использование всех производственных мощностей», предполагала, как отмечалось, «серьезную реконструкцию старых заводов». По-видимому, эти капиталовложения по экономическому смыслу приближались к вложениям в «новое строительство», доля которого в общем объеме вложений за тот же период возросла с 12,3 до 26,3%. С другой стороны, необходимо выделить вложения на капитальный ремонт, не включаемые в затраты на реконструкцию, которые составляли в те же три года соответственно 19,4; 13,3 и 9,7% общего объема вложений (там же).

2. Проблема правильного сочетания факторов производства рассматривалась аналогичным образом. Конечно, когда Базаров пытался выработать нечто вроде общего критерия, он не добился больших успехов. Напомним, что он считал оправданным применение технологий, использующих большее количество труда в комбинации с данным количеством капитала только в том случае, когда получался больший выпуск на одного работника, а следовательно, и на единицу капитала. Это, разумеется, было слишком строгим условием. Более того, решение Базарова (и этим оно было похоже на критерий скорости оборота) не учитывало срока службы оборудования. Элементарная арифметика показывает, что если технологический способ, требующий большего количества труда при заданных размерах капитала, чем другой способ, давал бы меньший выпуск продукции на одного рабочего при одинаковых для обоих способов сроках службы оборудования, то при коротком сроке службы меньшие издержки на единицу капитала оказались бы у способа с более интенсивным использованием труда, в то время как при длительном сроке службы более выгодным был бы второй способ. На самом деле эта формулировка была более чем бесполезна для Базарова. Она вовсе не требовалась для доказательства того, что в важных секторах экономики технология, которая максимизирует занятость, является (по крайней мере для объемов выпуска выше определенной величины) даже в условиях крайней нехватки капиталов экономически менее выгодной, чем альтернативные трудосберегающие технологии, и должна быть отвергнута в случае использования критерия максимизации выпуска продукции.

Он, однако, прекрасно понимал, что то, что было справедливо для одних секторов экономики, не выполнялось в других. Он настаивал на том, что в тех производствах, где для всех видов выпуска продукции имелись большие возможности для замены капитала трудом, следовало решительно применять трудоемкие технологии, не принимая во внимание соображений модернизации или профсоюзных договоров. Кроме того, фактор дополнительности, служивший до сих пор аргументом против слишком большого энтузиазма по поводу возможностей «дешевых» капиталовложений, можно было, наоборот, использовать для получения более оптимистичных выводов. Общество, бедное капиталами, могло бы использовать свои избыточные трудовые ресурсы,

применяющие элементарные средства труда, для создания наиболее важных составных частей социальной инфраструктуры. Такая политика позволила бы этому обществу ограничить применение капиталоемких методов теми сферами, где их преимущества не компенсировались дешевизной труда или в которых применению капитала в крупных масштабах просто не было альтернативы. В результате этого объем капиталовложений, необходимый для снижения безработицы на определенную величину, оказался бы меньше, чем если эту задачу решать в основном за счет более капиталоемких отраслей. Это, разумеется, не отрицал и Преображенский. Достаточно вспомнить его замечание о том, что интенсификация сельского хозяйства могла дать возможность справиться с проблемой скрытой сельскохозяйственной безработицы. Однако он не был склонен заходить в этой аргументации слишком далеко, поскольку понимал, что это привело бы к необоснованному сокращению вложений в промышленность. Базаров не имел подобных сомнений. Не имели их Бухарин и Рыков, которые разделяли его позицию по этому вопросу, как и по многим другим. Для современного исследователя экономического развития этот подход напомнит стратегию «двойной экономики», оразившуюся, в частности, во втором пятилетнем плане Индии, в котором упор был сделан на капиталоемкие технологии в сталелитейной промышленности и на производство хлопка в текстильной промышленности¹.

3. Базаров продемонстрировал такой же здравый подход к проблеме технологических изменений. Его утверждение о том, что новые заводы должны строиться на основе последнего слова техники, не оставляло сомнений в его приверженности к модернизации. Базаров, однако, хотел при проведении модернизации

---

¹ Логика этой политики была кратко изложена проф. Экаутом: «Предположим, что относительные размеры спроса на выпускаемую продукцию таковы, что большая часть имеющегося капитала вкладывается в капиталоемкий сектор с постоянными технологическими коэффициентами (6). Количество труда, которое может быть применено в таких секторах, зависит от размеров имеющегося капитала. Поскольку ограниченным фактором является капитал, возможности для занятости в этом секторе определяются не размерами спроса на выпускаемую продукцию, а величиной капитала. Относительно избыточное предложение в таком случае направляется в сектор с переменными технологическими коэффициентами и поглощается там до тех пор, пока предельная производительность труда выше, чем получаемая им заработная плата» (The Factor Proportions Problem in Underdeveloped Areas // American Economic Review. September 1955. N 45. P. 559—560).

учитывать исключения. Он понимал, что новые технологические возможности давали множество альтернатив, и высказывался за те из них, которые наиболее соответствовали структуре производительных сил советской экономики. Именно поэтому он обращал большое внимание на капиталосберегающие технологии. Тем не менее при таком подходе необходимо было преодолеть серьезные препятствия. Хотя электроэнергия и двигатели внутреннего сгорания давали возможность механизировать мелкое городское и сельское производство с меньшими затратами капитала, чем техника, использующая пар, для них требовалось бы больше капитала (особенно на стадии строительства), чем для вытесняемых ими примитивных немеханизированных технологий. Более того, новые технологии, сглаживавшие различия в размерах между выбираемыми вариантами производственных единиц и тем самым дававшие более легкую возможность преодолеть спад, конечно, не могли не иметь преимущества, связанные с масштабом. Действительно, экономия капитала, достигнутая за счет электрификации и рационализации в промышленности, не могла быть осуществлена до тех пор, пока размеры выпуска отдельных заводов в данных отраслях промышленности не станут очень большими. Напомним, что Базаров, конечно, все это понимал и особенно подчеркивал последнее положение. Он настаивал на том, что в отсталой стране попытка одновременно модернизировать все сферы экономики противоречила бы самой сути модернизации. Такая «поверхностная индустриальная экспансия» означала бы растрату имевшихся ресурсов и труда, поскольку привела бы к их распылению (7). Решение заключалось в проведении важных усовершенствований в определенном порядке, начиная с наиболее крупных отраслей промышленности и наиболее развитых регионов. Предложение о частичной реконструкции старых заводов было, несомненно, лишь частью той же самой стратегии. Для того чтобы дать полную оценку подходу Базарова и других исследователей, мы должны отбросить ранее использовавшееся неявное предположение о замкнутой экономике и вновь начать рассматривать внешнюю торговлю.

* * *

Напомним, что советским внешнеэкономическим связям с самого начала отводилась существенная роль в дискуссии, хотя отношение к ним различных ее участников сильно различалось.

Если для «раннего» Бухарина этот вопрос казался второстепенным, то это шло от оптимистической оценки возможностей «развязывания товарооборота». Для него внешняя торговля играла роль лишь дополнительного, хотя и существенного, стимула к «восстановлению»; ее главным результатом было расширение внутреннего рынка. Однако то, что казалось незначительным Бухарину, рассматривалось совершенно иначе теми менее оптимистично настроенными участниками дискуссии, которые видели угрозу стабильности в избытке, а не в недостатке эффективного спроса (8). Естественно, что большинство из них высказывалось за внешние займы, причем больше других — Преображенский. Более того, хотя они не обманывали себя по поводу возможных размеров кредитов, они видели также возможность получить значительную выгоду от обычного простого обмена своих товаров на иностранные. Достаточно логично, что на этом особенно упорно настаивали Шанин и Сокольников. Тем самым точка зрения о необходимости приоритетного направления капиталовложений в сельское хозяйство и в отрасли с низкой капиталоемкостью как будто выглядела более обоснованной. В экономике, где осуществлялась бы такая политика, затрата ресурсов для получения с помощью внешней торговли необходимого количества капиталоемких товаров была бы меньше, чем если бы эти товары производились внутри страны. Признавалась ситуация, когда отрасль промышленности только зарождалась, но она рассматривалась лишь как исключение, подтверждающее правило. Таким образом, эта труднейшая проблема и все остальные вопросы, возникавшие в ходе дискуссии, по-видимому, успешно разрешались. Уже не было необходимости беспокоиться о небольших размерах производства средств производства — нужное оборудование поступало бы из-за границы в обмен на постепенно растущий экспорт сельскохозяйственной продукции.

Опять-таки современный западный читатель без труда обнаружит сходство между позицией руководства Наркомфина СССР и более разработанными подходами уважаемых экономистов-неоклассиков. В то же время не нужно быть слишком активным иконоборцем, чтобы осознать, что советские экономисты, занимавшие умеренные позиции, переусердствовали при применении аргумента о сравнительных издержках. Они так и не поставили вопроса о необходимом уровне специализации и о его

зависимости от физических объемов производимой продукции, с одной стороны, и о спросе на мировом рынке — с другой. Они не смогли выдвинуть никаких аргументов по поводу значения размеров экспортирующей страны относительно мирового рынка. Эти экономисты концентрировали внимание исключительно на отношении капитал/труд, не задерживаясь на исследовании сравнительной наделенности экономики другими факторами производства и их связи с первыми двумя. По-видимому, они также не учитывали того факта, что наличие или отсутствие аграрного перенаселения могло привести к существенным различиям при определении размеров общественно приемлемых сравнительных издержек. Будь эти вопросы хотя бы заданы, можно было бы утверждать, что в 20-е гг., с точки зрения Шанина и Сокольникова, положение Советского Союза по всем этим аспектам не было хорошим. И хотя наиболее драматичное из отдельных событий — крах мирового рынка зерна — в 1925 г. еще назревало, после Первой мировой войны уже можно было видеть действие вызвавших его сил.

Тем не менее оппоненты политики первоочередного развития сельского хозяйства также не выделили этих аспектов, хотя Базаров частично затронул один из них, отметив, что Шанин, «по-видимому, не собирается импортировать нефть и уголь». Критики Шанина никогда не предприняли открытой попытки оспорить ту систему аргументов, которая, оказавшись она верной, во многом обесценила бы их доводы. Вместо этого они просто не обсуждали ее и продолжали свою критику, используя неявное предположение о том, что, хотя специализация производства и торговля не могли заменить крупные капиталовложения в несельскохозяйственный сектор, они тем не менее были прекрасным средством для достижения поставленных целей с меньшими затратами ресурсов. Для Базарова возможность торговли с остальным миром была неизбежным выводом из его политики капиталовложений, характеризовавшейся избирательностью и четким временным графиком. Увеличение предложения тех товаров, которые не имели больших внутренних рынков и потому не могли дать экономии от увеличения масштабов производства, должно было осуществляться за счет импорта, а не за счет увеличения внутреннего производства. Для Преображенского и его сторонников, отраслевые предпочтения которых были более четко выражены, внешняя торговля давала

возможность намного увеличить предложение средств производства для советской промышленности по сравнению с тем низким уровнем, который могли обеспечить российские заводы. По-видимому, для них было столь же очевидным, что политика приоритетного развития производства средств производства могла дать наилучшие результаты тогда, когда решения о том, стоит ли развивать в СССР ту или иную отрасль, основывались бы на сравнительных издержках.

Несомненно, что и в данном случае дискуссия не может не оставить у западного читателя чувство неудовлетворенности. Некоторые совершенно необходимые исключения из правил и более детальные разработки отсутствовали. Базаров противоречил сам себе, когда доказывал, что наибольший приоритет должен иметь выпуск тех средств производства, «спрос на которые уже достиг достаточно высокого уровня». Он оказался бы ближе к истине, если бы добавил: «или скоро достигнет этого уровня». Прямолинейная аргументация о величине и приросте капитала, используемая Преображенским для обоснования выигрыша в скорости развития производства средств производства, достигаемого с помощью внешней торговли, была бы гораздо более убедительной, сумей он показать, что при этом наибольший прирост предложения средств производства был бы единовременным и не мог бы поддерживаться в течение длительного периода¹.

---

¹ Предположим, что общество производит K средств производства и C предметов потребления и что желаемое увеличение размеров K может быть достигнуто как за счет внутреннего производства (альтернатива I), так и с помощью импорта, обеспечиваемого увеличением экспорта C (альтернатива II). Преимущества альтернативы II обсуждались выше. Рассмотрим ограничивающие факторы.

1. При альтернативе II увеличение внутренних мощностей по производству K равнялось бы сумме ежегодных притоков K и (при предположении о самовоспроизводстве K) их приростов на протяжении данного периода. При альтернативе I прирост мощности возникал бы через промежуток времени, равный периоду строительства, в виде оборудования, ежегодно производящего средства производства K . С точки зрения мощностей по производству K чистая выгода от альтернативы II измерялась бы разницей между суммарным притоком K и размерами созданного внутри страны производящего K оборудования. Хотя эта разность могла быть положительной, очевидно, что после завершения создания производящего K оборудования она была бы меньшей, чем до этого. Альтернатива II по-прежнему могла бы быть предпочтительнее, особенно если производство K за границей более эффективно, чем внутри страны. (Это, конечно, было бы стандартным случаем сравнительных преимуществ торговли.) Тем не менее это преимущество над альтернативой I было бы меньше, чем могло показаться на первый взгляд.

Более того, он преувеличивал, предположив, что, будь Россия 20-х гг. капиталистической страной, она, конечно, получила бы иностранные займы в обеспечивающих достаточно плавное экономическое развитие размерах. Не следует считать, что такая оптимистичная оценка Преображенским эффективности иностранных инвестиций при капитализме означала, что он впал в ересь. Он лишь следовал Ленину, который 10 лет назад доказывал, что «экспорт капитала влияет на развитие капитализма в странах, в которые он осуществляется, невиданно увеличивая его» [4].

Итак, попытка встретить вызов Шанина—Сокольниковца во всеоружии, к сожалению, не удалась. Тем не менее, как это часто бывало в этой дискуссии, фактическое положение дел было лучше, чем в теории. Однако для того чтобы более полно оценить вклад участников дискуссии, необходимо отказаться от еще одного принятого нами для удобства изложения ограничения и перейти к рассмотрению проблемы экономического роста с точки зрения долговременной перспективы.

Ссылки автора

1. Критерий скорости оборота поддерживали J.J. Polak (*Balance of Payments Problems of Countries Reconstructing with the Help of Foreign Loans // Quarterly Journal of Economics*. 1943. February. Vol. 57) и N.S. Buchanan (*International Investment and Domestic Welfare*. N.Y., 1945). Среди многочисленных статей, содержащих критику данного подхода, автору были наиболее полезны: *Kahn A.E. Investment Criteria in Development Programs // Quarterly Journal of Economics*.

2. В условиях роста экономики и продолжающегося перемещения избыточного аграрного населения в промышленность может быть сложно так сократить внутреннее потребление C , чтобы с помощью внешней торговли дать дополнительный приток K . Это особенно существенно в том случае, если эластичность спроса на C по доходу (9) была бы высокой. Для сохранения импорта K на прежнем уровне экспорт товаров C должен был бы в возрастающей степени обеспечиваться увеличением выпуска, а это, в свою очередь, потребовало бы увеличения производящего C оборудования. Выбор заключался бы теперь между дополнительными выпусками K или C , и, хотя могли быть веские доводы в пользу последнего, а не первого варианта, полученный в результате этого выигрыш имел бы совершенно иные размеры, чем в исходном случае, и достигался бы на основе сравнительных преимуществ в традиционном смысле этого слова.

3. Последнее соображение хорошо знакомо исследователям. Положение о том, что с помощью увеличения объемов экспорта можно достичь пропорционального увеличения размеров импорта, справедливо лишь при постоянных условиях торговли, — предположение, которое может как выполняться, так и не выполняться, и в последнем случае рано или поздно вся общая картина, конечно, изменится.

1951. February. Vol. 65; *Bator F.M.* On Capital Productivity, Input Allocation and Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1957. February. Vol. 71; *Sen A.K.* Some Notes on the Choice of Capital Intensity in Development Planning // *Quarterly Journal of Economics*. 1957. November.

2. *Viner J.* Cost Curves and Supply Curves // *Zeitschrift für Nationaleconomie*. 1932. № 3.

3. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 92. (курсив мой. — А.Э.).

4. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. Цит. по: *Knapp J.* Capital Exports and Growth // *Economic Journal*. 1957. December. Vol. 67. P. 432.

Комментарии научного редактора

1. Производственная функция f называется однородной функцией степени q , если для вектора затрачиваемых ресурсов x и числа n выполняется соотношение $f(nx) = n^q f(x)$. Если при этом $q = 1$, то функция называется однородной первой степени.

2. Изокванта — понятие, используемое в теории производственных функций. Изокванта — это геометрическое место точек, в которых различные комбинации используемых при производстве факторов (ресурсов) дают одно и то же количество выпускаемой продукции.

3. Под соотношениями дополнительности понимаются взаимосвязи между различными технологиями (обработка земли с помощью тракторов требует наличия соответствующих технологий производства тракторов в промышленности) или товарами (потребление одних товаров возможно лишь одновременно с другими товарами).

4. Термин «external economies» переводится нами, по традиции, как внешняя экономия. Под внешней экономией (затратой) понимается положительный (отрицательный) внешний эффект при производстве, т.е. неоплачиваемый побочный эффект от выпуска или затрат производителя, оказываемый на других производителей. Характерным примером является сооружение дамбы, которое может привести к росту доходов владельцев участков, предохраняемых от наводнений, но и к уменьшению доходов рыбаков, вызванному снижением улова рыбы. Другим традиционным примером является эффект от загрязнения окружающей среды.

Если в ранних работах внешняя экономия трактовалась обычно в технологическом смысле, то в современной экономической науке, как правило, предполагается, что рыночные цены в конкурентной рыночной экономике не отражают предельных общественных издержек. В тех случаях, когда внешняя экономия рассматривается с точки зрения влияния на цену, речь идет о внешней (внерыночной) денежной экономии. Это понятие было введено Д. Винером (1932). А. Пигу (1920) отмечал, что наличие такого внешнего денежного эффекта требует вмешательства государства в экономику, для того чтобы выпуск промышленности достиг эффективного уровня. П. Розенштейн-Родан (1943) и Т. Сцитовский (1954) подчеркивали, что развитие экономики должно планироваться с учетом взаимосвязи спроса и предложения различных секторов экономики.

5. Избыток производителя — это разница между рыночной ценой и предельными издержками выпускаемой продукции. Предельные издержки указывают на минимальную цену, при которой фирма согласилась бы вообще производить каждую дополнительную единицу продукции.

6. Технологические коэффициенты показывают зависимость между затратами ресурсов и объемами производства продукции. Если эти коэффициенты

считаются постоянными, это означает, что технологии неизменны и технический прогресс отсутствует. Переменные технологические коэффициенты вводятся для учета технического прогресса.

7. О понятии «поверхностная индустриальная экспансия» у В.А. Базарова см., например, в работе: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 74—76.

8. Эффективный спрос — совокупный (агрегатный) спрос, который поддержан средствами, позволяющими действительно купить соответствующее количество товаров. Эффективный спрос — термин, введенный Д.М. Кейнсом для определения сил, определяющий изменения в объеме выпуска продукции и занятости в целом. Подробнее см., например: *Kregel J.A. Effective Demand // The New Palgrave Dictionary of Economics / Ed. by J. Eatwell M., Milgate P., Newman L. Macmillan Press, 1987. Vol. 2. P. 99—102.*

9. Эластичность спроса по доходу — коэффициент, выражающий зависимость изменения спроса на товар от изменения дохода потребителя (см. примечание 21 к главе VI).

Глава VIII

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Одной из характерных особенностей рассматриваемой дискуссии было то, что центральная ее проблема — долговременный экономический рост — получила лишь эпизодическое освещение. Обсуждение этой проблемы было заслонено теми вопросами, которые Базаров назвал «зlobой дня». Позже мы покажем, что это, возможно, было и не так странно, как могло бы показаться на первый взгляд. Однако для постороннего наблюдателя, пытающегося представить полную картину происходящего и не готового принимать все предпосылки на веру, как данные, это было несколько затруднительным. Для того чтобы восполнить этот пробел, потребовалось бы всестороннее обсуждение Марксовой теории экономической динамики, такая задача, конечно, выходит за рамки данной работы. Поэтому ниже мы попытаемся соединить вместе те элементы долгосрочного анализа, которые были введены участниками дискуссии, и рассмотреть вопрос о том, в какой степени некоторые проблемы, обсуждавшиеся в предыдущих главах, приобретают под иным углом зрения новые черты.

* * *

В предыдущей главе упоминались два вида «завалов», с которыми столкнулась советская экономика в 20-е гг. Хотя участники дискуссии не употребляли этого термина, они прекрасно осознавали факты, которые привели к этим «завалам». Воодушевление по поводу электрификации и рационализации и горькие сетования по поводу примитивного уровня технологии во многих сферах советской экономики показывают ясное понимание острого противоречия между актуальными и потенциальными возможностями, если использовать высказывание проф. Гершенкрона [1]. Однако хотя доктрина, владевшая умами участников дискуссии, по-видимому, восхваляла преимущества крупномасштабного производства и выгоды технического прогресса, она столь же недвус-

мысленно подчеркивала, каких затрат потребует достижение этого. Читатели «Капитала» ясно понимали, что капиталовложения были необходимым условием долговременного экономического роста, который, чтобы быть эффективным, должен был быть капиталоемким. Более того, чистый прирост капитала определялся долей тех мощностей экономики, которые производили средства производства. Это условие, формализованное в известных схемах второго тома «Капитала», было бы неблагоприятным для экономики, имевшей в начале своего развития относительно небольшой сектор производства средств производства. Маркс не разработал свои схемы в такой степени, чтобы определять «оптимальный» темп роста. Его задача была более скромной — найти такие количественные пропорции между крупными секторами экономики, при которых она могла бы непрерывно расти и полностью использовать производственные мощности. Его модель показывает, что при заданном размере экономики такое требование вполне могло соблюдаться при различных альтернативных комбинациях размеров секторов производства средств производства и производства предметов потребления. Одновременно она показывала, что более высокая доля «подразделения I» по сравнению с «подразделением II» обеспечивала при прочих равных условиях более высокий темп роста экономики в целом. Из этого явно следовало, что для обеспечения более быстрого роста экономики необходимо было повысить по сравнению с прежним уровнем относительную долю сектора производства средств производства как в общем объеме выпуска продукции, так и в общих размерах капитала. И хотя марксистская модель сама по себе не содержала тех или иных рекомендаций, люди, считавшие нужным осуществление индустриализации с наибольшей возможной скоростью, могли обнаружить в этой модели подтверждение тому, что для обеспечения быстрого и плавного развития в будущем в настоящее время необходимо было осуществить резкий скачок. Они могли доказывать, что этот вывод не противоречил общему духу доктрины, несмотря на то и дело встречающиеся явные и неявные оговорки¹.

¹ См., например: «На основе общественного производства необходимо определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в качестве полезного эффекта; необходимо определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя ущерба таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в течение года не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и

Поэтому естественно, что именно Преображенский особенно часто использовал эту модель для обоснования собственных взглядов. Он следовал марксистской традиции, когда настаивал, что производство средств производства и производство предметов потребления должны «маршировать в боевом порядке», и когда обращал особое внимание на то, что достижение новым заводом проектной мощности требует времени и что капиталовложения, осуществляемые в условиях повышающихся темпов роста «с перелетом» (1) по отношению к общему объему продукции, имеют эффект акселератора. В ряде случаев он мог бы использовать эту модель с большей выгодой. Он мог бы строго доказать то положение, которое мы уже обсуждали при рассмотрении взглядов Шанина: экономика *A*, в которой в расширение производства средств производства вкладывается больше средств, чем в экономике *B*, в ближайшем будущем даст менее высокий темп роста потребления, но на длительном отрезке времени — более высокий темп. Это произойдет потому, что на первоначальном этапе сравниваемые уровни потребления определялись бы более высокой долей производства предметов потребления в общем объеме капиталовложений в экономике *B*, а в последующие годы — растущим различием в общих объемах капиталовложений в *A* и *B*, вызванным более быстрым расширением сектора производства средств производства в экономике *A*. (Можно предположить, что суммарный национальный доход в *A* с самого начала рос бы быстрее, за исключением того короткого начального периода, когда капиталоемкость в отраслях, производящих средства производства, была бы намного выше, чем при производстве предметов потребления¹.) Однако он пошел дальше, чем автор «Капитала»

доставляют жизненные средств и средства производства» (*Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 402*). Неудивительно, что Шанин приводил эту цитату для обоснования своих призывов к умеренности.

¹ См.: *Фельдман Г.А. К теории темпов роста народного дохода // ПХ. 1928. № 11, 12. (Модель Фельдмана глубоко проанализирована в: Domar E.D. Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y., 1957. Ch. IX.)* Можно подойти к этому вопросу по-другому и доказать, что экономика, в которой производство предметов потребления растет быстрее, чем производство средств производства, и в которой не происходит снижения капиталоемкости, начала бы после периода быстрого роста замедлять свое развитие, а затем и уменьшать выпуск, по мере того как спрос растущего подразделения II на оборудование сначала поглощал бы, а затем и превышал бы тот выпуск средств производства, который мог обеспечить сверх своих потребностей воспроизводства подразделение II. Фактически Преображенский ясно указывал на этот эффект в приведенной

и чем это было необходимо (хотя и не в такой степени, как другие известные марксисты до него), когда заявил, что «развитие производительных сил неизбежно предполагает увеличение относительной доли средств производства (в общем объеме выпуска. — А.Э.)» [2]. Как показывает краткое знакомство с моделью второго тома «Капитала», минимальным условием для роста является ситуация, при которой выпуск подразделения I, производящего средства производства, превышает потребность в замене оборудования в обоих подразделениях. После того как мощности подразделения I достигнут этого уровня (с учетом роста населения), «развитие производительных сил» вполне могло происходить при одинаковом росте объемов выпуска в обоих подразделениях (на самом деле возможно даже небольшое превышение подразделения II до тех пор, пока сохраняется превышение выпуска подразделения I над потребностью в замене оборудования). Ссылки на технический прогресс, являющийся, «как правило», синонимом роста органического строения капитала [3], могли помочь лишь в некоторой степени. Преображенский был прав, когда отмечал, что в моделях второго тома «Капитала» невозможно было отразить это фундаментальное положение марксистской теории [4] (2). Для этого нужно было показать, что эта предпосылка была верна и что увеличение фондовооруженности неизбежно ведет за собой и увеличение капиталоемкости выпуска. Вряд ли он мог бы это доказать, даже если бы и попытался. Базаров также не смог четко сформулировать упомянутое выше различие, но он и здесь проявил более тонкую интуицию, чем большинство его коллег, отказываясь принимать это специфическое «директивное неравенство» как *sine qua non* (3) экономического роста, и отмечал (хотя и в другом контексте), что технический прогресс не всегда является капиталоемким.

Однако на практике это преувеличение не было столь существенным. В стране, пытающейся значительно ускорить экономический рост в ситуации отсутствия значительных неиспользуемых мощностей, увеличение доли капиталовложений в нацио-

---

выше цитате, доказывая, что перераспределение ресурсов из промышленности в сельское хозяйство привело бы в будущем к неблагоприятным последствиям для экономического роста в целом, а рассматривая одну из своих моделей, он еще больше приблизился к точной формулировке (ВКА. 1926. Кн. XVII. С. 50). Однако, как это случалось до него и будет случаться после него, ему не удалось полностью завершить разработку своей математической модели.

нальном доходе явилось бы почти арифметическим трюизмом. Этого можно было избежать только в том случае, когда это увеличение темпа роста сопровождалось бы более чем пропорциональным расширением некапиталистического сектора или широкомасштабным внедрением нововведений, обладающих немедленным эффектом сбережения капитала. Никто, за исключением Шанина, не рассматривал ни одну из этих возможностей как вероятную. Несомненно, что в целом Преображенский близко подошел к тому, чтобы творчески переработать Марксовы схемы воспроизводства. Он совершенно правильно сделал более строгими их предпосылки, отметив, что «постоянный капитал» не может снашиваться и полностью заменяться в течение одного года. Очевидно, что это уточнение подразумевало для случая непостоянного роста гораздо более значительные различия между увеличением валовых капиталовложений и валовым выпуском продукции, чем следовало бы из исходных уравнений Маркса¹. В то же время он увеличил гибкость общей схемы за счет отказа от неявного предположения о фиксированных размерах используемых мощностей и сроков службы оборудования. Если выполнять эти условия буквально, даже на коротком отрезке времени исключалась возможность получения прироста продукции без предварительного увеличения основных фондов. Более того, как неоднократно отмечалось выше, он не настаивал на том, что во всех отраслях должна ставиться задача достижения самого современного технологического уровня, и признавал, что учет внешней торговли привел бы к большим изменениям. Несложно было показать, что такие попытки ослабить напряжение можно обосновать ссылками на высший авторитет. Маркс понимал, что его модель экономического роста была лишь первым приближением. Он в явном виде признавал возможность капиталосберегающих нововведений в третьем томе «Капитала». В менее известном отрывке из «Теорий прибавочной стоимости» он отмечал, что страна, которая хотела бы осуществлять накопление, но не имела собственного производства средств производства, могла справиться с этой задачей с помощью внешней торговли [5].

---

¹ Конечно, такой отход от традиционной модели подразумевает также существенное сокращение отношения размеров потребности в замене оборудования к валовому национальному продукту. Но этот выигрыш стал бы обманчивым, когда соответствующая доля капитала в валовом национальном продукте выросла бы.

Однако участники советской дискуссии почти наверняка пришли к этим выводам не потому, что просто еще раз заглянули в хорошие книжки.

Способы решения проблемы второго «завала» дают еще один пример того, насколько полезно использовать проверенное временем средство. Конечно, как явная, так и скрытая безработица возникла не из-за замены труда машинами, а в результате увеличивающегося несоответствия между ростом населения и ограниченным размером обрабатываемой земли. Тем не менее именно эти условия, как недавно отметил известный западный экономист [6], делают вероятным возникновение безработицы, описанной Марксом. В тех случаях, когда величина капитала слишком мала для обеспечения полной занятости на основе использования любой технологии, выбираемой из соответствующего допустимого множества, внедрение трудосберегающих технологий лишь увеличило бы существующий избыток трудовых ресурсов. Введение в рассмотрение экономического роста дает решение проблемы.

Противоречие между эффективностью производства и занятостью было бы устранено и рост чистого общественного продукта, вызванный нововведениями, не уменьшался бы возможными потерями от вытеснения трудовых ресурсов, если замена старого оборудования на новое сопровождалась бы таким увеличением основных средств, которое более чем компенсировало бы сокращение потребностей в трудовых ресурсах на модернизируемых заводах. Необходимо было добиться того, чтобы уменьшение одного «завала» не вело к увековечиванию второго. Используя эти рассуждения, сторонники Преображенского строго следовали Марксу, для которого увеличение производственных мощностей, вызванное новыми капиталовложениями, было единственным эффективным средством против вытеснения труда капиталом. В данном случае опять же модель второго тома могла быть использована для напоминания о том, что «порядок боевого марша» двух подразделений экономики рассматривался как средство обеспечения безработных необходимыми средствами труда в течение относительно короткого времени. Действительно, именно то, что капитал играл роль лимитирующего фактора, делало модель полностью применимой.

Тем не менее и в данном случае жесткие классические предпосылки были смягчены неоклассическими поправками. С точки зрения долговременной перспективы быстрое увеличение запасов

современного оборудования рассматривалось как наилучшее средство ликвидации безработицы. Если рассчитывать только на это, то нужно было либо ждать длительное время, либо подвергаться риску «поверхностной индустриальной экспансии». В соответствии с этим была предпринята смелая попытка разделить эти два аспекта, направляя часть капиталовложений на проекты, обеспечивающие быстрый рост занятости в отдаленном будущем, а остальную часть — на создание не требующего больших затрат капитала и дающего занятость большому числу работников оборудования, которое могло бы вступить в действие гораздо раньше. Кроме того, имелось преимущество того, что ряд важнейших предприятий, очень капиталоемких на стадии функционирования, на стадии строительства, имел бы высокую степень замены капитала трудом. Вполне логично, что это была бы та же стратегия, оказавшаяся через некоторое время правильной по отношению к «завалам» в технологии. Конечно, не было единства по поводу удельного веса вложений, направляемых на будущие «большие» проекты и современные «малые». Более того, соотношение этих весов рассматривалось представителями различных точек зрения в основном неявно и интуитивно, и это еще мягко сказано. Но никто не пытался отрицать необходимость такого двойного подхода как основы долговременной политики, и даже наиболее горячие сторонники «сверхиндустриализации», соображений типа «одна лошадь к одному соловью» для обоснования необходимости развития определенных видов производств.

Отношение к проблеме долговременной связи промышленности и сельского хозяйства на этом фоне встает на свое место, теперь легко объяснить, почему она рассматривалась так поверхностно. Начнем с того, что это был наиболее важный отдельный случай, когда «малое» вложение предполагалось осуществлять раньше «крупного». В то время как представление о превосходстве крупномасштабных технологий в сельском хозяйстве считалось аксиоматичным, в целом осознавалось, что существовало много возможностей увеличения продуктивности крестьянского хозяйства, которые не требовали применения высокомеханизированного оборудования. Следовательно, применение усовершенствований с высокой капиталоемкостью нужно было отложить до достаточного развития производства средств производства, которое должно было обеспечить такую замену орудий труда. Это и имел в виду Преображенский, когда говорил о «потоках» капитала, которые польются на сельское хозяйство в

будущем. Точно так же осознавалось и то, что рост промышленности обеспечил бы важную, но не единственную возможность для использования избыточного сельского населения и проблеме можно было частично решить увеличением использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, хотя по поводу относительной значимости этих двух способов решения проблемы и существовали разногласия. Наконец, по поводу будущих отношений сельского хозяйства и других отраслей единство мнений достигалось по большему кругу вопросов.

Все участники дискуссии предполагали, что в прогрессивно развивающейся экономике промышленность должна расти быстрее, чем сельское хозяйство. Точно так же для Шанина и Сокольникова политика приоритетного развития сельского хозяйства была лишь умным обходным маневром, который впоследствии обеспечил бы более быстрое развитие по магистральному направлению. Не было предпринято никаких попыток углубить анализ путем использования какого-либо эквивалента закона Энгеля (4), подчеркивания большего воздействия «точек роста» в городской промышленности по сравнению с сельским хозяйством или рассмотрения наличия в России факторов производства. По-видимому, подразумевалось, что марксизм в целом и поход первого поколения его русских приверженцев против народников в частности раз и навсегда решили все эти проблемы десятки лет назад и, возможно, не было случайным, что наиболее систематическая критика позиции Шанина была высказана немарксистом и бывшим народником проф. Николаем Огановским. Он был близок к истине, когда в своей статье доказывал, что сельскому хозяйству, лишенному внешнего стимула к развитию, для постоянного роста будет недоставать движущих сил¹. С другой стороны, никто не возразил, когда Бухарин говорил об

---

¹ В зонах с избыточным количеством земли, доказывал он, крестьянское хозяйство, предоставленное само себе, после достижения определенного уровня «крестьянского насыщения потребностей» стабилизирует выпуск продукции. В это же время в избыточно населенных зонах стала бы наблюдаться явная тенденция к снижению выпуска, основной причиной которой было бы измельчание участков земли. «Застой или движение вспять — вот неперемennые последствия «самодовлеющего» развития сельского хозяйства, без параллельного и более быстрого развития промышленности, создающей прежде всего рынок для продукции сельского хозяйства» (Огановский Н.П. Промышленность и сельское хозяйство // Промышленность и народное хозяйство: Сб. статей / Под ред. Э.И. Квиринга, С.П. Середы, А.М. Гинзбурга. М.: Экономическая жизнь, 1927. С. 203—204).

опасностях для всего народного хозяйства, заключавшихся в застое или регрессе сельского хозяйства. На самом деле Преображенский фактически превзошел его, отчеканив формулу: «брать больше, чем при капитализме, из еще большего дохода». Спорящих разделяли не проблемы долгосрочной перспективы, а вопрос единовременного прироста вынужденного накопления в переходный период.

* * *

Таковы были в самом общем виде основные кирпичики, которые участники дискуссии заимствовали при обсуждении проблем долгосрочного развития из запасников марксизма. Имеющему западное образование экономисту несложно обнаружить в них, несмотря на заграничное облачение, знакомые идеи. Легко можно показать, что если развить некоторые положения, то они приобретут большую глубину и прольют дополнительный свет на аргументы, рассмотренные в предыдущих главах.

1. При изменении перспективы размеры технологических «завалов» очевидно меняются. Все модификации традиционного подхода, которые, как было показано, необходимо осуществить при рассмотрении временной приостановки роста, применимы *a fortiori* (5) по отношению к экономике, которая была отсталой уже до этой приостановки. В такой экономике, по крайней мере в некоторых важных сферах, будет существовать множество технологических альтернатив, которые возникли в результате совершенно иной обеспеченности факторами производства, но которые добились очевидного превосходства над создавшими их специфическими отношениями по поводу ограниченности ресурсов¹. Очевидно, что это превосходство было бы тем более ра-

---

¹ Можно заметить, что некоторые из этих новых технологий представляли собой, если использовать различие, введенное проф. Хиксом в его работе «Теория заработной платы», результат автономного, а не материализованного прогресса (6), поскольку для них с точки зрения теории не требовалось сдвига к увеличению капиталоемкости, и поэтому потребность в капиталовложениях при их осуществлении была бы меньше, чем при технологических изменениях, связанных с вложениями капитала. Во то же самое время в современных условиях большинство капиталосберегающих нововведений вызывают удешевление крупного оборудования, а не рост сравнительной эффективности оборудования малых размеров, поскольку именно сектор крупного производства обеспечивает наилучшие возможности для постоянного потока *всех* видов нововведений, и потому, что экономия, связанная с укрупнением масштабов производства, является важным средством снижения издержек капитала. В соответствии с этим

зительным, чем больше времени было для преодоления трудностей, возникающих на стадии первых проб и ошибок при создании новой технологии, а также для того, чтобы создать комплекс дополняющих ее технологий и оборудования нужной мощности, «блоки развития» (7) проф. Дамена [7] служат этому наиболее ярким примером. Однако именно совершенство этих новых технологий, которое значительно способствовало их привлекательности, делало бы исключительно выгодным, а в некоторых случаях просто необходимым одновременное осуществление целого комплекса технологических нововведений, который для неразвитой экономики имел бы относительно большие размеры.

2. Можно было бы возразить, что сформулированное выше положение представляет собой лишь один аспект проблемы. В то время как преимущества современных технологий велики, в такой отсталой экономике большую роль играют предельные временные предпочтения, которые могут существенно ограничить использование этих современных методов. Конечно, это справедливо, но даже с традиционной точки зрения в этом случае это возражение не будет столь категоричным. Начнем с того, что центральная власть в контролируемой экономике может заменить свои собственные временные предпочтения на предпочтения населения и установить в соответствии с ними (фактически или расчетным образом) норму процента. Более того, как неоднократно отмечалось в текущих публикациях на Западе [8], можно считать, что в экономике, которая в течение длительного времени будет высокими темпами увеличивать размеры капитала, норма процента в будущем уменьшалась бы медленнее, чем в экономике с меньшим темпом накопления; ожидание такой тенденции служило бы стимулом для того, чтобы долгосрочные капиталовложения осуществлялись в технологии, являющиеся, как и раньше, шагом вперед по сравнению с существующими в экономике технологиями использования факторов производства. Конечно, продолжающееся существование того типа безработицы, который был описан Марксом, содействовало бы ослабле-

---

в таком случае отсталая экономика будет иметь технологические альтернативы, в основном характеризующиеся более высокими отношениями затрат капитала к труду и большим минимумом начальных капитальных издержек, чем ранее; и тот факт, что стоимость современного оборудования уменьшена нововведениями, позволил бы новым видам оборудования активно конкурировать с менее механизированными технологиями.

нию этого стимула, но это влияние проявилось бы прежде всего в тех отраслях, которые в связи с относительно низким показателем отношения капитала к выпуску продукции имели бы невысокую чувствительность к перспективным изменениям нормы процента.

Другими словами, введение в рассмотрение экономического роста придает проблеме выбора пропорций иной смысл, но это влияние проявляется не только в ожидании изменений в предложении факторов производства, но и в спросе. Современные отрасли, производящие средства производства и имеющие существенный эффект от роста масштабов производства, будут иметь значительные трудности, если основной капитал увеличивается медленно или недостаточен для создания значительного спроса на оборудование для замены износа. Возможно, что в такой ситуации действительно разумнее было бы создавать производственные единицы меньшего размера, пусть и меньшей эффективности, или положиться на импорт¹. Но ожидание последовательного и быстрого увеличения спроса на дополнительное оборудование наклонило бы чашу весов в другую сторону, особенно в связи с предположением о том, что рост внутреннего спроса на рассматриваемое оборудование был бы (за исключением случайных благоприятных изменений зарубежом) более быстрым, чем рост мирового спроса на продукцию, экспортируемую рассматриваемой

---

¹ Можно было бы возразить, что экономия от масштабов производства часто может быть достигнута в пределах одного завода и что ситуации, когда мощности такого завода были бы слишком велики для удовлетворения общего внутреннего спроса на рассматриваемые продукты длительного пользования, были бы слишком редкими, за исключением стран со слишком маленькими или слишком бедными экономиками. Это действительно так, но, во-первых, некоторая внешняя межотраслевая экономия от масштаба может быть существенной (ремонтные работы, снабжение запасными частями, наличие квалифицированной рабочей силы, не говоря уже о важных социальных факторах); во-вторых, при наличии определенного количества уже существующих заводов, чьи размеры определялись в прошлом меньшим спросом на рассматриваемое оборудование и, возможно, менее совершенной технологией, было бы неблагоразумно демонтировать их для того, чтобы построить лучшие и более крупные заводы (или чтобы добавить последние к первым), если только не ожидается явно выраженного длительного увеличения спроса. Значимость положения, сформулированного в тексте, основывается не на предположении о повсеместном характере различных видов эффекта от увеличения масштабов производства, отмеченных выше; для того чтобы ощутить разницу от изменения в темпе роста, достаточно установить, что существование этого эффекта не является исключением.

экономикой. За исключением последнего пункта, все это справедливо и по отношению к большому количеству капитала, затрачиваемого на общественные нужды. При создании таких сооружений есть риск допустить огромную растрату ресурсов, и такое строительство не стоит осуществлять без уверенности в том, что за ним последует сооружение в крупных масштабах объектов, которые будут использовать их услуги. С другой стороны, разумеется, завершение создания таких крупных объектов, дающих экономию, обусловленную внешними факторами, могло выявить разницу между адекватной и неадекватной склонностями к капиталовложениям в производственные мощности, выпускающие взаимодополняющие блага (8) — это вторая часть того самого аргумента, которой в текущей литературе уделялось больше внимания, чем первой. (Напомним, что Базаров одинаково четко высказывался по поводу обеих частей.)

3. Тем не менее, хотя предполагалось, что процесс роста с самого начала будет самоподдерживающимся, фактическая задача началась бы с созданием новых и более совершенных заводов. На протяжении короткого промежутка времени экономика имела бы два преимущества. С одной стороны, социальные издержки роста могли бы быть существенно снижены как в результате того, что при более высоком национальном доходе на душу населения легче установить высокую норму накопления, так и в связи с увеличением физических возможностей для роста. С другой стороны, можно было предполагать, что возможности для роста будут сохраняться в течение более или менее длительного периода, поскольку «завалы» в технологической области и резервы безработной рабочей силы выступали бы противовесом для уменьшающейся отдачи от роста масштабов производства и можно было увеличить эффект от роста масштабов всей экономики. В данной ситуации применимы знакомые концепции — взаимодействие лернеровских предельной эффективности капиталовложений и предельной производительности капитала (мы рассматривали этот вопрос в ином контексте); внешняя экономия в смысле Пигу или Розенштейна—Родана—Сцитовского; «инвестиции, вызывающие спрос на капитал» Хайека. И все они, по видимому, решительно свидетельствуют в пользу смелой, а не умеренной политики.

4. С учетом таких захватывающих дух перспектив может показаться странным, что наиболее горячие сторонники быстрого

роста полностью полагались на аргументы, касающиеся краткосрочных соображений. Фактически этот парадокс был скорее видимым, чем действительным, поскольку эти два подхода дополняли друг друга. Без учета перспективы быстрого роста в течение длительного времени товарный голод и недостаточная замена изношенного оборудования являются слишком слабыми аргументами. С точки зрения избыточного спроса аргументы Шанина в пользу сокращения капиталовложений были по меньшей мере логичными. Осуществлять же капитальные вложения в производство средств производства только для того, чтобы удовлетворить возросший спрос на оборудование для замены, представляется и вовсе легкомысленным, поскольку по определению нельзя ожидать, что такой спрос будет существовать длительное время. Но если известно, что экономический рост будет полным ходом продолжаться и после того, как накопившиеся потери капитала будут восстановлены, не возникнет никакого риска существования избыточных мощностей. Кроме того, ограничить давление инфляции гораздо легче в том случае, когда капитала много, а не мало, даже с учетом того, что увеличившийся объем предметов потребления теперь составляет меньшую долю общественного продукта. Однако не только соображения долгосрочного порядка усиливают аргументы, относящиеся к короткому периоду — верно и обратное. Поскольку отмечалось, что не только верхняя, но и нижняя граница возможных объемов капиталовложений была велика, вводилось дополнительное соображение типа «либо-либо». В результате можно было утверждать, что существует определенный «критический минимум» размеров капиталовложений — нехватка оборудования для замены играла бы такую же роль, как и быстрый рост населения, рассматриваемый в текущих дискуссиях об экономическом развитии отсталых стран. Более того, медленное развитие в условиях острого товарного голода вряд ли защитило бы экономику от приближения к «инфляционному барьеру», а это привело бы к нестабильности экономического равновесия. Короче говоря, ощущение срочности, дополненное призывом к скорости, лучше всего поддерживало идею быстрого роста, поскольку, несмотря на все вышесказанное, концепция медленного роста все еще сохраняла свою привлекательность. И это прямо подводит нас к последнему пункту.

5. Конечно, оптимистичный вывод о том, что расширение экономики само себя обеспечивает, не полностью соответствует не только фактам, но и аргументам ведущих участников дискуссии. Как указывалось, все они понимали, что ускоренное развитие может быть самоусиливающимся в гораздо более зловещем смысле — в случае безрассудных попыток строительства «фабрик из кирпичей будущего» или если не учитывать риска забастовки крестьян — и, очевидно, сбиться с пути проще было на ранних стадиях роста. Вообще говоря, экономика, старающаяся быстро увеличить свой темп роста, по определению подвергает свои производственные мощности и возможности накопления более сильным нагрузкам, чем те, на которые она рассчитана. Соответственно все, что было сказано о необходимости резкой дифференциации при использовании ограниченных капитальных ресурсов, вдвойне справедливо в данном случае. Поскольку некоторые из наиболее капиталоемких отраслей были бы теперь приоритетными, абсолютно необходимо было сокращать вложения капитала в тех случаях, когда существовала высокая эластичность замены ресурсов (9), — политика «двойной экономики» в данном случае санкционировалась бы неоклассической ортодоксией. По этой же причине важность внешней торговли стала бы совершенно очевидной; чем более существенным был в перспективе выигрыш от крупных предприятий в определенных отраслях, тем более необходимым было использование импорта в тех сферах, которые были не столь чувствительны к изменениям в сравнительных преимуществах. Кроме того, возможность выиграть в скорости за счет создания некоторых необходимых капитальных фондов с помощью импорта имела бы, наконец, гораздо большее значение для экономики, чем в периоды плавного развития.

Впечатляет искусство, продемонстрированное Базаровым и Бухариным после 1926 г. при изучении таких возможностей для ослабления напряженности. Равным образом заслуживает особого внимания и то, что экстремист Преображенский не попытался отвергнуть эти возможности или исключить их воплощение на практике. Тем не менее никто из них не попытался завершить общее описание экономического положения, дополнив его большим количеством фактов, возможно, потому, что они воспринимали его как данное. Только Сталин, никогда не упускавший случая подчеркнуть очевидные вещи, коснулся это-

го вопроса, когда говорил о российской промышленности как об имеющей «самую высокую в мире концентрацию». В действительности даже после того, как были внесены все необходимые изменения в Марксову схему и предположения о неделимости (10) и взаимной дополнителности были согласованы с масштабами экономики, положение все еще оставалось серьезным. Отсталой стране, начинавшей «с начала», без существенной помощи извне (или без благоприятных условий торговли) было бы трудно проводить политику «двойной экономики» типа той, которая предлагалась Базаровым и Бухариным, не говоря уже о более сильнодействующих лекарствах Преображенского.

Однако Советский Союз 20-х гг., несмотря на относительную отсталость, связанную с устарелостью оборудования, и тяготы, которые он вынес в годы Гражданской войны, определенно не был такой страной. От дореволюционного строя он унаследовал промышленность, которая с середины 80-х гг. XIX в. росла темпами, вполне сравнимыми с некоторыми развитыми западными странами. В ней существовало значительное по размерам ядро производящих средства производства отраслей, которые росли гораздо быстрее, чем промышленность в целом, и которые в 1913 г. давали почти две трети валового оборота крупной промышленности России [9]. В частности, черная металлургия в этот год произвела примерно по 4 млн т продукции в каждой из трех важных подотраслей (производство чугуна, стали, проката) и продемонстрировала в своей наиболее крупной и самой молодой южной части явное превосходство над британской или германской промышленностью [10]. В дополнение к этому в последние 30 лет до революции происходило активное расширение сети железных дорог, продолжившееся в первые годы войны, представлявшее типичный случай строительства до появления спроса; пауза или по меньшей мере уменьшение темпа этого строительства могло высвободить значительные ресурсы российской тяжелой промышленности для строительства заводов в других отраслях. Отрасли машиностроения и металлообработки, которые были наименее развиты в период до 1913 г., испытали быстрый рост под влиянием роста спроса на вооружения в течение последовавших трех лет.

Значение сосуществования этих крупных комплексов современной технологии и обширных отсталых сфер экономики нео-

днократно подчеркивалось в советской литературе в качестве объяснения парадокса победы социализма в неиндустриальной стране. Ленин очень четко сформулировал это в заметках на полях своего экземпляра книги Бухарина «Экономика переходного периода»: «Без определенного уровня капиталистического развития у нас бы ничего не вышло» [11]. Вот так-то, и это было отсутствовавшим, но решающим звеном и в экономических дискуссиях. «Двойную экономику» не пришлось бы создавать с нуля, и общество, старавшееся перераспределить свои ресурсы, могло быть избавлено от тягот создания некоторых из наиболее капиталоемких компонент Марковского подразделения I, равно как и от осуществления наиболее крупных мероприятий, дающих положительную внешнюю экономию. Противоречие между реальными и потенциальными возможностями существовало, но, будучи уменьшенным до существовавших масштабов и с учетом использования всех возможностей снижения напряженности, оно представляло собой скорее стимул к развитию, чем приглашение к выбору между стагнацией и экономическим взрывом. И по этой же самой причине то, что в другой ситуации расценивалось бы как осторожность, теперь выглядело недостатком решимости. Полностью осуществить первоначальное накопление в отраслях, которые, вероятно, имели бы большой рынок сбыта в не слишком отдаленном будущем, — это одно. Совсем другое дело — постепенно свести на нет существующий капитал, понимая, что он вскоре вновь целиком потребуется, и осознавая, что в результате этого сокращения ценные запасы квалификации рабочих и научные ноу-хау будут утрачены, а возможности постепенного накопления улучшений отброшены. Базаров был абсолютно прав, когда выдвинул этот аргумент против Шанина. Путь экономического роста, который был бы одновременно и решительным и реалистичным, представлялся вполне достижимым.

Ссылки автора

1. Economic Backwardness in Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Areas / Ed. by V.F. Hoselitz. Chicago, 1952 и его уже цитированную работу «The Problem of Economic Development in Russian Intellectual History of the Nineteenth Century». Дискуссия по проблеме технологического «завала» в его главе во многом обязана анализу проф. Гершенкрона.

2. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. С. 207. Очень сходные утверждения можно найти в работе Р. Люксембург «Накопление капитала», различных

работах Ленина, равно как и в цитированном выше, на стр. 40, высказывании Бухарина.

3. Там же.
4. Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 47.
5. *Theories of Surplus Value*. N.Y., 1952. P. 366.
6. *Robinson J. Marx and Keynes и Mr. Harrod's Dynamics* в ее работе «*Collected Economic Essays*». N.Y., 1951, а также *Levis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School*. 1954. Vol. 22. May и *Unlimited Labour: Further Notes // Manchester School*. 1958. Vol. 26. January.
7. *Technology, Innovation, and International Industrial Transformation // Economic Progress / Ed. by L.H. Dupriez*. Louvain, 1955.
8. *Dobb M. Political Economy and Capitalism*. N.Y., 1945. P. 286 и *Scitovsky T. Sur deux principes de maximation du profit et quelques-unes de leurs implications // Revue Economique*. 1955. May. P. 383—384.
9. Ср.: *Гухман Б.А. Динамика промышленности России в связи с динамикой народного хозяйства // Промышленность и народное хозяйство*. М., 1927. С. 93.
10. *Промышленность СССР*. М., 1957. С. 106; *Lyaschenko P.I. History of the National Economy of the USSR*. N.Y., 1949. P. 672.
11. Ленинский сборник. Т. XI. М., 1929. С. 397. Первым, кто привлек внимание к значению «комбинированного развития» для перспектив социализма в России, был Троцкий, который подчеркивал это вскоре после революции 1905 г.

Комментарии научного редактора

1. По-видимому, имеются в виду непропорционально большие размеры капиталовложений.
2. Это утверждение А. Эрлиха спорно — см. приложение «О схемах воспроизводства К. Маркса в дискуссии об индустриализации».
3. *Sine qua pop* (лат.) — без которого нет.
4. Э. Энгель (1821—1896) — немецкий статистик. Смысл закона Энгеля, подтверждаемого статистическими данными, заключается в том, что с ростом доходов сокращается удельный вес расходов на питание, мало меняется удельный вес расходов на одежду, жилище, отопление и освещение, растет удельный вес расходов на удовлетворение культурных потребностей.
5. *A fortiori* (лат.) — тем более, и подавно.
6. Под материализованным (овеществленным) техническим прогрессом понимается прогресс, связанный с увеличением количества того или иного используемого фактора — капитала, труда. Под автономным (неовеществленным) техническим прогрессом обычно понимается усовершенствование методов организации производства.
7. «Блоки развития» — концепция, подчеркивающая взаимозависимость различных отраслей промышленности. Так, некоторые изобретения не могут быть воплощены в новые технологии до тех пор, пока соответствующие прогрессивные изменения не будут осуществлены на других стадиях технологического процесса. Аналогично нововведения при производстве стали могли вызвать затруднения в процессе производства, если соответствующие нововведения не были бы сделаны при производстве чугуна или при производстве продукции из стали.
8. Экономические блага могут быть взаимозаменяемыми или взаимодополняющими. Тривиальными примерами могут служить некоторые продукты питания. Так, чай и кофе — взаимозаменяющие блага, а мясо и хлеб — взаимодополняющие.

дополняющие. Подробнее об этих понятиях см.: *Newman P. Substitutes and complements // The New Palgrave ... Vol. 4. P. 545—548.*

9. В теории производственных функций под эластичностью замены ресурсов понимается величина, характеризующая предельную норму замещения при движении вдоль изокванты. Эластичность замены факторов показывает, на сколько процентов должно измениться отношение между анализируемыми факторами производства, чтобы при этом предельная норма замещения изменилась на один процент.

10. Считается, что товар обладает свойством неделимости, если существует такая минимальная граница, что меньшее количество товара не имеет никакой ценности.

Глава IX

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Наше исследование советских споров об индустриализации показало, что к концу этой крупной дискуссии позиции двух основных групп участников были гораздо ближе друг к другу, чем в начале: Бухарин и его последователи в явной форме соглашались с неизбежностью отсутствия непрерывности в экономическом росте, в то время как Преображенский все более откровенно признавал рискованность такой политики. В этой ситуации совершенно естественным было ожидать попыток по выработке какой-либо средней линии.

На самом деле события развивались иначе. Резолюция об экономической политике, принятая XV съездом КПСС, действительно могла интерпретироваться как шаг в сторону синтеза прежних концепций правых и левых. Однако это изменение имело своим результатом не сближение большинства и оппозиции, а то, что оппозиция была подавлена силой. Все лидеры левой оппозиции, в том числе Троцкий и Преображенский, были исключены из партии (1). Но этот захватывающий поворот событий стал выглядеть незначительным по сравнению с тем, что произошло позже. Меньше чем через два года «синтез» был выброшен за борт, и новая политическая линия, которая за этим последовала, содержала такие крайности, которых не могли и вообразить себе наиболее ярые «сверхиндустриализаторы» из подавленной левой оппозиции. В первом пятилетнем плане в качестве цели было выдвинуто такое увеличение выпуска и капиталовложений, которое дало бы возможность увеличить основной капитал экономики за пять лет вдвое, — такого темпа роста не знала история. И хотя в соответствии со сформулированными целями такой рост должен был сопровождаться резко выраженным увеличением среднедушевого потребления, в процессе фактического выполнения плана первая его часть неуклонно выполнялась за счет второй (2). Каковы же были причины

таких странных зигзагов политики? Каковы были мотивы, заставившие советское руководство осуществлять такую политику, по поводу которой все испытывали одинаковые опасения?

* * *

Один из возможных способов получить ответ на этот вопрос заключается в том, чтобы довести до логического завершения аргументы, выдвинутые Преображенским. По сути своей они заключались в следующем: в конце 20-х гг. советская экономика стояла перед выбором между стагнацией на неприемлемо низком уровне развития (если не дальнейшим спадом) и ростом очень быстрым темпом. Значение выбора «либо-либо» полностью не осознавалось до тех пор, пока политика, основанная на более оптимистичных ожиданиях, не была опровергнута фактами. Однако такая гипотеза, несмотря на некоторую *prima facie* (3) достоверность, не вытекает из нашего анализа. Действительно, наше рассмотрение дискуссии обнаружило некоторые факторы, которые могли привести к резкому прерыванию процесса роста: большие задержки в замене оборудования, явления неделимости и дополнительности, большое значение показателя капитал/выпуск, в результате чего размер капиталовложений должен был быть кратным величине обеспечиваемого ими выпуска. Напомним, однако, что воздействие всех этих факторов могло быть ослаблено. В некоторых случаях замену оборудования, хотя и необходимую, можно было отложить либо в связи с меньшей значимостью выпускаемой этим оборудованием продукции, либо благодаря большей продолжительности срока его службы и большими возможностями продления этого срока с помощью относительно небольших дополнительных издержек. В определенных областях расширение производства было возможно без применения большого количества неделимого оборудования, и в некоторых из них увеличение выпуска могло быть достигнуто с помощью импорта большого количества такого оборудования из-за рубежа. Это уменьшило бы необходимость «наступления широким фронтом» и позволило бы в определенной степени обойтись без создания новых основных средств, нужных для выпуска этой продукции. Наконец, если неделимость была характерна для больших партий оборудования, можно было облегчить нагрузку на экономику путем поочередного ввода их в действие.

Несомненно, что в рассматриваемой ситуации даже при полном использовании всех этих возможностей дальнейший рост выпуска продукции превысил бы потенциал существовавших мощностей и, следовательно, потребовал бы резкого увеличения капиталовложений — то, с чем до 1927 г. все были согласны. Но было бы слишком поспешным делать вывод о том, что для страны со значительным ядром современной промышленности и осуществленными вложениями в социальную инфраструктуру единственным способом избежать «опускающейся спирали» в развитии и обеспечить непрерывный рост было удвоение основного капитала за пять лет. Сторонники быстрой индустриализации, конечно, были правы в том, что воздерживались от таких экстравагантных утверждений. Но если это и так, то для них и для их коллег по дискуссии было бы еще более фантастичным впасть в другую крайность и серьезно отнестись к тому, чтобы за пять лет с помощью планирования производства средств производства и качественного советского строительства не только удвоить основные средства промышленности, но и увеличить выпуск предметов потребления на 70%. Все, что они говорили о положении в советской экономике и о механизме действия марксистской модели расширенного воспроизводства, находилось в вопиющем противоречии с этим центральным положением первого пятилетнего плана¹. Согласно другому, более распространенному

¹ Удивительно то, что проф. М. Добб в своей работе, написанной почти 20 лет спустя, по-видимому, воспринимал задания первого пятилетнего плана вполне серьезно. Еще более удивительно то, что в то же самое время он пытался, хотя и очень осторожно, использовать аргумент «неделимости», чтобы показать, насколько сложными были решения, которые должны были принять советские плановики (см.: *Soviet Economic Development since 1917*. N.Y., 1948. P. 4—5, 235—237). Похоже, ему хотелось одновременно, с одной стороны, «и съесть пирог и сберечь его», а с другой — сохранить драматический выбор «либо-либо». Введение в рассмотрение аграрного перенаселения (Р. 23—24) не улучшает аргументации, даже если безоговорочно принять предположение о том, что общее производство продуктов питания не будет сокращаться в результате миграции населения в города. С учетом высокого темпа роста, предусматриваемого в первом пятилетнем плане, и высокой капиталоемкости тех отраслей промышленности, которые при осуществлении программы капитального строительства считались приоритетными, массовое перемещение избыточного сельского населения в города могло помочь выполнению плановых заданий лишь в том случае, если бы сопровождалось резким увеличением поставок промышленного оборудования для новой рабочей силы. Такое увеличение потребовало бы, в свою очередь, быстрого переключения промышленности, производящей средства производства, на выпуск такого оборудования в ущерб оборудованию для производства предметов потребления и/или быстрого увеличения объема

объяснению этого явления, существовала необходимость усиления военного потенциала страны, что обуславливалось ухудшением международного положения. Как уже неоднократно отмечалось, обеспечение готовности к войне с самого начала дискуссии играло важную роль, причем все без исключения участники дискуссии в большей или меньшей степени принимали это во внимание. Однако эти аргументы в том виде, как они обычно формулировались, вызывали больше вопросов, чем давали ответов. Трудно поверить, что такие события, как разрыв британским правительством консерваторов дипломатических отношений с СССР, совершенное террористом-эмигрантом убийство в Варшаве советского посла или то, что Чан Кайши разорвал союз с коммунистами, какими бы тревожными они ни были, могли быть интерпретированы как прелюдия к вооруженной интервенции (4). Более того, если воспринимать неоднократные высказывания Сталина о резко возросшей опасности войны буквально, то принятая в первом пятилетнем плане политика выглядит как самоубийство, вызванное страхом смерти. Если Советский Союз подвергся бы нападению в любое время в период с 1929 по 1932 г., он столкнулся бы со всеми трудностями, связанными с быстрым ростом при практически полном отсутствии его преимуществ. Создание крупной промышленности, производящей вооружения, было все еще далеко впереди, а между тем страна находилась в самом глубоком со времен Гражданской войны социальном и экономическом кризисе. Даже если люди, ответственные за принятие решений, не осознавали в полной мере, какой кризис вызовет их политика, они должны были понимать, что степень риска была велика. Более ранние заявления Сталина об опасностях, связанных с разрывом с крестьянством, не оставляют сомнений на этот счет. На самом деле с точки зрения готовности к войне все неоспоримые выгоды, которые принесла «генеральная линия», вытекали из того факта, что реальной опасности войны не существовало вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г., а реальное нападение произошло еще восемь лет спустя.

импорта иностранного оборудования, которое могло быть получено (с учетом того, что внешние займы практически отсутствовали) только в результате соответствующего резкого увеличения экспорта сырья. В обоих случаях неизбежно снижение внутреннего потребления. Между прочим, по отношению к экспорту проф. Добб признает этот факт в явной форме.

Но не является ли тем не менее принятая политика единственно правильной по крайней мере с ретроспективной точки зрения? Было бы слишком поспешным предположить, что за период с 1928 по 1941 г. при меньших, но все же значительных темпах роста не удалось бы достигнуть значительного увеличения советского военного потенциала. С точки зрения выпуска вооружений разница между двумя вариантами развития, несомненно, была бы значительной¹. Но более высокая общая эффективность экономической системы и более тесное социальное единство со временем компенсировали бы это различие, особенно в том случае, если бы страна не лишилась своих лучших военачальников. Кроме того, вполне можно порассуждать о том, как могли повернуться события в том случае, получи мощная компартия Германии разрешение в решающий период с 1930 по 1933 г. проводить политику Народного фронта, которая стала несколько лет спустя предметом дискуссий в Коминтерне, вместо того чтобы направлять свои основные атаки против рушащейся Веймарской республики (5). Конечно, любая политическая альтернатива содержала бы элемент риска, но различными были бы степень риска, его временные рамки и, наконец, характер этого риска. Возможно, некоторые рискованные ситуации нельзя

---

¹ Можно добавить, что это различие было значительно больше, чем это следовало бы из простого сравнения общего национального дохода, создаваемого при этих двух вариантах. Экономика с меньшим темпом роста при прочих равных условиях имела бы не только меньший объем национального дохода, но и меньшую долю этого дохода, идущую на капиталовложения. Более того, доля общего объема капиталовложений, идущая на расширение основных мощностей, здесь была бы ниже, чем при альтернативном варианте. В результате попытка иметь такую же долю национального дохода, идущую на производство вооружений, потребовала бы от экономики с меньшим темпом роста пропорционально большего сокращения прироста основных мощностей, а возможно, и фактического их снижения. Если целью всей операции является достижение одним скачком пика производства вооружений, или если предполагается, что война продлится недолго, то это не так плохо. Необходимость всей операции может исчезнуть до того, как сокращение основных промышленных мощностей начнет негативно влиять на выпуск вооружений. Но если максимальный выпуск вооружений настолько велик, что его можно достигнуть лишь постепенно, или если ожидается длительная война, то необходима политика, позволяющая с самого начала выпускать достаточно много вооружений и в то же время значительно увеличивать основные мощности, создавая постепенно военный потенциал и удовлетворяя пугающе большие потребности в обновлении вооружений, а также обеспечивать определенный уровень гражданских потребностей, без чего вся экономика начала бы распадаться.

было бы предвидеть в 1928 г., не некоторые, несомненно, можно было предусмотреть. Почему же советское правительство избрало этот, а не другой вид рискованной политики? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо от общих рассуждений о прерывном характере роста или о тенденциях в международной политике в конце 20-х гг. перейти к более приземленным сюжетам. Мы имеем в виду события, которые происходили в советской экономике в период между XV съездом партии и началом первого пятилетнего плана.

* * *

В начале 1928 г. большое количество левых «сверхиндустриализаторов» отправилось в отдаленные места ссылки. Но в то же самое время стали сбываться их пугающие пророчества. К январю количество зерна, собранное государственными заготовительными организациями, было примерно на треть ниже уровня прошлого года. В ходе последующих месяцев этот уровень заготовок возрос, но весной вновь снизился; методы репрессий и насильственных конфискаций, которые во многом обеспечили этот временный подъем, вновь возбудили чувства горечи и сопротивления, которые были приглушены в течение семи лет нэпа. Товарный голод 1925 г. повторился в гораздо большем масштабе, и уже не было никаких сомнений по поводу его значения; советский крестьянин при попытках заставить его отдавать больше в обмен на меньшее был готов и имел возможность уйти с рынка.

Реакция ведущих представителей двух основных группировок на новое развитие событий соответствовала их подходам, выработанным в предыдущий период. В распространяемом тайно документе Преображенский расценил кризис хлебозаготовок как разительное подтверждение его анализа и решающее доказательство того, что официальная политика провалилась. Однако, хотя он одобрял жесткие меры против наступления кулака (как он это называл), он недвусмысленно подчеркивал, что, если бедные крестьяне увеличат выпуск продукции за счет кулака, этот прирост пойдет в основном на их потребление и лишь в незначительной степени увеличит товарность сельского хозяйства. В результате вновь потребуются чрезвычайные меры, а это «заставит хозяйственно “заскучать” крепкого середняка и может вызвать

более опасный недосев со стороны этого слоя. ...Хлеб этих слоев [т.е. бедняков и середняков. — А.Э.] можно брать только экономическими средствами, только товарообменом, добываясь экономическими путями уменьшения потребления сельскохозяйственных продуктов в деревне за счет увеличения спроса на продукты потребления индустриального производства. А это требует определенного темпа возрастания всего промышленного производства» [1]. (В связи с этим он, между прочим, надеялся, что американские капиталисты с большей готовностью предоставят Советскому Союзу долгосрочные кредиты, чем их более слабые и менее уверенные в себе европейские собратья.) Как и следовало ожидать, Бухарин и Рыков серьезно возражали против политики репрессий и насильственного изъятия зерна (год спустя они будут говорить о «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»). Они с удвоенной энергией подчеркивали важность денежных стимулов для увеличения крестьянского выпуска продукции и накопления, равно как и необходимость больших капитальных вложений в сельское хозяйство. Некоторые из их ярких высказываний, которые цитировались в предыдущих главах, были сделаны в эти тревожные месяцы. В рамках общего подхода они, по-видимому, высказывались за такие временные меры, как увеличение цен на зерно или, если это окажется неэффективным, за импорт зерна, предпочтительнее на кредитной основе, но если потребуется, и за счет использования части ограниченных валютных ресурсов, предназначенных на покупку средств производства¹. Они, очевидно, предполагали, что увеличение доверия крестьянства привело бы тем временем к росту выпуска продукции, за которым последовало бы менее чем пропорциональное увеличение крестьянского спроса, и что недавние капиталовложения в промышленность, равно как и шаги к дальнейшему улучшению использования имевшихся мощностей, начали бы скоро приносить свои плоды.

¹ Мы говорим «по-видимому», поскольку приведенные выше рекомендации приводятся не из высказываний этих двух деятелей, а из резкой сталинской критики в апреле 1929 г. (см.: *Сталин И.В.* Соч. Т. XII. С. 63). Точно так же здесь цитируется и фраза о «военно-феодальной эксплуатации». Несмотря на то что источник информации далеко небезупречен, вполне вероятно, что Бухарин и Рыков действительно защищали подобные взгляды; это подтверждается тем, что такие меры экономической политики действительно использовались, хотя и в умеренных масштабах, на протяжении 1928 г.

Именно при таком стечении обстоятельств Сталин разошелся со своими союзниками и позаимствовал стратегию своих оппонентов слева. Он не оспаривал поставленный другими диагноз ситуации. Действительно, наряду с громовыми проклятиями в адрес «саботажа» кулаков он признал, что дефицит промышленных товаров на крестьянском рынке, обостренный ростом доходов крестьянства вслед за хорошим урожаем, затронул не только кулаков, но и основную массу крестьянства, вынудив их всех на ответный шаг — сокращение поставок [2]. (Он мог бы также добавить, что политика стабильных заготовительных цен на зерно при растущем спросе не рождала у крестьян большого желания поставлять зерно на рынок.) Он был прав, как никогда, подчеркивая связь между товарным голодом и изменениями в политике капиталовложений¹, и вплоть до 1929 г. продолжал настаивать на том, что возможности роста эффективности мелкого крестьянского хозяйства были далеко не исчерпаны [3]. По сути его критика экономической политики, предлагавшейся Бухариным и Рыковым, не шла дальше упоминания некоторых очевидных трудностей, отрицать которые не пришло бы им в голову. Сталин подчеркивал, что увеличение цен на зерно могло бы иметь негативное влияние на уровень реальной заработной платы и что импорт продовольствия мог бы осуществляться за счет импорта промышленного оборудования [4]. Он уменьшил значение последнего довода, сказав, что советское правительство по различным каналам получало предложения об иностранных кредитах для покупки зерна, но защищал принятое решение об отказе от этого, утверждая, что их целью была проверка прочности положения советского строя. Бухарин и Рыков высказывались за принятие этих предложений.

Однако Сталин очень четко обнаружил и более глубокие мотивы, лежавшие в основе изменения его подхода, когда спросил в своем характерном стиле: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что означает дать

---

¹ «Реконструкция промышленности означает передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства... Но что это означает? Это значит, что вкладываются деньги в строительство новых предприятий, растет количество городов и новых потребителей, тогда как новые предприятия могут дать новую массу товаров лишь через 3—4 года. Легко понять, что это обстоятельство не может благоприятствовать делу ликвидации товарного голода» (*Сталин И.В.* Соч. Т. XI. С. 267).

кулаку волю? Это означает дать ему власть» [5]. При поверхностном рассмотрении это выглядело как чрезвычайно слабый силлогизм даже по меркам его автора. Ни в логике событий, ни в догматах принятой доктрины не было ничего подтверждавшего вывод о том, что политика, защищаемая Бухариным и Рыковым, неизбежно привела бы к «передаче власти кулаку» и к реставрации капитализма. На самом деле два года назад Сталин, по-видимому, сам не верил в это и заявил, приведя длинную подтверждающую цитату из Ленина, что только капитулянты могут видеть опасность в росте «частного мелкого капитала» в деревне, поскольку этот рост «покрывается и перекрывается такими решающими факторами, как развитие нашей индустрии, укрепляющей позиции пролетариата и социалистических форм хозяйства» [6]. Тем не менее он, очевидно, говорил абсолютно серьезно, и, что было неизмеримо важнее, последовательное использование рецептов Бухарина и Рыкова, несомненно, было сопряжено с серьезнейшими политическими опасностями.

С теоретической точки зрения существовала возможность осуществлять быстрым темпом индустриализацию, основывающуюся в большой степени (хотя и не исключительно) на готовности крестьян увеличивать объемы продаж быстрее, чем размеры покупок, особенно при проведении политики жесткого отбора при распределении ограниченных ресурсов и правильного использования обширных резервов рабочей силы. Однако достигаемое таким образом равновесие было бы исключительно неустойчивым и подверженным резким потрясениям — кризис хлебозаготовок не оставил никаких сомнений в этом. Для того чтобы поддерживать этот неустойчивый баланс на крутых поворотах в процессе развития экономики, режиму было необходимо комбинировать меры прямого контроля и дополнительного стимулирования. Однако можно было не сомневаться, что зажиточные крестьяне, у которых в памяти еще свежи были воспоминания о «военном коммунизме», будут противиться первым мерам и резко отвергнут вторые. Возможно, что в такой ситуации нельзя было избежать использования новых подходов и попыток завоевать расположение верхних слоев крестьянства путем предоставления ему возможности оказывать политическое влияние, пусть и ограниченное на первых порах уровнем местных органов власти. Фактически, как хмуро признал Сталин, такого рода требо-

вания хотя и робко, но уже выдвигались в местных партийных организациях [7]. Такие попытки неизбежно вызвали бы острое сопротивление со стороны радикально настроенной части рабочего класса и молодой интеллигенции, разочарованной отталкивавшей их «нормальностью» нэпа. В результате этого система авторитарной диктатуры все больше размывалась бы элементами политического плюрализма и давлением квазидемократической политики. Формально монолитная правящая партия постепенно могла бы стать ареной столкновений организованных фракций, которые в большей или меньшей степени отражали бы давление наиболее активных общественных групп. Если учесть острые столкновения, происходившие в 20-е гг., такое положение вещей отнюдь не выглядело отдаленной перспективой, и то колебание, которое, по свидетельству Сталина [8], проявили в критические месяцы 1928 г. нижние эшелоны партийной иерархии и государственного аппарата, усугубляло серьезность ситуации.

Выводы были очевидными. Политика умеренных темпов роста, которая усилила бы позиции зажиточных слоев деревни и сделала бы неизбежным ловкое балансирование между этими слоями и непослушными радикалами в городах, могла быть принята лишь как временная и вынужденная мера. Если этот курс продолжался бы длительное время, режим оказался бы в проигрыше в результате не только возможных провалов, но и успехов. Альтернативой такому отступлению и маневрированию, ведущим к постепенной эрозии системы диктатуры, было, очевидно, масштабированное контрнаступление, которое раз и навсегда уничтожило бы возможность того, что крестьяне накладывали бы вето на важнейшие решения экономической политики. Высокий темп индустриализации с упором на развитие производства средств производства, за который теперь выступал Сталин, логично являлся основой для такой контратаки; в данном случае риск заключался совсем в другом. Успех такой альтернативы был бы безоговорочным триумфом. Экономический потенциал страны возрос бы до такого уровня, когда дальнейшее мощное увеличение производственных мощностей не было бы несовместимым с повышением уровня потребления, достаточно существенным, чтобы сдерживать давление инфляции. Контролируемый государством сектор сильно расширил бы свои границы и продолжал бы расширяться вслед за мощным накоплением капиталов, в то время

как постоянно растущий выпуск промышленной продукции подрезал бы корни крестьянского сопротивления и сделал бы сельское хозяйство в его повседневных операциях более зависимым от поставок городских товаров. Однако с учетом всего вышесказанного не была ли такая перспектива совершенно фантастичной? Можно ли было надеяться на то, что в отсталой экономике эффект мультипликатора, вызванный быстро растущим объемом капиталовложений, сбросит скорость системы и отсрочит политический взрыв до тех пор, пока эти капиталовложения не дадут эффекта увеличения мощностей, который приведет к уменьшению напряжения?

* * *

Опыт выполнения первого пятилетнего плана дает ответ на этот вопрос. В нашу задачу не входит детальное описание процесса проб и ошибок, с помощью которого этот вывод был получен. Трудности, которых все участники дискуссии ожидали от гораздо менее резкого «переключения средств производства на производство средств производства», не заставили себя ждать и проявились в полной мере. Зияющий разрыв между поставленными в плане целями и нормальной мощностью существующих заводов потребовал привлечения большого количества дополнительной рабочей силы и такого использования наличного оборудования, которое приводило к росту издержек. Таким образом, до неслыханных размеров возрос разрыв между увеличением численности рабочей силы и ростом производства предметов потребления. Одновременно новые заводы, которые могли бы облегчить ситуацию, во многих решающих сферах строились медленно или их мощность была ограничена тем, что в смежных отраслях, в которых силовые методы управления рабочей силой и оборудованием оказались еще менее пригодными, чем в других местах, возникали узкие места. Раздававшиеся на XV съезде торжественные призывы к сокращению сроков строительства были теперь отмечены в сторону. Последовавшее резкое снижение уровня потребления населения вызвало сопротивление, достигшее пика в начале 30-х гг., когда оно вылилось в открытую экономическую войну крестьян против правительства и сохранилось в скрытой форме в виде стремления к снижению произ-

водительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Наконец, имел место такой простой факт, что в период быстрой индустриализации даже наиболее сильное правительство не может себе позволить препятствовать номинальному росту заработной платы. Но мрачные пророчества не оправдались, поскольку в институциональной структуре общества произошли лавинообразные изменения, которые, по мнению участников дискуссии об индустриализации, основывавших на них свои теории, должны были растянуться на десятилетия. Подавление ограниченной независимости профсоюзов сделало невозможной организованную оппозицию катастрофическому падению реальной заработной платы. Важный «тормоз темпа социалистической индустриализации» был тем самым эффективно устранен. Однако наиболее существенным изменением было то, что новое изобретение, о котором Сталин впервые объявил в конце 1927 г. и которое по мере углубления кризиса становилось для него все более важным, стало использоваться на полную мощность. Всеобщая коллективизация сельского хозяйства покончила с крестьянской «свободой в определении времени и условий распоряжения своими излишками». Теперь эти условия устанавливало государство и тем самым определяло норму накопления крестьян. Преображенский, несомненно, был прав, когда, занимаясь самобичеванием в своей речи, произнесенной через несколько лет, воскликнул: «Коллективизация — ведь в этом все дело! Был ли у меня прогноз коллективизации? Его не было» [9]. Он был достаточно аккуратен, чтобы не сказать, что, когда дискуссия об индустриализации была в полном разгаре, этого прогноза не было и у Сталина. И он был достаточно разумен для того, чтобы не утверждать, что решение о коллективизации основывалось не на интеллектуальной проницательности, а на необычайно высокой решимости сокрушить оппонентов, невзирая на колоссальные человеческие жертвы, связанные с этим процессом.

Конечно, начальная цена за использование этого новомодного средства была пугающе высока. Нежелание крестьян принимать эти ухудшившиеся условия торговли драматично усугублялось их сопротивлением изменению статуса и выразилось помимо всего прочего в массовом забое скота. Для того чтобы справиться с падением тягловой силы и превратить вновь созданные коллективные хозяйства в работоспособные единицы, стало необхо-

димо одновременно ускорить широкомасштабную механизацию сельского хозяйства, переоборудовать основные отрасли промышленности, вместо того чтобы первое следовало за вторым. Последовавшее огромное увеличение потребностей в капиталах не могло не усилить общее напряжение и привело к еще более серьезному падению жизненного уровня. В то же самое время появились и мощные средства для борьбы с этими трудностями. Взяв на себя командование всей экономикой и подкрепив его беспрецедентным насилием и репрессиями, система даже в разгар кризиса коллективизации справилась с обеспечением минимальных поставок основных продуктов в города, достаточных для функционирования городской экономики, и смогла поддерживать объем внешней торговли на уровне, максимальном за весь период после 1917 г. На этой основе были изобретены дополнительные способы борьбы с инфляцией, целью которых было сокращение избыточного спроса или стимулирование выпуска и которые в зависимости от обстоятельств различались по своему типу и по относительной значимости. Но более важным, чем все эти различия, был тот фундаментальный факт, что всегда существовавший товарный голод теперь перестал быть источником опасности, которая могла привести к отказу крестьян от поставок и к политическим волнениям. Это явилось ценой, которую с готовностью уплатили за возможность того, что капиталовложения как по объему, так и по структуре далеко превзошли наиболее смелые мечты вчерашних «сверхиндустриализаторов». Потребность в существенном увеличении в течение нескольких лет производства предметов потребления, которая принимала угрожающие размеры в концепции Преображенского, теперь уже не казалась столь важной ни как главная цель развития, ни как лимитирующий фактор индустриализации. «Минимальные потребности» могли еще немного подождать.

Вполне логичным было то, что автор теории «первоначального социалистического накопления» имел двойственное отношение к новым реальностям. Действительно, история того, как Преображенский пытался приспособиться к «генеральной линии», является достаточно красноречивым свидетельством и заслуживает краткого отступления. В 1929 г. он порвал с Троцким и, будучи искренне убежден, что первый пятилетний план означал победу его идей, отказался от оппозиционной деятельности и

признал официальную линию. Тем не менее в 1930 г. он якобы был ошеломлен тем, с какой безжалостностью, несмотря на сопротивление крестьян, осуществлялся экспорт зерна, и предсказал, что это приведет к гражданской войне [10]. На следующий год он подытожил свои взгляды в статье «О методологии составления генплана и второй пятилетки» и послал ее в ведущий экономический журнал «Проблемы экономики». Статья так и не была опубликована, но о ее основных идеях можно узнать из последовавшей вскоре уничтожающей критики, которая, к счастью, содержала подробные цитаты [11]. Из этих отрывков можно понять, что Преображенский начал с подчеркивания потребности в быстром росте в течение реконструктивного периода, что диктовалось необходимостью «ликвидировать классовые различия в обществе и технически перевооружить всю техническую рабочую силу на технологическом уровне примерно 1930—1931 гг. в течение следующих пяти-шести лет». В соответствии с его предположениями такое техническое перевооружение должны были пройти 54 млн работников из 60 млн. Причина такой скорости заключалась в «увеличившейся опасности интервенции и блокады». Это выглядело как огульное подтверждение текущей официальной политики.

Продолжение, однако, имело иной характер. Он подготовил схему, которая должна была продемонстрировать, что при прочих равных условиях темп роста выпуска продукции был бы в несколько раз выше в случае наличия резервных неиспользуемых мощностей, чем тогда, когда сперва необходимо было создать дополнительное оборудование. Он подчеркивал, что требуемое перевооружение было невозможно без интенсивного накопления за счет потребления, и отмечал, что именно это в действительности и происходило на протяжении первых трех лет пятилетнего плана. Он завершил свой анализ, вызвавший громкое возмущение, тем, что применил в обратном порядке свою концепцию, близкую к концепции акселератора, и предсказал, что большая часть мощностей промышленности, создающей товары для осуществления капиталовложений, которые были бы чрезвычайно быстро созданы для переоборудования всей экономики, стала бы избыточной по мере завершения перевооружения. Тогда, для того чтобы избежать «кризиса перенакопления», необходимо будет резко увеличить долю потребления в нацио-

нальном доходе и, возможно, сопроводить это организацией общественных работ.

Последняя часть его аргументации, хотя и логически согласованная, была нереалистичной: к концу первого пятилетнего плана в отраслях советской промышленности, обслуживающих капитальные вложения, не было «избыточного строительства», и не в последнюю очередь потому, что за пять-шесть лет практически невозможно перевооружить по последнему слову техники 54 млн работников из 60 млн. Но оппоненты Преображенского не имели возражений по поводу данного пункта. Их беспокойство было вызвано той идеей, что астрономический темп роста, подразумевавшийся при таком «перевооружении», не мог бы продолжаться вечно.

* * *

Основное «автономное» (6) стимулирование инвестиций теперь можно было проводить свободно. В нем проявились две основные особенности людей «сталинской эпохи» — чувство неизбежной разделенности мира на две части, а также полная решимость искоренить все, что нельзя было эффективно контролировать. Военная готовность должна была быть такой, чтобы не только отразить возможную атаку, но и сделать советское государство достаточно сильным, чтобы, как сформулировал Сталин уже в 1925 г., «выступить последними» в случае войны между капиталистами и «бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить» [12]. Она должна была обеспечить все с той же сокрушающей окончательностью уничтожение врага, превосходство над временными союзниками и доминирующее положение среди последователей во всем мире. То, что эти же принципы тотальной войны полностью применялись во внутренних делах, ясно следует из всего вышесказанного. Фактически именно здесь, на гораздо более ранней стадии игры должна была состояться решающая демонстрация сил. Проводимые стремительная индустриализация и сметающая все коллективизация были не только средствами экономической политики, но и способами распространения прямого контроля тоталитарного государства на максимальное число людей за кратчайший срок. Однако способ, которым эта политика проводилась в жизнь, имел, с точки зрения «контролеров», и большую самостоятельную цен-

ность. Молниеносность, с которой проводились эти действия, сокрушила волю к сопротивлению. Она подстегнула энтузиазм миллионов молодых людей, стремящихся к героическим подвигам. Наконец, она смогла пробудить во многих бывших лидерах различных внутривластных оппозиционных групп ощущение того, что происходившие события зашли слишком далеко, чтобы повернуть вспять без разрушения всей социальной структуры, рожденной революцией, и что в сложившихся обстоятельствах нужно было не «раскачивать лодку», а сомкнуть ряды для того, чтобы уменьшить связанный с этой политикой риск.

Именно этот уникальный сплав ползучего страха, восторга битвы и психоза *la-patrie-en-danger* (7) создал интеллектуальный климат сталинской «революции сверху». В такой обстановке идеям и концепциям, которые рассматривались на страницах этого исследования, уже не находилось места. Мы видели, что исследователи, защищавшие эти идеи, стояли на очень разных исходных позициях, и даже более того, эти позиции основывались на разных политических предпосылках. Но все они — правые, левые, центристы — исходили из предположения о том, что в сфере экономической политики существует сопротивление материала, для преодоления которого необходим не сокрушительный удар, а определенное сосуществование в течение длительного времени неоднородных социально-экономических структур, в результате чего можно достигнуть непростых компромиссных изменений, лишь постепенно ведущих в желательном направлении. В своих рассуждениях они часто руководствовались эмоциями политической борьбы, в которой никто не просил и не давал пощады. Тем не менее их основные идеи, в отличие от иногда наблюдаемого жонглирования аргументами, отражали не «идеологические» подтасовки фактов и теоретических концепций, а искреннее усилие вступить в противоборство со сложными, малоправляемыми реальными процессами и получить конечные решения, способные выдержать критику. Конечно, большинство участников этой крупной дискуссии интеллектуально сформировались в рядах старой большевистской гвардии, которая в до-революционный период представляла собой авторитарное крыло русского марксизма. Но ни одному из них, так же как и Ленину, не удалось отшлифовать до сталинистского совершенства основные подходы к человеку и обществу, присущие элитарной кон-

цепции, — отказ терпеть существование таких сфер общественной жизни, которые не полностью манипулировались бы сверху, усматривание слабости (если не прямого предательства) во всяком разнообразии мыслей и действий, решимость использовать любые средства для его подавления. К несчастью, Бухарин, Преображенский и другие дожили до этого тоталитарного кодекса норм поведения, который и определил их судьбу. Все они погибли в ходе репрессий 30-х гг.

* * *

Если бы все написанное выше появилось в печати до марта 1953 г., здесь можно было бы поставить точку. Но даже и в этом случае картина являлась бы неполной; с позиций сегодняшнего дня она была бы односторонней и вводящей в заблуждение.

Ознакомившись с предыдущими главами, читатель мог бы поверить, что трудности, с которыми боролись люди в 20-е гг., исчезли после лихорадочного напряжения начала 30-х гг. Однако этого не произошло, и хотя было бы самонадеянным пытаться дать здесь исчерпывающий анализ тех диспропорций, которые создала в структуре экономики осуществляемая насильственная индустриализация, краткое их рассмотрение может быть уместным. Отсутствующие «будущие кирпичи» Бухарина ни в коей мере не являлись анахронизмом в условиях существования неопределенности по поводу количества и качества поставляемого сырья — ситуация, являющаяся типичной там, где завышенные целевые установки приводят к критическому напряжению имеющихся мощностей и к ликвидации запасов промежуточных продуктов. В то же время описание различных способов приспособления к ожидаемому дефициту является подходящим фоном для высказываний Базарова против «поверхностной индустриальной экспансии». Ограниченность мощностей наряду с предписанием расширять их с максимальной спешкой приводила к отсутствию ухода за имеющимся оборудованием и его ремонта, стимулировала производство и использование в массовых масштабах продуктов низкого качества и побуждала плановиков держать такие капиталоемкие виды социальных расходов, как жилищное строительство и транспорт, на жестком инвестиционном пайке. Подход, заключающийся в политике «двойной экономики», презрительно отвергнутый на официальном уровне, возвращался через заднюю дверь

и утверждал себя в сосуществовании современных и отсталых технологий во взаимосвязанных отраслях или даже в различных цехах одного и того же завода. Но экономика, постоянно страдающая от дефицита, в каждый данный момент не только использует наряду с современным полностью устаревшее оборудование. В ней часто не удается начать выпуск новой продукции, поскольку это потребовало бы дорогой и длительной реконструкции завода, производящего необходимое оборудование. Наконец, советское общество после четверти века беспрецедентного развития индустрии и городов, должно было иметь среднестатистическое потребление продовольствия меньше, чем в то время, когда оно по сути было страной бедных крестьян, — факт, который по очевидным причинам внушал беспокойство, и не только с точки зрения благосостояния потребителей.

Вряд ли можно сомневаться в том, что увеличение общественной продуктивности в расчете на единицу стоимости вновь построенного завода в подобных условиях было бы меньше, чем в случае более медленного роста, и, можно добавить, гораздо меньше, чем это следовало бы из стандартного предположения об убывании предельной эффективности инвестиций с ростом их нормы. Действительно, весьма вероятным было бы то, что меньшие по объему, но более сбалансированные и более избирательно осуществляемые капиталовложения дали бы больший эффект, чем сталинистский метод, при условии, что доля национального дохода, направляемая на капиталовложения, по стандартным меркам была бы все еще большой и что проявился бы значительный эффект от укрупнения производства. Предупреждение Бухарина о том, что «перенапряжение капитальных затрат... в конечном счете приведет к замедлению темпа развития», в этом случае проявлялось бы на протяжении длительного периода развития¹.

---

¹ Приведем только два примера: вполне возможно, что по сравнению с так сказать «развитой экономикой бухаринского типа» сталинистская экономика после первоначального периода скоропалительного роста замедлила бы свое развитие, поскольку 1) недостаточный уход за оборудованием менее совершенного вида привел бы к более скорому проявлению эффекта «эха замены» и 2) пренебрежение транспортом, которое было источником постоянного напряжения и давало ошибочное направление всей политике размещения производства, в конечном счете могло бы быть ликвидировано путем перераспределения больших объемов капиталовложений от «быстрых» вариантов. (С другой стороны, рассмотрим ситуацию, когда в экономике, развиваемой по сталинистскому образцу, возникает важное изобретение, требующее для своего широко-

Тем не менее плановики сталинской эры игнорировали эти возможности не только потому, что их стратегия требовала достигнуть максимального экономического потенциала как можно раньше (парадоксально, но это более четко, чем другие, предвидел сверхумеренный Шанин), но и потому, что «завалы», рассмотренные нами ранее, выступали бы как эффективные амортизаторы. Оказывавший давление избыток сельскохозяйственного населения давал возможность применения физически используемого оборудования с помощью «избыточных» вчерашних крестьян, которых можно было переместить из сельской местности без явного ущерба для продуктивности сельского хозяйства и которым можно было платить реальную заработную плату, едва превышающую их прежний чрезвычайно низкий уровень потребления. Зияющий разрыв в эффективности между массой изношенных и устаревших российских машин и современным западным оборудованием давал возможность достигнуть значительного роста производительности, несмотря на большую поспешность, с которой принимались и осуществлялись решения о капиталовложениях, особенно в тех случаях, когда новая технология могла использоваться для разработки вновь открытых природных ресурсов или вместе с рабочей силой, общественные альтернативные издержки (8) кото-

---

го применения определенного минимума мощностей сталелитейной промышленности. Можно доказывать, что, поскольку в данной экономике в прежний период осуществлялась политика максимизации роста, она имеет в распоряжении этот необходимый минимум, позволяющий сделать большой рывок вперед. Это могло бы перевесить весы не в пользу умеренного варианта. Решающим является то, будут ли различия в объемах капитальных вложений, точнее, в развитие мощностей сталелитейной промышленности, достаточно велики, чтобы экономика бухаринского типа не могла извлечь пользу из больших возможностей — вопрос, на который нельзя дать априорного ответа.)

Несомненно, что вся аргументация страдает существенной неполнотой по крайней мере в двух отношениях: 1) она исходит из того, что добровольные временные предпочтения населения могут не только преодолеваться, но и полностью игнорироваться — предпосылка, с которой довольно трудно работать даже плановикам тоталитарного государства; 2) она не учитывает неэффективность в распределении ресурсов, присущих высокоцентрализованной системе планирования, которая, очевидно, связана с крайностями принятой политики роста, хотя и не только с ними. Наконец, столь же очевидно, что стандартная марксистская модель даже в более развитой форме, приданной ей Фельдманом, была бы малоприменимой для разрешения имевшихся вопросов: ее жесткое предположение о фиксированных технологических коэффициентах плохо подходит для решения проблем экономики, которую заставляли расти темпом, далеко превосходящим ее возможности и, в частности, мощности сектора, производившего средства производства.

рой были бы чрезвычайно низки. Наконец, мощное расширение сети железных дорог при царском режиме облегчило советскому руководству осуществление с самого начала индустриализации крупномасштабных капиталовложений в наиболее крупные объекты общественной инфраструктуры экономики.

Но ситуация 20-х гг. была повторена «на более высоком уровне», если использовать излюбленное советское выражение; индустриализация, большая часть блистательных успехов которой была обязана существованию «завалов», встретила с трудностями после того, как пустующие емкости были заполнены полностью. Рабочая сила уже не была доступна предприятиям *ad lib.* (9). Спрос на продовольствие со стороны растущих городов уже не мог быть удовлетворен без существенных капиталовложений в сельское хозяйство. Транспорт стал наиболее узким местом, вносящим напряжение в экономику и угрожающим исказить всю картину размещения производства. Несомненно, что мощности советской промышленности, производящей средства производства, за это время неизмеримо выросли, но и спрос на ее продукцию увеличился. Механизированное сельское хозяйство требует гораздо больших затрат, чем выделялось в ходе первого пятилетнего плана (не говоря уже о положении до 1928 г.); быстро возрастает значение производства вооружений; и более чем рискованным было бы повторить опыт первых лет, когда импорт зарубежного оборудования, составлявший в некоторых решающих отраслях больше половины используемых мощностей, обеспечивался рекордным экспортом зерна, в то время как страна голодала. Более того, зарубежные события гораздо менее благоприятны. Запад демонстрирует гораздо большую экономическую стабильность и международное согласие, чем в период между двумя войнами. Наступление ядерного века сильно увеличило давление на капитальные ресурсы и сделало гораздо более рискованным «бросание решающей гири на чашку весов». На обширные притязания коммунистического Китая очень опасно не обращать внимания. Появилась необходимость изменить тактику в противостоянии «кто кого» и перейти от попыток драматического прорыва к длительному соперничеству, требующему рационального использования имеющихся средств. И как раз тогда, когда грузовики стали привозить воробьев для того, чтобы их жарить (10), главный архитектор системы покинул сцену, оста-

вив после себя документ, в котором признание «экономических законов» на словах вновь сочеталось с упором на приоритет тяжелой промышленности и подчеркивалось, что капитализм загнивал больше, чем когда бы то ни было [13].

По-видимому, Сталин до конца был уверен, что сможет справиться с растущими трудностями. Его последователи уже не разделяют этого оптимизма. Они, как недавно сформулировал ведущий западный советолог, «сталкиваются с бухаринской проблемой в новом облачении» [14], и они понимают это. После марта 1953 г. несколько лет постоянно предпринимались попытки справиться с жесткими реальностями путем уменьшения очевидных диспропорций и ослабления институциональных ограничений с целью внести в систему больше сбалансированности и гибкости.

Но не только великие проблемы 20-х гг. вновь выступили на первый план, память о тех людях, которые поднимали их, возрождается из забвения сторонниками новой ереси, которые хотя и реформ, а реформации. Вольфганг Хариш, бунтарь-теоретик коммунизма Восточной Германии, называет источниками своего вдохновения «мысли Троцкого и еще больше — Бухарина». Писатели группы *Poprostu*, распространяющие издание «Польский октябрь», с энтузиазмом превозносят Бухарина, а ведущий сельскохозяйственный эксперт партии высказывает согласие с этим, хотя и с некоторыми оговорками. Жертва коммунистического «ревизионизма» Имре Надь за несколько месяцев до Венгерской революции для обоснования своих взглядов торжественно цитировал Сталина, но Сталина 1926 и 1927 гг., когда будущий вдохновитель первого пятилетнего плана все еще полностью был «за Бухарина». И если от колеблющейся периферии мы двинемся к крепкому центру, то Хрущев, конечно, не извращал истину, когда в гневе навешивал ярлык бухаринизма тем экономистам, которые в период расцвета эры Маленкова осмелились оспорить догму преимущественного темпа роста тяжелой индустрии как *conditio sine qua non* (11) экономического прогресса. Конечно, нет возврата к 20-м гг. Но точно так же неоспоримо и то, что идеи, воздействовавшие на весь Советский Союз 30 лет назад и с тех пор ошельмованные, очерненные и вновь и вновь объявленные мертвыми, сейчас играют свою роль в наиболее значительных событиях нашего времени.

Ссылки автора

1. Левый курс в деревне и перспективы. Мimeo. Работу можно получить в архиве Л.Д. Троцкого, хранящемся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета.

2. *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 14.

3. Там же. С. 92.

4. Там же. Т. 12. С. 45—47, 92—95.

5. Там же. Т. 11. С. 275.

6. Там же. Т. 8. С. 291—292.

7. Там же. Т. 11. С. 168.

8. Там же. Т. 11. С. 3—4, 235.

9. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 238.

10. Из письма ссыльного оппозиционера // Бюллетень оппозиции. 1931. Март. С. 20.

11. Ср.: *Бутаев К.* К вопросу о материальной базе социализма // Проблемы экономики. 1932. № 1; *Меклер М.* Общий кризис капитализма и борьба двух систем в свете теории Преображенского // Закат капитализма в троцкистском зеркале. М., 1932.

12. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 14.

13. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

14. *Bergson A.* The Russian Economy since Stalin // Foreign Affairs. 1956. Vol. 34. January. P. 218. Проф. Бергсон сделал это замечание по поводу сельскохозяйственной ситуации в послесталинский период, но оно справедливо и для других аспектов советской экономики.

Комментарии научного редактора

1. Е.А. Преображенский был исключен из партии в 1927 г. в связи с так называемым делом о нелегальной типографии. (Подробнее см.: *Преображенский Е.А.* За что нас исключили из партии? (письмо к партийному съезду) // Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 / Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1988. Т. 4. С. 83—87.) Л.Д. Троцкий был исключен из партии вместе с Г.Е. Зиновьевым 14 ноября 1927 г. (См.: Документы ЦК и ЦКК ВКП(б) об антисоветских выступлениях лидеров троцкистско-зиновьевского блока // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. С. 254; Речь Троцкого по вопросу об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б) // Коммунистическая оппозиция в СССР... Т. 4. С. 218—224.)

2. За период с 1928 по 1932 г. номинальная заработная плата рабочих и служащих увеличилась в 2,26 раза, индекс цен государственной и кооперативной торговли вырос в 2,55 раза (см.: *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963). М.: Мысль, 1964. С. 174).

3. *Prima facie* (лат.) — на первый взгляд.

4. Имеется в виду ряд политических событий, происшедших в 1927 г. МИД Великобритании 27 мая 1927 г. направил поверенному в делах СССР в Лондоне ноту, в которой говорилось, что английское правительство не может поддерживать дипломатические отношения с СССР. Советские представители должны были покинуть Лондон в течение 10 дней. Когда 7 июня они прибыли в Варшаву, на вокзале их встречал советский посол в Польшу П.Л. Войков. К нему

подошел белогвардеец Каверда и выстрелом в спину убил его. Чан Кайши и его сторонники 12 апреля 1927 г. совершили в Шанхае переворот, что стало поворотным пунктом китайской революции 1924—1927 гг.

5. Веймарская республика существовала в Германии со времени принятия Веймарской конституции 1919 г. и до прихода к власти фашистов в 1933 г.

6. «Автономные», т.е. внеэкономические, в данном случае — с элементами принуждения.

7. *La-patrie-en-danger* (фран.) — родина в опасности.

8. Альтернативные издержки — издержки упущенной выгоды или издержки альтернативных возможностей (англ. opportunity costs) — термин, обозначающий упущенную выгоду в результате выбора одного из альтернативных вариантов использования ресурсов и тем самым отказа от других возможностей.

9. *Ad lib* (лат.) — свободно, в неограниченном количестве.

10. Если речь идет о проводившейся в Китае в ходе «большого скачка» кампании по уничтожению воробьев, то А. Эрлих допустил неточность — кампания проходила в 1958 г., через пять лет после смерти И. Сталина.

11. *Conditio sine qua non* (лат.) — условие, без которого нет, т.е. условие, без которого невозможно что-либо.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ (1921—1929)

1921

- 1—17 марта Кронштадтский мятеж, требование свободных выборов в Советы, равных прав всем социалистическим партиям, отмены ограничений по отношению к крестьянству и мелкой промышленности.
- 16 марта Начало нэпа, советское правительство заменяет продразверстку продналогом и восстанавливает свободу торговли на местных рынках.
- 17—31 марта Подавление восстания коммунистов в центре Германии.

1922

- 27 марта —
2 апреля XI съезд коммунистической партии. Ленин обсуждает результаты первого года нэпа и причины изменения политики.
- 4 апреля Оглашение избрания Сталина генеральным секретарем.
- 26 мая Ленина поразил первый удар.

1923

- 17—23 апреля XII съезд коммунистической партии: Троцкий предупреждает, что промышленность отстает от сельского хозяйства, и призывает к увеличению масштабов планирования, а также к решительному проведению режима экономии. Бухарин критикует концепцию осуществления индустриализации за счет крестьянства.
- Лето Кризис, вызванный «ножницами цен», — резкое снижение продаж промышленных товаров, резкий рост их цен относительно цен на сельскохозяйственные товары.

- 8 октября В письме в Центральный Комитет Троцкий обвинил партию в произвольном снижении цен и «секретарской бюрократии», начало его открытого разрыва со Сталиным.
- 15 октября Заявление, подписанное 46 известными левыми коммунистами во главе с Преображенским, резко критикует общую и экономическую линию партии, очевидно сильное сходство с позицией Троцкого.
- 23—24 октября Провал коммунистического восстания в Гамбурге.

1924

- 16—18 января XII партконференция: левая оппозиция во главе с Преображенским и Пятаковым атакует политику снижения цен на промтовары и призывает к ускоренной индустриализации; принятая резолюция осуждает троцкизм как «мелкобуржуазный уклон». Смерть Ленина.
- 21 января XIII съезд коммунистической партии: накануне члены ЦК и руководители делегаций ознакомились с завещанием Ленина, в котором предлагалось убрать Сталина с поста генерального секретаря; подтверждается резолюция XIII партконференции о троцкизме.
- 23—31 мая
- Август Быстро подавленное восстание в Грузии, расцененное руководством партии как симптом растущего недовольства крестьян.

1925

- 23—30 апреля Пленум ЦК принимает подготовленную Бухариным резолюцию, одобряющую снятие ограничений на наем рабочей силы в сельском хозяйстве и на аренду земли, сокращение общих размеров сельскохозяйственного налога, одобрено расширение практики освобождения бедняков от налогов.
- Лето—зима Товарный голод (подавленная инфляция).
- 18—31 декабря XIV съезд коммунистической партии: как важная задача провозглашена индустриализация с целью экономической независимости. Сталин отвергает формулу Бухарина «обогащайтесь», но защищает умеренную сельскохозяйственную политику от критики «ленинградской оппозиции», руководимой его бывшими сторонниками Каменевым и Зиновьевым.

1926

26 октября — XV конференция коммунистической партии: Сталин и Бухарин всюду атакуют «оппозиционный блок», возглавляемый Троцким, Каменевым и Зиновьевым; оппозиция осуждена как «социал-демократический уклон» и как серьезная угроза рабоче-крестьянскому союзу.

1927

26 октября — Антикommунистический переворот Чан Канши в Шанхае, уничтожение тысяч коммунистов.

3 ноября Уровень хлебозаготовок составил менее половины уровня последних двух месяцев 1926 г., вновь возникает товарный голод.

Ноябрь—декабрь XV съезд коммунистической партии: все руководство левой оппозиции исключено из партии, в директивах будущего пятилетнего плана подчеркивается необходимость высоких темпов и сбалансированного роста, а также большей поддержки коллективных хозяйств.

2—19 декабря

1928

Весна Хлебозаготовки вновь снижаются после временного подъема в течение января—марта.

4—12 июля Пленум ЦК: принятая резолюция подчеркивает, что долговременным решением существующих проблем является коллективизация, предупреждает против продолжения использования чрезвычайных мер и высказывается за увеличение цен на зерно, равно как и за увеличение поставок промышленных товаров в производящие зерновые области; первые признаки разногласий между Сталиным и группой Бухарина и Рыкова.

Октябрь Начато выполнение первого пятилетнего плана в его последнем, наиболее амбициозном варианте. Острота продолжающегося кризиса хлебозаготовок не уменьшается.

16—24 ноября Пленум ЦК: «правый уклон» осужден как главная опасность.

1929

22 января Троцкий получает приказ о депортации и начинает путешествие в Константинополь.

- 16—23 апреля Совместное заседание ЦК и ЦКК, Сталин открыто порывает с Бухариным и Рыковым и называет их и Томского руководителями «правого уклона»; Бухарин устранен с постов руководителя Коминтерна и главного редактора «Правды», Томский — с поста руководителя профсоюзов.
- 23—29 апреля XVI партконференция: формальное одобрение первого пятилетнего плана; группа Бухарина открыто осуждена.
- Осень Начало массовой коллективизации сельского хозяйства.

БИБЛИОГРАФИЯ ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Барун М. Возраст и изношенность основного капитала промышленности // Социалистическое хозяйство. 1928. № 1.

Базаров В.А. Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. 1925. № 12.

Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7.

Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л., 1927.

Базаров В.А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5.

Базаров В.А. Принципы построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1928. № 2.

Базаров В.А. О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6.

Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—1924 годов // Труды ЦСУ СССР. М., 1926. Т. XXIX.

Бутаев К. К вопросу о материальной базе социализма // Проблемы экономики. 1932. № 1.

Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920.

Бухарин Н.И. Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока // Большевик. 1924. 5 нояб.

Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок // Большевик. 1924. 10 дек.

Бухарин Н.И. К критике экономической платформы оппозиции // Большевик. 1925. 15 янв.

Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. 30 апр., 1 июня.

Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. М.; Л., 1925.

Бухарин Н.И. Building Up Socialism. L., 1926 (перевод работы: *Бухарин Н.И.* О характере нашей революции и возможности победоносного социалистического строительства в СССР // Большевик. 1926. № 19/20. Окт.).

Бухарин Н.И. Международное и внутреннее положение: доклад на XV конференции ВКП(б) Московского района. М., 1927.

Бухарин Н.И. К десятилетию Октябрьской революции // Правда. 1927. 16 и 18 окт..

Бухарин Н.И. Об итогах объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // Правда. 1927. 4 нояб.

Бухарин Н.И. Выступление на XVI областной конференции ВКП(б)] // Правда. 1927. 23 и 24 нояб.

Бухарин Н.И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии // Правда. 1928. 19 апр.

Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент.

Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1929.

ВКП(б). XIV съезд: Стенографический отчет. М.; Л., 1926.

ВКП(б). XV конференция: Стенографический отчет. М.; Л., 1927.

ВКП(б). XV съезд: Стенографический отчет. М.; Л., 1928.

ВКП(б). XVII съезд: Стенографический отчет. М.; Л., 1934.

Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918—1927/28 гг.: Статист. сборник / Под ред. А.П. Винокура, С.Н. Бакулина. Л.; М., 1931.

Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1 и 2.

Гухман Б.А. Динамика промышленности России в связи с динамикой народного хозяйства // Промышленность и народное хозяйство / Под. ред. Э.И. Квиринга, С.П. Середы, А.М. Гинзбурга. М., 1927.

Гухман Б.А. На рубеже // Плановое хозяйство. 1928. № 8.

Из письма ссыльного оппозиционера // Бюллетень оппозиции. 1931. Март.

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/27 год. М.: Госплан СССР, 1926.

Крумин Г. Основные достижения истекшего хозяйственного года и ближайшие задачи // Экономическое обозрение. 1925. № 12.

Ленин В.И. Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сб. М., 1929. Т. XI.

Ленин В.И. Соч. 4-е изд. М., 1941—1958.

Марецкий Д. Хозяйственная платформа объединенной оппозиции // Большевик. 1926. 30 сент.

Меклер М. Общий кризис капитализма и борьба двух систем в свете теории Преображенского / Закат капитализма в троцкистском зеркале. М., 1932.

Мотылев В. Проблема темпа развития СССР. 3-е изд. М., 1929.

Огановский Н.П. Промышленность и сельское хозяйство // Промышленность и народное хозяйство: Сб. ст. / Под ред. Э.И. Квиринга, С.П. Середы и А.М. Гинзбурга. М., 1927.

Перспективы хозяйственного развития СССР (контрольные цифры Госплана): Дискуссия в Коммунистической академии // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII.

Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920.

Преображенский Е.А. Выступление на XIII партийной конференции // Правда. 1924. 18 янв.

Преображенский Е.А. Выступление при обсуждении главы III книги «Новая экономика» в Коммунистической академии // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV.

Преображенский Е.А. Закат капитализма. Л., 1931.

Преображенский Е.А. Левый курс в деревне и перспективы. Мimeo. 1928.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. М., 1926.

Преображенский Е.А. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII.

Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII.

Преображенский Е.А. Экономические заметки // I — Правда. 1925. 15 дек.; II — Большевик. 1926. 31 марта, III — Большевик. 1926. 30 авг.

Промышленность СССР: Статист. сборник. М., 1957.

Пятаков Г.А. К вопросу о воспроизводстве основного капитала // Торгово-промышленная газета. 1924. 30 сент.

Рагольский М. О вредительской теории планирования Громана—Базарова // Плановое хозяйство. 1930. № 10—11.

Рыков А.И. Выступление на IV съезде Советов // Правда. 1927. 23 апр.

Рыков А.И. Доклад на X съезде коммунистической партии Украины // Правда. 1927. 25 нояб.

Рыков А.И. Текущий момент и задачи партии // Правда. 1928. 15 июля.

Сталин И.В. Соч. в 13 т. М., 1946—1951.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Сталин И.В., Рыков А.И., Куйбышев В.В. Об успехах и недостатках кампании за режим экономии // Правда. 1926. 17 авг.

Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. 2-е изд. М.; Л., 1930.

Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. М.; Л., 1932.

Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и СССР, технический прогресс за 300 лет. М., 1935.

Фельдман Г.А. К теории темпов роста народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11 и 12.

Шанин Л. Вопросы нового курса // Большевик. 1926. 30 янв.

- Шанин Л.* Экономическая природа нашего безтоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11.
- Bator F.M.* On the Capital Productivity, Input Allocation and Growth // Quarterly Growth of Economics. 1957. February. Vol. 71.
- Bergson A.* The Russian Economy Since Stalin // Foreign Affairs. 1956. January. Vol. 34.
- Buchanan N.S.* International Investment and Domestic Warfare. N.Y., 1945.
- Dahmen E.* Technology, Innovation and International Industrial Transformation / Economic Progress / Ed. by L.H. Dupriez. Louvain, 1955.
- Dobb M.H.* Political Economy and Capitalism. N.Y., 1945.
- Dobb M.D.* Soviet Economic Development since 1917. N.Y., 1948.
- Domar E.D.* Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y., 1957.
- Eckaus R.S.* The Factor Proportions Problem in Underdeveloped Areas // American Economic Review. 1955. Vol. 45. September.
- Gershencron A.* The Soviet Indices of Industrial Production // Review of Economic Statistics. 1947. Vol. 29. November.
- Gershencron A.* Economic Backwardness in the Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Areas. Chicago, 1952.
- Gershencron A.* The Problem of Economic Development in Russian Intellectual History of the Nineteenth Century // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge: Mass, 1955.
- Hicks J.R.* The Theory of Wages. L., 1932.
- Kahn A.E.* Investment Criteria in Development Programs // Quarterly Journal of Economics. 1951. February. Vol. 65.
- Lenin V.I.* Selected Works in Two Volumes. M., 1950—1952.
- Lerner A.P.* The Economics of Control. N.Y., 1944.
- Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School. 1954. May. Vol. 22.
- Luxemburg R.* The Accumulation of Capital. New Haven, 1951.
- Lyashchenko P.I.* History of the National Economy of the USSR to the 1917 Revolution. N.Y., 1949.
- Marx K.* Capital. 3 vols. Chicago, 1903—1909.
- Marx K.* Theories of Surplus Value. N.Y., 1952.
- Nurske R.* Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. N.Y., 1953.
- Polak J.J.* Balance of Payments Problems of Countries Reconstructing with the Help of Foreign Loans // Quarterly Journal of Economics. 1943. February. Vol. 57. Reprinted in Readings in the Theory of International Trade / Ed. by H.S. Ellis, L.A. Metzler. Philadelphia; Toronto, 1950.
- Robinson J.* Collected Economic Essays. N.Y., 1951.
- Rosenstein-Rodan P.N.* Problems of Industrialisation of Eastern and Southeastern Europe // Economic Journal. 1943. Vol. 53. June—September.
- Schwarz S.M.* Populism and Early Russian Marxism on Ways of Economic Development of Russia (the 1880s and 1890s) / Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Ed. by E.J. Simmons. Cambridge: Mass, 1955.

Scitovsky T. Two Concepts of External Economies // Journal of Political Economy. 1954. April. Vol. 52.

Scitovsky T. Sur deux principes de maximation du profit et quelques-unes de leur implications // Revue Economique. 1955. May.

Sen A.K. Some Notes on the Choice of Capital Intensity in Development Planning // Quarterly Journal of Economics. 1957. Vol. 71. November.

Trotsky L. Towards Socialism or Capitalism? L., 1926.

Viner J. Cost Curves and Supply Curves // Zeitschrift fur Nationaloekonomie. 1932. N 111. Reprinted in Readings in Economic Analysis. 2 vols. / Ed. by R.V. Clemence. Cambridge: Mass, 1950. Vol. 11.

Young A.A. Increasing Returns and Economic Progress // Economic Journal. 1928. Vol. 38. December. Reprinted in Readings in Economic Analysis. 2 vol. / Ed. by R.V. Clemence. Cambridge: Mass, 1950. Vol. 1.

А. Эрлих

СТАЛИНИЗМ И МАРКСИСТСКИЕ МОДЕЛИ РОСТА¹

Однажды, когда Троцкий еще не был членом социал-демократической фракции, он заметил, что в работах Ленина марксизм отражается, как Афродита в самоваре. По моему твердому убеждению, это сравнение еще больше подходит для описания работ и деятельности человека, который любил, чтобы его называли «Ленин сегодня», и особенно уместно для определения его специфического вклада в теорию и практику экономического роста. Я утверждаю, что, хотя из рук Сталина марксистские модели роста вышли искалеченными и измененными, они все же не полностью потеряли свой вид и не утратили практической значимости. Однако, чтобы наглядно продемонстрировать это положение и выбрать верный угол зрения, нам придется несколько углубиться в историю и рассмотреть исходные модели, а также то, как они использовались большевиками до Сталина.

Читатель уже понял, что мы ведем разговор о моделях. Действительно, в работах Маркса их как минимум три. Первая модель, самого общего характера, имеет дело с взаимозависимостью между уровнем развития эффективно используемых технологий («производительных сил») и отношениями людей, складывающимися как в процессе производства, так и при присвоении труда, произведенных средств производства и земли («производственными отношениями»)². Если производительные

¹ Выражаю свою признательность Владзимиру Брусу, Стивену Ф. Козну, Михайло Марковичу и Роберту К. Такеру за их ценные замечания.

² Здесь необходимо сделать несколько комментариев. Во-первых, «производственные отношения» и «производительные силы» определенным образом пересекаются, поскольку оба понятия включают организацию производственного про-

силы и производственные отношения, совместно образующие «базис» общества, находятся на одинаковой ступени развития, то система будет жизнеспособной. Если же развитие производительных сил опережает развитие производственных отношений, то неизбежно последует их столкновение. Старые производственные отношения рано или поздно уступят место новым, и это приведет к ряду изменений в политической, правовой и идеологической надстройке. По этой же причине новые производственные отношения не смогут успешно закрепиться, если производительные силы не достигнут нужного уровня развития. Применительно к социализму это означало, что: 1) производственные предприятия должны достичь достаточного уровня концентрации, позволяющей осуществлять централизованный учет и планирование; 2) большую долю населения должны составлять занятые на этих производственных предприятиях рабочие, которые смогут осуществить контроль за средствами производства, только сделав их общественной собственностью; 3) для того чтобы существовать на принципах равенства и одновременно динамично развивать свою экономику, общество должно достигнуть высокого уровня производительности труда. Только при условии выполнения этих условий будущее общество сможет стать таким институтом, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹.

цесса. (Другой составной частью производственных отношений является присвоение отдельными людьми факторов производства, что не имеет непосредственного отношения к процессу производства.) В этом контексте очень важно подчеркнуть, что наше концептивное изложение, в основе которого лежит классическое предисловие к работе «К критике политической экономии», а также само предисловие, не может в полной мере передать глубину исследования Марксом специфических условий экономики. Так, например, анализируя ранние этапы развития капитализма, Маркс особо подчеркивает основополагающую роль государства как «надстройки». Он также ясно показывает, что при так называемом мануфактурном производстве развитие производственных отношений, основу которых составляет совместная деятельность рабочих, опережает развитие технологического базиса (немеханизированного ручного труда.) Именно это противоречие в конечном счете привело к созданию современного машинного производства. Совершенно справедливо, однако, что в своих работах, посвященных переходу к социализму (за исключением такой важной работы, как «Манифест коммунистической партии»), Маркс и Энгельс неизменно предполагали, что пролетарская революция наступит лишь после того, как давление производительных сил на их капиталистическую оболочку станет невыносимым. При этом не требуется никакого государственного вмешательства, чтобы производительные силы были подготовлены к социализму.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Manifesto. Selected Works in Two Volumes. M., 1962. Vol. 1. P. 54 (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447).

Вторая и третья модели менее масштабны. В первом томе «Капитала» при анализе капиталистического накопления прослеживается взаимодействие между увеличением средств производства, ростом трудовых ресурсов и технологическим прогрессом в странах с развитой капиталистической экономикой, а также показывается, насколько по-разному происходил переход к капитализму. В обоих случаях особо подчеркивается специфика социальной и исторической обстановки и роль прибыли как мотивирующего фактора. Однако, как будет показано ниже, эта же аргументация вполне применима для ситуации, когда в некапиталистической экономике рост ее современного сектора происходит за счет традиционного сектора или когда соотношение «овеществленного» труда к живому труду претерпевает стремительные изменения. Эта аргументация еще более применима к систематизированной и четко сформулированной (хотя и не до конца разработанной) «схеме воспроизводства», приведенной во втором томе «Капитала». Эта схема имеет точки пересечения с упомянутой выше нечетко описанной моделью накопления, а также устанавливает такие соотношения между основными подразделениями экономики, которые необходимы для полномасштабного возможного роста. Точнее говоря, показывается, что темп экономического роста представляет собой функциональную зависимость от соотношения размеров выпусков подразделения I — производства средств производства и подразделения II — производства потребительских товаров или, говоря иначе, зависимость от соотношения выпуска подразделения I и потребности всей экономики в замещении средств производства.

Широко известно, что эти модели играли важную роль в масштабных дореволюционных дискуссиях между русскими марксистами и их оппонентами из числа народников и «ревизионистов». Совершенно очевидно, что именно эти модели создали платформу для разработки стратегии большевиков после их победы в 1917 г. Эта победа была «головокружительной» в нескольких отношениях: хотя успех и вскружил головы победителям, перед ними сразу же встала серьезная проблема: каким образом проводить социалистические преобразования в стране, где производительные силы еще не достигли уровня, необходимого для создания системы социалистического планирования?

Сперва Ленин полагал, что можно и не разрабатывать никаких конкретных мероприятий по ликвидации этого отставания:

он надеялся, что грядущая революция в более развитых западных странах более эффективно будет способствовать решению этой проблемы¹. Поэтому он сменил осторожные принципы первоначальной экономической программы на более рискованную политику «военного коммунизма», которую позже отверг. Но поскольку перспективы революции на Западе становились все более туманными, а нарастающий экономический хаос («отрицательное расширенное воспроизводство», по меткому определению Бухарина) вел к полномасштабному политическому кризису, Ленин в марте 1921 г. «всерьез и надолго» переключился на нэп. Прошло почти два года, прежде чем он подробно и четко обрисовал задачи и перспективы новой доктрины в часто цитируемых комментариях к «Запискам о революции» Николая Суханова. Ленин соглашался с тем, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», но делал из этого совершенно неожиданный вывод:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. ...Почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»²

На первый взгляд этот комментарий противоречит основополагающему марксистскому тезису, который Ленин сам страстно защищал в спорах с народниками и после 1905 г., с Троцким. Однако здесь нужна более широкая интерпретация его слов. Ленин не отрицал, что начинать строительство социализма наиболее разумно и желательно только тогда, когда производительные

---

¹ «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1964. Т. 44. С. 36.)

² Там же. Т. 45. С. 381.

силы в отдельно взятой стране «созреют» для общественной собственности. Однако если по какому-то уникальному стечению внешних и внутренних факторов социалистическая революция совершится в менее развитой стране, тогда правительству этой страны нужно будет искать альтернативные пути развития, а не расписываться в своем поражении. Другими словами, стране придется примириться с мыслью, что выше головы все равно не прыгнешь, и признать тот факт, что промышленный сектор экономики, который благодаря большому размеру предприятий готов к введению общественной собственности и централизованного планирования, будет составлять гораздо меньшую по сравнению с развитыми странами часть экономики. Следовательно, этот сектор не сможет в полной мере занимать командное положение по отношению к мелким частным предприятиям.

Взаимосвязи между этими двумя неравными секторами экономики должны регулироваться с помощью «буржуазного» рыночного механизма и подчиняться общим налоговым, денежным и тарифным правилам, хотя национализированный промышленный сектор будет делать попытки проникновения в деревню путем создания на строго добровольной основе сбытовых и кредитных кооперативов. Предполагалось, что в результате этих мер, а также вследствие дальнейшей модернизации и быстрого технологического развития общественный сектор одержит победу и тем самым будет преодолено отклонение от марксистского учения¹.

---

¹ Такая точка зрения, возникающая в результате поражения и считавшаяся свойственной только переходному периоду, отражала глубокое проникновение в суть проблемы и в настоящее время признается многими советскими и восточноевропейскими экономистами применительно к функционированию экономики в развитом социалистическом обществе. Эти экономисты твердо убеждены, что государство может эффективно планировать такие «большие дела», как распределение доходов и объем инвестиций, а также распределение инвестиций по регионам и отраслям промышленности. Наряду с этим государство должно позволять промышленным предприятиям принимать решения по законам рынка (с поправкой на «экстерналии» (1)) (см.: *Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. Princeton, 1974*). Это могло бы означать, что преобладание крупных предприятий не является столь уж важным условием для планирования, как, по всей вероятности, предполагали ортодоксальные марксисты, хотя в любом случае в более зрелой социалистической экономике именно такие предприятия должны составлять значительно большую долю. Более того, в отличие от своих предшественников современные сторонники идеи одновременного существования системы планирования и рынка считают, что такое положение дел присуще более высокому уровню развития экономики. К обсуждению этого мы еще обратимся позднее.

К середине 20-х гг. результаты этой двойственной стратегии были весьма впечатляющими. Индексы совокупного выпуска в промышленности стремительно взлетели, а в сельском хозяйстве обнаружили устойчивый рост; при этом механизмы распределения функционировали достаточно успешно. Все это продемонстрировало преимущества системы, сочетающей планирование и рынок, над сверхцентрализацией периода «военного коммунизма». Легко можно представить себе, как экономисты и политические руководители Советского Союза в начале 20-х гг. задавали друг другу вопрос, прозвучавший из уст Пола Самуэльсона в 50-е гг. в Америке: «Как же нам удалось это сделать?» Естественно, этот оптимистичный настрой проявился в работах Бухарина и его соратников в 1924—1926 гг. Они с гордостью отмечали достижения нэпа по сравнению с бедственным положением предшествовавшего периода и с уверенностью экстраполировали эти тенденции стремительного роста в будущее. Они также утверждали, что худшее, что могло бы случиться, — это нарушение неписаного «пакта о ненападении» между социалистическим сектором и его несоциалистическим окружением.

И все же эти взгляды, отражавшие позицию верхушки партийного руководства, подверглись уничтожающей критике со стороны левых, особенно Преображенского, ведущего экономиста этой группы. Он не отрицал, что продолжение прямых конфискации, осуществлявшихся при «военном коммунизме», неизбежно привело бы к катастрофическому положению; не отрицал он и того, что на долгое время важнейшим связующим элементом между городом и деревней должен стать рыночный обмен. Он признавал, что мирное сосуществование с крестьянством было *sine qua non*, независимо от результата, а это, в свою очередь, предполагало «удовлетворение определенного минимума потребностей» крестьян. Однако для Преображенского это являлось дополнительным аргументом в пользу быстрого целенаправленного движения, а не топтания на месте. В середине 20-х гг. размер и структура советской экономики были совершенно неадекватными для того, чтобы, используя только собственные ресурсы, одновременно удовлетворять запросы крестьян-покупателей и обеспечивать давно возникшие потребности замены изношенного оборудования, не говоря уже об осуществлении долговременных задач по модернизации огромной неразвитой страны, обеспечению обороноспособности и реструктуризации сельско-

го хозяйства на основе коллективизации. По этой же причине существующая крестьянская экономика еще в меньшей степени была готова самостоятельно производить излишек, способный поддерживать удовлетворительные темпы роста в промышленном секторе. (Это был еще один показатель недостаточного развития «производительных сил», и именно он вызывал наибольшие опасения.) Стремительные темпы экономического подъема в начале нэпа не противоречат этому факту. Они явились результатом полного восстановления дореволюционных производственных мощностей, огромная часть которых вынужденно простаивала вследствие бездействия в годы Гражданской войны, а также из-за парализующих экономику декретов периода «военного коммунизма». После окончания восстановительного периода темпы экономического роста практически упали до нуля, что усугубило состояние экономики. По мнению Преображенского, чтобы найти выход из этой тупиковой ситуации, было совершенно необходимо существенно ускорить темпы инвестирования и тем самым в кратчайшие сроки увеличить мощность промышленности настолько, чтобы эффективно удовлетворять назревшие потребности других секторов экономики, а также осуществлять собственное развитие. При таком подходе основное бремя ложилось на плечи крестьянства, которое должно было ограничить потребление промышленных товаров вследствие их монопольно высоких цен и приоритета средств производства в планируемом импорте. В конечном счете крестьяне имели бы компенсацию за такое «принудительное сбережение», после того как укрепившаяся и развившаяся промышленность приступила бы к массовому выпуску нужной им продукции.

Преображенский не скрывал, что его стратегия восходит к теории Маркса. К возмущению своих противников и к недоумению некоторых своих сторонников, он назвал процесс перевода ресурсов из сельскохозяйственного сектора в промышленность «первоначальным социалистическим накоплением» вслед за марксистским понятием «первоначальное капиталистическое накопление». Он воспользовался логикой объяснения схемы, приведенной во втором томе, утверждая, что такое перемещение ресурсов между двумя секторами экономики следует проводить в «порядке боевого марша», т.е. выпуск промышленных товаров должен опережать выпуск потребительских товаров. Однако Преображенский сильно возражал против «связывания всех ресурсов в развитие тяже-

лой промышленности». Далее в одной из последних опубликованных им статей он развил и несколько изменил двухсекторную модель, разбив промышленные и потребительские товары на группы в зависимости от того, были ли они произведены в социалистическом, капиталистическом или мелком секторе экономики. Кроме того, применительно к последнему из этих секторов он также ввел понятие, которое означало очевидный отход от первоначальной модели, — «неэквивалентный обмен между секторами». Наконец, хотя Преображенский никогда не ссылался на ленинскую формулу 1923 г., все же из его рассуждений следовало, что он придает большое значение ее скорейшему использованию. Для того чтобы достичь «определенного культурного уровня, необходимого для построения социализма», следует вести ненасильственное, но энергичное наступление на крестьянский сектор экономики. Точнее говоря, существующие механизмы экономической политики должны обеспечить максимальное перераспределение ресурсов из частного в социалистический сектор «в экономически возможных и технически осуществимых пределах». Этот подход должен позволить достичь и даже превзойти тот уровень экономического развития, которой был бы возможен при полном соблюдении «правил игры» на конкурентном рынке.

Как можно было ожидать, первая реакция Бухарина была крайне негативной. Если отбросить полемику, то суть его ответа состояла в том, что методы лечения, предложенные Преображенским, были опаснее самого заболевания. Ведь никто не мог гарантировать, что крестьяне с энтузиазмом взвалят на себя бремя насильственного сбережения и терпеливо будут дожидаться каких-то милостей в будущем. На самом деле вполне можно было ожидать, что их реакция будет более агрессивной, как уже бывало и во время кризиса 1923 г., вызванного «ножницами цен», и во время «товарного голода» 1925 г., когда они резко сократили поставки своей продукции в город. Все это могло выбить почву из-под ног даже самых привлекательных программ по индустриализации страны, а также, возможно, и всей советской системы. (Позже Бухарин обобщил это следующим образом: «если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо

регрессирует»¹.) И все же упрямые факты заставили его, хоть и с некоторым опозданием, признать диагноз ситуации, поставленный Преображенским. По замечанию Рыкова, друга и соратника Бухарина, «страна не могла больше жить без капитальных вложений». Проблема состояла в том, чтобы сузить задачу до обозримых размеров.

Тогда и была разработана весьма оригинальная и совершенно новаторская стратегия. Подразделению, производящему средства производства, при распределении финансирования необходимо отвести важную, но не приоритетную позицию. Капиталоемкие современные технологии следует использовать исключительно в тех отраслях промышленности, в которых они наиболее эффективны. В остальных отраслях необходимо отдавать предпочтение технологиям, интенсивно использующим ручной труд, что позволит сэкономить инвестируемые ресурсы и ускорить выпуск продукции. Эта политика очень напоминает проводимую в современном Китае политику «хождения на двух ногах». К решению проблем в сельском хозяйстве нужно подойти с трех сторон. Следует стимулировать увеличение товарности путем объединения крестьян-середняков; для этого необходимо терпимо относиться к производящим основную долю сельскохозяйственной продукции зажиточным крестьянам, а также неуклонно, но постепенно создавать колхозы. При таком подходе таящее потенциальную опасность увеличение крестьянских расходов можно взять под контроль с помощью налогообложения и активно поощряемого добровольного накопления. Наконец, Бухарин неоднократно утверждал, что в его намерения никогда не входило полностью отказаться от преимуществ монопольного положения советской национализированной промышленности на крестьянском рынке. По этой причине, вероятно, и будет сохраняться некоторый перекосяк в торговле в пользу промышленного

---

¹ Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент. (см.: Бухарин Н.И. Путь к социализму // Под ред. S. Heitman. N.Y., 1967. С. 387). Наверное, стоит заметить, что Бухарин также широко использовал дихотомию I и II подразделений. При его склонности к теоретизированию он, конечно, упоминал понятие бесконечного расширения подразделения I, введенное Туган-Барановским, и далее утверждал, правда, не очень убедительно, что потребительским спросом не следует пренебрегать по той причине, что средства производства непременно в конечном счете превратятся в потребительские товары (См.: Империализм и накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1929. С. 63). (См. с. 33 настоящего издания. — А.Б.)

сектора, однако перекося этот будет незначительным и не помещает развитию сельского хозяйства.

По сути своей эта стратегия казалась весьма интересной, и, наверное, стоило испытать ее на практике. Однако этому не суждено было случиться. В конце 1927 и в начале 1928 г. советская экономика подверглась тяжелому испытанию вследствие дефицита поставок зерна. В результате кризиса хлебозаготовок мнения экономистов полностью разделились. Кроме того, важные изменения произошли и в политической «надстройке». Система, которую Ленин назвал «пролетарским государством с бюрократическими извращениями», была не похожа на марксистский «союз свободных индивидуумов» даже при его жизни. Со временем таких «извращений» становилось все больше, и они проявились во все усиливающейся власти Сталина. Вплоть до начала 1928 г. он поддерживал Бухарина по вопросам экономической политики. В это время Сталин заручился его полной поддержкой, пытаясь нанести сокрушительный удар левым «сверхиндустриалистам», что ему удалось сделать к декабрю 1927 г. Теперь он мог использовать укрепившиеся позиции для преодоления кризисной ситуации и, избавившись от своих умеренных противников, вывел страну на новый путь развития, который он по праву мог называть своим.

Непосредственная реакция Сталина на события наиболее красноречиво проявлялась не в словах, а в делах: мы имеем в виду его поездку по Сибири в начале 1928 г. и его печально известный «урало-сибирский метод» насильственного сбора зерна. При озвучивании идеологических вопросов он был менее прямолинеен, зато вполне конкретен. Самый главный его аргумент в пользу коллективизации состоял в том, что советская экономика не могла развиваться в двух направлениях одновременно — крупное производство в промышленности и мелкое производство в сельском хозяйстве. Здесь, по-видимому, необходимо вернуться к обсуждению более ранних дискуссий. Конечно, ортодоксальные марксисты утверждали, что, для того чтобы производительные силы достаточно «созрели» для их перевода в общественную собственность, они должны достичь высокого уровня развития во всех отраслях социалистической экономики. Однако после 1921 г. большевики и Сталин в их числе были готовы мириться с двойственной природой нэпа, хотя отчетливо понимали, что при таком положении дел неизбежно возникнут проблемы. Эти про-

блемы должны были исчезнуть после того, как развитие промышленности достигнет такого уровня, что подразделение I сможет обеспечивать сельское хозяйство необходимыми средствами производства. Очевидно, теперь Сталин почувствовал, что подошло время для крупных поставок современного оборудования в деревню. Однако к его заявлениям по этому поводу нужно относиться с некоторой долей скепсиса. Он неоднократно повторял, что мелкое сельскохозяйственное производство в существующих условиях имеет огромный потенциал развития и что еще в течение долгого времени останется ведущей формой советского сельского хозяйства. Более того, когда в конце 1929 г. полным ходом проводилась политика «большого рывка», Центральный Комитет с готовностью принял решение, в котором говорилось, что успехам коллективизации не должна помешать нехватка тракторов и другой современной техники. По утверждению Сталина, даже немеханизированные колхозы имеют преимущество перед личными хозяйствами, и, как знаток марксистского учения, он говорил о «мануфактурном периоде» коллективизации. (Как будет показано ниже, крестьянам так и не удалось оценить сути этой замечательной теории.)

Короче говоря, Сталин не осознавал, насколько дорогостоящей окажется полномасштабная модернизация сельского хозяйства и насколько сильной будет конкуренция за ресурсы между сельским хозяйством и имеющей приоритетное значение развивающейся промышленностью. Однако нельзя опровергнуть тот факт, что колхозы интересовали его в первую очередь как «коллективный инструмент» (если воспользоваться метким выражением Рагнара Неркса), передающий полномочия по принятию решений по производству и распределению сельскохозяйственной продукции от крестьян государству и его представителям на селе. Это представлялось гораздо более эффективным способом обеспечить хлебозаготовки, чем возня с ценообразованием. Предполагалось, что современный технологический базис будет создан в основном *ex post*, а не *ex ante* (2), и случаи крестьянского сопротивления только усиливали серьезные намерения Сталина разгромить противника раз и навсегда.

Безусловно, он понимал, что важнейшей и непосредственной причиной кризиса являлось быстрое увеличение абсолютного и относительного размера промышленного подразделения I. Это вело к ситуации всевозрастающего городского спроса на продук-

ты питания, которому не соответствовал выпуск промышленных товаров, предназначенных для удовлетворения потребностей крестьян. Сталин даже не пытался доказать, что пересмотренная стратегия Бухарина, которую он горячо поддерживал еще совсем недавно, была не способна устранить эту проблему. Он не думал, что в основе хлебной стачки крестьян лежат экономические проблемы. Для него это была проверка на прочность, ситуация «кто кого?»; именно теперь полностью проявилась, по выражению Роберта Таккера, его «воинственная натура». Он понимал, что пойти на компромисс в таких условиях означало не только ослабить свои позиции, но и подорвать доверие к себе (эти чувства также разделяли люди из его ближайшего окружения), спровоцировать новые вспышки неповиновения и в конечном счете откатиться на исходные позиции. «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть»¹. (Здесь слово «кулак» очень удобно заменяет слово «крестьянин».) Совершенно не важно, прав ли он был в этом вопросе (конечно, он не был прав); однако нет никаких сомнений в том, что он верил каждому своему слову. Он с полной серьезностью повторял лозунг Ленина, сформулированный в 1917 г.: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед», и при этом без малейшего колебания очень ловко подтасовывал его значение². Короче говоря, он имел в виду весьма любопытное взаимодействие: коллективизация должна была передать государству полный контроль над сельскохозяйственными поставками, а индустриализация, в свою очередь, должна была укрепить коллективизацию и как можно скорее сократить долю частного крестьянства в экономике.

Результат хорошо известен. Кризис хлебозаготовок привел к полномасштабной конфронтации между властью и крестьянством. В результате ряда серьезных ударов, нанесенных по крестьянству,

¹ Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. XI. С. 275.

² Там же. С. 250. Любому читателю ленинского текста (Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198) должно быть предельно ясно, что когда в сентябре 1917 г. Ленин писал о том, чтобы «догнать передовые страны и перегнать их экономически» и «на всех парах устремиться вперед», он имел в виду необходимость использования организационных форм западной «военной экономики» и их усовершенствования. А Сталин, наоборот, говорил о том, чтобы перегнать уровень развития западных стран, что было совершенно нелепой задачей для отсталой страны, пережившей тяготы разрушительной войны.

и массовых карательных мероприятий процесс коллективизации вышел за первоначально запланированные рамки: в 1932 г. колхозы и совхозы занимали 77% общей сельскохозяйственной территории. Точно так же окончательный вариант первого пятилетнего плана не имел ничего общего с более ранними вариантами и стал похож на увеличенную до гигантских размеров копию жениха из гоголевской «Женитьбы», черты лица которого позаимствованы у разных людей. Согласно этому варианту предлагалось удвоить национальный доход, практически удвоить основные средства, а также в 4 раза увеличить объем капиталовложений — и все это менее чем за пять лет. Это во многом превосходило даже самые смелые ожидания Преображенского. В то же время предполагалось, что выпуск сельскохозяйственной продукции значительно возрастет — на 55%. Это, по-видимому, шло бы в русле указаний Бухарина, считавшего, что правильное развитие экономики должно следовать американской модели, в которой промышленность занимает ведущее положение относительно быстро развивающегося сельского хозяйства. И наконец, планировалось увеличить общее потребление на 85%. Эта впечатляющая цифра должна была опровергнуть все сомнения в том, что в плане недоучитывались людские потребности — еще один момент, вызывавший опасения Бухарина.

На словах все это выглядело очень красиво, но на самом деле обстояло иначе. Однажды Рудольф Гильфердинг назвал теории Туган-Барановского «марксизмом, сошедшим с ума». Эти слова полностью подходят и для данной ситуации. Действительно, согласно двухсекторной модели второго тома «Капитала» экономика, в которой большую долю совокупного выпуска продукции и капитала составляют средства производства, при прочих равных условиях неизбежно будет развиваться быстрее, чем экономика с меньшей долей средств производства. Как и в любой заслуживающей уважения модели, в Марксовой схеме не говорится, что конкретно нужно делать. По словам Оскара Ланге, она дает лишь возможные альтернативы, а выбор конкретных путей остается за теми, кто будет пользоваться этой схемой. Но в той или иной степени Маркс все-таки отмечает, что одни альтернативы будут слишком дорогостоящими, а другие просто невыполнимыми. Если выпуск подразделения II будет ниже определенного уровня, то неизбежно упадет производительность труда и усилится социальное напряжение. Почти столь же очевидно, что

относительный размер подразделения I ограничивает рост не только экономики в целом, но и самого этого подразделения. Здесь необходимо учитывать и такие факторы, как отношение капитальных вложений к произведенной продукции, средняя продолжительность строительства предприятий, а также возможность сокращения капитальных потребностей подразделения II.

Простой арифметический подсчет показывает, что если вложить все инвестиции в подразделение I, даже если допустить идеальное отношение капитальных вложений к произведенной продукции и идеальные сроки строительства предприятий, то для утроения объема капиталовложений потребуются более пяти лет. Но и это не позволит удвоить совокупный выпуск продукции и совокупный капитал¹. До сих пор в нашей аргументации

---

¹ Произведем грубый расчет, основанный на двух ключевых показателях первого пятилетнего плана: отношении основного капитала к чистому выпуску, составившее 2,9 в первом году, сократится до величины 2,5 в последнем году, а чистые капиталовложения в основные средства составят 15,7% национального дохода в первом году. Этот подсчет показывает, что за 5 лет, вне всякого сомнения, можно было бы увеличить объем инвестиций в основные средства в 6 раз; при этом сами основные средства увеличились бы на 64% вместо запланированных 83%, а национальный доход вырос бы на 90% вместо запланированных 102%. Но составители плана не учитывали, что это могло бы произойти только при выполнении двух невыполнимых условий: 1) все инвестиции должны были бы вкачиваться в подразделение I (это предположение просто абсурдно для страны, в которой накануне большого индустриального рывка 40% общих инвестиций осуществлялось в технически отсталом сельском хозяйстве); 2) средний период строительства составлял бы 1 год (что было абсолютно невозможно). Подсчет, в котором использовались очень близкие цифры (только отношение капитала к объему производства было взято равным трем), показал, что даже если предположить, что период строительства в среднем будет равен не одному году, а трем, то за 5 лет объем инвестиций увеличится лишь немногим более чем вдвое, а основные средства и национальный доход вырастут на 26%. (В действительности, согласно советской статистике, отношение основных средств к объему производства в 1927—1928 гг. в промышленности равнялось приблизительно 1,5, что было ниже среднего показателя советской экономики. Однако валовой объем промышленной продукции должен был увеличиться на 148%, причем подразделение I, требующее больших капиталов, должно было увеличиться в 3 раза; также втрое должны были вырасти основные средства в промышленности).

В действительности само понятие среднего периода капитального строительства имеет сомнительную ценность во время серьезных структурных перемен. Рассмотрим, например, сталелитейное и машиностроительное производства. Относительно друг друга они взаимодополняемы, но не симметричны. Для сталелитейного завода машины требуются на этапе строительства, а для производства машин сталь необходима как при строительстве, так и при ежедневной работе. Поэтому если речь идет о выпуске новыми заводами новой

мы не учитывали такой важный фактор, как технический прогресс, которому создатели плана придавали весьма важное значение. Однако и здесь их ожидания не оправдались.

Ведь осуществлять технический прогресс — это не на пожар бежать. Здесь требуется достаточно времени на эксперименты и обучение. Кроме того, нововведения требуют инвестиций: если внедрять инновации в широком масштабе, то потребуются создавать новое оборудование и устанавливать его на новых заводах. (Здесь мы делаем допущение, что *все* существующее промышленное оборудование будет целенаправленно использоваться только для создания нового, более качественного оборудования, а это допущение совершенно нереалистично.) Следовательно, создать новую технологическую продукцию можно было бы как минимум в два этапа, на что потребовалось бы много времени. Более того, поскольку Сталин испытывал слабость к капиталоемким технологиям, это новое оборудование часто потребляло бы больше стали (и на этапе создания, и при эксплуатации), чем старое. Но с учетом весьма длительного периода строительства сталелитейных заводов необходимый объем продукции не смог бы появиться в нужное время, а заново построенные заводы, использующие сталь, независимо от их технического оснащения просто простаивали бы. Именно это и случилось в 1932—1933 гг.

Нет никаких сомнений в том, что если существовавшие тогда средства производства смогли бы каким-то образом быстро и без особых затрат превратиться в новые (именно с таким предложением выступали неоклассические экономисты, за что совершенно справедливо подверглись осмеянию Джоан Робинсон), то эти планы, возможно, и могли осуществиться. Планы могли стать реальностью, только если по мановению волшебной палочки период капитального строительства сократился бы в тысячи раз. Наверное, Сталин надеялся, что именно это и произойдет в результате сверхчеловеческих трудовых усилий. Должно быть, у него

продукции, предпочтительнее начинать с развития сталелитейной промышленности, а затем уже приступать к созданию производства машин. (Конечно, в случае замкнутой экономики некоторое количество сталелитейного оборудования потребуется уже с самого начала.) Поэтому с общественной точки зрения период строительства будет примерно равен суммарному времени, необходимому для создания сталелитейной промышленности и машиностроения. Естественно, после того, как объемы всех видов промышленности будут соответствовать новым темпам роста и необходимому «порядку боевого марша», такое суммирование будет уже нерелевантным.

были довольно-таки романтические представления о том, что может дать внедряемый в спешке технический прогресс. Но поскольку чуда не произошло, последствия такой политики оказались весьма плачевными. Сроки капитального строительства не сократились, а, напротив, значительно увеличились из-за нехватки строительных материалов и сырья, а также вследствие организационных и управленческих трудностей, возникающих при осуществлении большого числа инвестиционных проектов. (М. Калецкий отметил особую важность последнего фактора более чем 20 лет спустя.) И наконец, увеличение периода капитального строительства оказывало негативное влияние на технический прогресс, поскольку стягивало огромные объемы инвестиций в незавершенное строительство, тем самым усиливая общее напряжение, что не шло на пользу занимающей много времени деятельности по внедрению нововведений. Похоже, авторы сталинского плана по наивности не понимали этого или, возможно, действовали по правилу, сформулированному остряками того времени: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть (в тюрьме. — А.Э.) за низкие».

Здесь, по-видимому, нужно поставить вопрос не о том, каких успехов на пути к неуклонному прогрессу добилась руководимая Сталиным экономика, а о том, как ей удалось избежать полного краха или, по крайней мере, не скатиться по наклонной плоскости вниз. На самом деле нужно было решить несколько проблем. Развитие крупного промышленного сектора, который ощутил на себе все эти искажения, могло идти по одному из трех основных направлений. Можно было начать крупномасштабные поставки продовольствия в город, которые остались бы в большой степени безвозмездными, — «дань» или «сверхналог», как в 1928 г. их назвал Сталин; этому должна была бы способствовать коллективизация. За значительную часть продовольственных товаров, а также за древесину и нефть можно было бы закупить столь необходимое импортное промышленное оборудование и тем самым несколько ослабить невыносимое напряжение, испытываемое выпускающей средства производства отечественной промышленностью. Огромный приток не только горожан, но и крестьян и не только мужчин, но и женщин в промышленность и строительство мог бы сократить разрыв между стоящими задачами и сроками их выполнения, а также направить дефицитные средства производства в приоритетные области промышленнос-

ти. Конечно, определенную роль играли до сих пор не воспетые «подвиги» ОГПУ. И наконец, исключительно важное значение имели грандиозные изменения в организационной структуре. Система, имеющая общий налоговый и денежный контроль и по сути «индикативное» планирование, не смогла бы предотвратить крах экономики, разрываемой ужасающими диспропорциями. Для решения таких задач больше подходило жесткое централизованное планирование, дающее директивы по всем мельчайшим вопросам.

Однако любая из этих возможностей ослабления напряженности обходилась дорогой ценой. Яростное сопротивление крестьян процессу коллективизации, кульминацией которого явилось истребление поголовья скота, заставило составителей плана перебросить гораздо большую по сравнению с первоначальными планами часть дорогостоящих производственных мощностей на изготовление тракторов¹. Большой экспорт продовольствия значительно ухудшил положение потребителей, что, в свою очередь, не могло не оказать отрицательное воздействие на производи-

---

¹ Однако не следует забывать и о возможных искажениях статистики. Вне всякого сомнения, чистый вклад коллективизированного сельского хозяйства в индустриализацию в течение первого пятилетнего плана был меньше, чем можно было ожидать, и соответственно более значимую роль в социалистическом «накоплении» сыграл разрыв между реальными заработными платами и общим объемом промышленной продукции. Но все же Джеймс Миллар, по-видимому, во многом недооценивает последствия коллективизации, когда он, цитируя советского историка Барсова, говорит, что объем продаж промышленных товаров сельскому хозяйству в 1929—1932 гг., в ценах 1928 г., превышал объем продаж сельскохозяйственной продукции в город (см. его работы: Быстрое развитие советской экономики и гипотеза сельскохозяйственного излишка // *Soviet Studies*. 1970. Июль; Массовая коллективизация и вклад советского сельского хозяйства в первый пятилетний план // *Slavic Review*. 1974. Дек.). По замечанию Майкла Элмана, цены 1928 г. завышались для промышленности и занижались для сельского хозяйства. Именно по этой причине объемы продаж промышленных товаров по сравнению с сельскохозяйственными выглядели большими, чем могло бы быть в ситуации, когда ценами не манипулировали. Более того, государственные закупки зерна и чистый объем товарной продукции, измеряемые в физических единицах, резко увеличивались в течение всего периода как в абсолютном выражении, так и относительно величины урожая (*Ellman M. Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR During the First Five-Year Plan?* // *Economic Journal*. 1975. December. (3)). Наконец, необходимо очень четко понимать, что на условия торговли между промышленностью и сельским хозяйством в 1929—1932 гг. влияние оказывал исключительно большой приток механического оборудования, столь необходимый для компенсации потерь скота. При более длительном периоде взаимодействия этих двух отраслей экономики подобные условия были бы совершенно нетипичны.

тельность труда. Резкое увеличение размеров рабочей силы в городе усилило нехватку жилья. К этому добавилось давление инфляции. Кроме того, неквалифицированные рабочие вынуждены были иметь дело с современными технологиями, что приводило к большим потерям и порче оборудования.

Примерно в 1932—1933 г. стало понятно, что если система и дальше будет развиваться в том же направлении, то совсем скоро она рухнет. Станет физически невозможным в том же стремительном темпе расширять сектор тяжелой промышленности, который удвоился по сравнению с 1928 г. Теперь для этого потребовался бы гораздо более значительный перелив средств из сельскохозяйственного сектора, который и так находился на стадии застоя, если не регресса. Невозможно было больше мириться со все увеличивающимся разрывом между ростом машиностроения и размерами производства основного промышленного сырья. Наконец, хотя чрезмерно централизованная система планирования и помогла отсрочить полный развал экономики, она привела к огромному количеству «перекосов», а также породила совершенно неэффективную модель поведения как среди управленцев, так и в низовых звеньях экономики. В рамках основной марксистской модели это вовсе не говорило о стремлении добиться соответствия между уровнем развития производственных сил и производственными отношениями. Напротив, речь здесь шла о том, чтобы попытаться заставить производительные силы вырваться за пределы вполне достижимого, но откровенно принудительного уровня развития производственных отношений и политической надстройки. Отметим также, что производственные отношения и политическая надстройка были взаимосвязаны до такой степени, что стали практически неразличимы.

Сталин взял все это на заметку. Второй пятилетний план отличался от первого по важным аспектам. Хотя разница между капиталовложениями, выделяемыми для подразделения I и подразделения II, еще оставалась большой, она существенно сократилась по сравнению с первым пятилетним планом. Фактически предполагалось, что темпы роста запланированных капиталовложений и запланированных объемов выпуска продукции в подразделении II будут выше, чем в подразделении I. Кстати сказать, основная часть выделяемых подразделению I капиталовложений должна была использоваться для окончательного завершения проектов, начатых еще в первую пятилетку, а не для запуска новых проектов.

Это также помогало снять с экономической системы некоторое напряжение. Когда в 1933 г. Сталин объявил, что запланированные темпы роста могут снизиться с 22 до 13—14%, поскольку «больше не нужно было спешить»¹, его слова прозвучали как шутка. Первый проект второго пятилетнего плана, опубликованный в начале 1932 г., по своим задачам был фактически такой же «вахханалией планирования» (по выражению Наума Ясного), как и окончательный проект плана первой пятилетки. В это время сталинские экономисты продолжали нападать на Преображенского, который осмелился утверждать, что сверхвысокие темпы современного экономического развития в развитом социалистическом обществе будут не нужны. Действительно, совсем скоро ситуация накалилась практически до предела и продолжать двигаться по прежнему пути было бы полным безумием. Хотя Сталин и не признавал это публично, он был хорошо осведомлен о реальном положении дел. Это отчетливо проявилось в его речи на XVIII партийном съезде. Он подверг жесткой критике «некоторых работников Госплана старого состава» за запланированный на 1937 г. выпуск чугуна в размере 60 млн т: «Это была, конечно, фантастика, если не хуже» (4). (А разве лучше было, когда в 1930 г. Сталин собственноручно переправил план выпуска чугуна на 1932 г. с 10 до 15—17 млн т или когда в начале 1931 г. он заявил, что ежегодное увеличение объема выпуска промышленной продукции на 45% вполне реалистично, поскольку Советский Союз богат природными ресурсами?)

И после провозглашения новой главной задачи — догнать и перегнать капиталистические страны по объему выпуска промышленной продукции на душу населения — Сталин хладнокровно добавил: «Для этого требуется время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и немалое»². Конечно, это было не более чем проявление эмоций. Но все же это прозвучало совершенно в иной тональности, нежели его высказывания типа «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики» (5), или «реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами» (6). Наконец, третий пятилетний план, проект которого был опубликован во время

¹ Сталин И.В. Соч. Т. XIII. С. 186.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: ОГИЗ, 1947. С. 579.

работы съезда, хотя и отличался от второго в прогнозах относительных темпов роста двух подразделений, был более реалистичным, чем первый пятилетний план. То же самое можно сказать и о последующих двух пятилетних планах, разработанных (или, по крайней мере, начатых) еще при жизни Сталина. Большинство исследователей приходит к единому мнению, что, хотя эти планы и были достаточно напряженными, во всяком случае они уже не предполагали нечеловеческих усилий.

Последние работы Сталина «Диалектический и исторический материализм» (1938) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) подтверждают эту точку зрения. Более того, они позволяют нам лучше понять его взгляды на важнейшие проблемы, которые ранее им не рассматривались, возможно, по той причине, что он чувствовал себя некомфортно в качестве теоретика, пока были живы противники, явно превосходящие его по интеллекту.

1. Среди самых важных вопросов, впервые затронутых Сталиным, был вопрос об отношениях между производительными силами и производственными отношениями, а также об их взаимоотношении с политической надстройкой. На первый взгляд он следовал общепринятой трактовке. Однако после рассуждений о связи между производительными силами и производственными отношениями, за которыми шла известная цитата из Маркса («ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (7)), Сталин добавил еще один абзац, в котором подчеркивалась огромная важность политической надстройки, способной оказывать мощное влияние на «базис»¹. По сути в этом высказывании не было ничего нового — Маркс и Энгельс неоднократно об этом говорили. Но в этом конкретном контексте присутствовал очевидный намек на то, что советская «надстройка», лично возглавляемая автором данной работы, сыграла исключительную, решающую роль в деле перестройки «базиса». При этом не упоминаются ни взрывоопасный характер этого процесса, ни сопровождавшая его жестокость: ведь замалчивание фактов было в то время делом обычным. Точно так же в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» ни слова не говорится о переходе от принципов ортодоксального марксизма к более

¹ Там же. С. 559.

поздней большевистской позиции. Процесс подтягивания «базиса» до уровня надстройки намеренно изображается чересчур гладким, для чего коллективизация лукаво выводится из ленинского «кооперативного плана»¹.

2. Весьма показательное обращение Сталина к работам классических марксистов, однако в своем труде он коснулся двух гораздо более насущных вопросов. Он недвусмысленно показал, что, с его точки зрения, колхозная форма социалистической собственности на порядок ниже совхозной и должна уступить ей место, поскольку является помехой на пути развития производительных сил. В качестве самого первого шага он предложил, чтобы часть произведенной коллективными хозяйствами продукции, до сих пор закупаемая государством, направлялась для продуктообмена с государственной промышленностью. Здесь наиболее ярко проявилась его неослабевающая подозрительность к любому контролю, который не имел железных рукавиц и допускал хотя бы малейшую долю самостоятельности в нижних эшелонах экономики. Как бы странно это ни прозвучало, но, вероятно, схожие чувства определяли его отношение к машиностроению с середины 20-х гг. до последних лет его жизни. «Ставить на одну доску часть средств

---

¹ Рассмотрим пример весьма искусного смешивания понятий: «Производительные силы нашей страны, особенно (!) в промышленности, имели общественный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства» и т.д. и т.п. (Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 7 (курсив мой. — А.Э.)). Когда речь идет о ленинском «кооперативном плане», подтасовка понятий принимает еще более неприличный характер (там же. С. 202). Совершенно очевидно, что Сталин ссылаясь на статью Ленина «О кооперации» (март 1923 г.). В ней Ленин ни словом не обмолвился о каких-либо производственных кооперативах. Напротив, он подробно доказывал, что нужно осуществлять поддержку только «такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения». Он также замечал, что «быть толковым и грамотным торгашом... вполне достаточно для хорошего кооператора» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371, 374). Короче говоря, совершенно очевидно, что Ленин имел в виду сбытовые, а не производственные кооперативы, понимая, по всей вероятности, что советская экономика еще не была готова к последним.

В начале 1946 г. в «Речи к избирателям» Сталин заметил, что, для того чтобы создать на селе крупные хозяйства, земледельцы сперва должны были разорить крестьян и превратить их в батраков, а это был слишком длительный путь (Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы. М.: Госполитиздат, 1954. С. 19—20). Не хотел ли он этим сказать, что созданная им система смогла решить обе эти задачи одновременно?

производства (сырье) и средства производства, в том числе орудия производства, — значит грешить против марксизма, ибо марксизм исходит из определенной роли орудий производства в сравнении со всеми другими средствами производства»¹. Если иметь в виду, что средства производства являются основными двигателями технологического развития, то с этим утверждением можно согласиться, однако применительно к конкретному производственному процессу оно лишено смысла. Возможно, Сталин хотел найти оправдание тому, что темпы роста машиностроения не соответствовали темпам роста выпуска железа и стали, что было столь характерно для советских пятилеток, особенно для первой. Однако не исключено, что он имел в виду что-то другое. В начале 30-х гг. в одной из своих поучительных речей он восклицает: «Каждая новая фабрика, каждый новый завод является новой крепостью в руках пролетариата»². Может быть, он полагал, что для осуществления контроля над максимально большим количеством людей было бы полезнее иметь большее число «крепостей», в которых люди и машины получали бы меньшее количество стали, чем меньшее число «крепостей» с меньшим количеством людей и машин, но обеспеченных сталью в достаточном объеме. Возможно, Сталин надеялся, что плановая экономика смогла бы компенсировать недостаточный объем производства стали путем целевого распределения произведенной продукции среди наиболее важных потребителей.

3. Конечно, мы не можем быть полностью уверены в справедливости наших предположений, сделанных в конце предыдущего абзаца: трудно сказать, что на самом деле Сталин думал по

---

¹ *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 54. Интересно, что серьезные сомнения по этому поводу выразил Мао Цзедун в своей речи в ноябре 1958 г.: «Говоря о взаимоотношениях между отраслями тяжелой промышленности, Сталин не выявил основной источник противоречия. Он подчеркивал важность тяжелой промышленности и называл производство стали ее фундаментом, а производство машин — ее сердцем. ...Если в качестве фундамента мы выберем сталь, то она будет сырьем, из которого позже будут производиться машины». (Я весьма признателен Харри Мэкдоффу и Карлу Рискину за то, что они обратили мое внимание на этот документ.) Кроме того, Мао Цзедун критиковал Сталина за то, что он всегда «ходил на одной ноге», т.е. придавал огромное значение тяжелой промышленности в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству, а также переоценивал роль техники и кадров, «не доверяя массам».

² *Сталин И.В.* Соч. Т. IX. С. 156—157. Эту цитату приводит Джон Д. Бергамини: Сталин и колхоз // *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought* / Под ред. Э.Дж. Симмонса. Кембридж, Масс, С. 219—220.

этому поводу. Однако его известные высказывания, касающиеся проблем экономического роста при социализме, предельно однозначны. Они вызвали ряд критических замечаний, которые я сейчас постараюсь представить в обобщенном виде. (Большая часть этих замечаний относится к периоду после смерти Сталина, и они были высказаны в основном польскими исследователями Калецки, Брусом и Ласки¹.)

Известное сталинское высказывание о том, что экономический рост («расширенное воспроизводство») возможен только в том случае, когда подразделение I растет быстрее, чем подразделение II, в зависимости от обстоятельств может быть как истинным, так и ложным. Легко можно доказать, что темпы роста прямо пропорциональны доле чистых инвестиций в национальном доходе и обратно пропорциональны количеству прироста капитала на единицу прироста выпуска. (Эта зависимость обычно представляется в виде модели Харрода—Домара или в виде аналогичной модели Калецки). Из этого следует, что темпы роста будут постоянными и положительными при условии, что доля чистых инвестиций в доходе остается неизменной и что величина капитала, затраченного на единицу произведенной продукции, тоже остается неизменной. (Для большей точности будем считать, что норма инвестиций во всех случаях положительна.) Для данных условий очевидно, что сталинское высказывание ложно. Оно будет еще более ошибочным, если предположить, что капиталоемкость произведенной продукции снижается (например, в результате внедрения капиталосберегающих технологий). Но если капиталоемкость увеличивается, а темпы роста необходимо удержать на прежнем уровне, то соответственно должна увеличиться и доля инвестиций в национальном доходе. Наконец, для того чтобы *поднять* темпы экономического роста, необходимо увеличить и долю инвестиций, и она должна вырасти еще больше, если одновременно увеличивается капиталоемкость выпускаемой продукции.

Такая ситуация вполне реалистична для стран, находящихся на начальных этапах индустриализации: здесь темпы экономического роста по определению должны увеличиваться. Вне всяких сомнений, этот процесс приведет к ускоренному развитию капиталоемких секторов экономики, особенно в условиях ограниченной

---

¹ *Kalecki M.* Dynamika inwestycji I dochodu narodowego w gospodarce socjalistycznej // *Economista*. 1956. N 5; *Economia politycznu socjalizmu* / Ed. by W. Brus. Warsaw, 1965; *Laski K.* Zarys teorii reprodukcji socjalistycznej. Warsaw, 1965.

международной торговли. Именно по этой причине в конце 20-х гг. экономисты, представляющие две главные группировки в большевистской партии, пришли к единому мнению, что в конечном счете подразделение I должно было опережать подразделение II. Но ведь Сталин заговорил об этом лишь 25 лет спустя, когда позади были 4 пятилетки и Советский Союз в результате стал второй сильнейшей мировой державой, в национальном доходе которой невероятно большую долю составляло подразделение I. Более того, современные тенденции технологического прогресса неизбежно предполагали увеличение капиталоемкости продукции.

Именно поэтому трудно усмотреть хоть какой-нибудь экономический смысл в непоколебимой уверенности, что необходимо увеличивать скорость капиталовложений без учета обстоятельств. Гораздо легче увидеть недостатки такой политики. Высокие темпы роста, даже если они будут постоянными, рано или поздно должны привести к истощению ресурсов рабочей силы. Это, пожалуй, произошло бы скорее раньше, чем позже, если бы советская экономика подчинилась сталинским указаниям и продолжила увеличивать и так достаточно высокую долю капиталовложений в национальном доходе. По мере достижения критического уровня составители планов попытаются переключиться на более капиталоемкие технологии. Но при повышении выпуска продукции на одного занятого также повысятся капиталовложения, необходимые для выпуска единицы продукции, что, как мы уже видели, негативно сказалось бы на темпах роста. А затем неизбежно возникло бы противоречие между растущими потребностями в капитале и увеличивающейся долей инвестиций. При этом, как убедительно подчеркивал А. Бергсон, когда доля потребления в национальном доходе начала бы сокращаться, все труднее было бы сохранить темпы роста на прежнем уровне.

Конечно, можно было бы назвать такой подход неоправданно статичным. Можно предположить, что в стране с развитой промышленностью в ответ на дефицит рабочих ресурсов последует ускорение темпов технологического развития¹. Совершенно

---

¹ По замечанию Джоан Робинсон, общепринятое разграничение между улучшениями, осуществляемыми в пределах какой-то технологии, и технологическим прорывом за ее пределы имеет весьма сомнительную ценность, поскольку полностью скопировать можно только действующую технологию. Поэтому переход на давно разработанные, но еще не опробованные методы трудно отграничить от истинных инноваций. Однако она признает, что ситуация может быть иной в развивающихся странах, имеющих широкую возможность выбора технологий, уже разработанных в странах с развитой экономикой.

необязательно, что рабочие стали бы работать только на более крупных машинах; в первую очередь им нужно оборудование более высокого качества. Поэтому можно было бы ожидать, что распространение инноваций будет происходить быстрыми темпами. Однако советская экономика не распахнула двери перед технологическим прогрессом из-за особенностей ее экономического и государственного устройства. Чрезмерная напряженность (пусть даже и несколько меньшая, чем ранее) делала попытки по внедрению новых технологий трудновыполнимой и малопривлекательной задачей, поскольку в стране существовал устойчивый «рынок продавцов» оборудования. Дополнительные препятствия также создавала существующая система сверхцентрализованного планирования, которая характеризовалась мучительно медленными информационными потоками и нежеланием части управленцев брать на себя риск невыполнения плана, вызванный неизбежными на начальном этапе сложностями перехода к новым методам производства и внедрения новых продуктов. (Теперь ситуация, несомненно, была хуже, чем раньше, вследствие более сложной структуры экономики и необходимости принятия гораздо большего количества решений.) Кроме того, учитывая тот факт, что планы были завышенными, а часто они еще и увеличивались, руководители предприятий старались заполучить как можно больше единиц знакомого оборудования, действуя по принципу «знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил». Все это привело к парадоксальной ситуации, когда медленные темпы технологического прогресса пытались компенсировать расточительным использованием капиталовложений. Такие попытки продолжали предприниматься, но, судя по непрекращающимся жалобам советского руководства, давали лишь частичный эффект. В результате накопление пытались осуществлять не только с чрезмерной скоростью (пусть даже и с меньшей, чем раньше) по сравнению с имевшимися людскими ресурсами, но и без учета реальных возможностей. Таким образом, в ход были пущены и модель накопления из тома I, и двухсекторная модель из тома II. Ситуация усугублялась тем, что при одновременном использовании эти модели мешали друг другу, что привело к таким негативным последствиям, как, например, замедление скорости технологического прогресса¹.

---

¹ Это не означает, что скорость технологического прогресса в Советском Союзе ниже, чем в предыдущий период, или что она безусловно ниже по сравнению с развитыми капиталистическими странами, хотя на возможность пос-

На это можно возразить, что Сталин не был последователем Струве и что эффективное и плавное экономическое развитие страны не было его главной целью. Он с радостью использовал любой новый рычаг власти, неважно, какой ценой добытый, поскольку это давало возможность еще сильнее укрепить советское государство от внешних и внутренних врагов, а также потому, что еще не были исчерпаны все возможности «закрутить гайки» контроля над обществом. Таким случаем являлся запланированный переход от колхозов к совхозам. Сталин не стал бы всерьез рассматривать предположение о том, что разработанный «поздним» Бухариным план выполнения сверхважной задачи модернизации советской экономики, возможно, привел бы к столь же впечатляющему экономическому прогрессу, однако ценой меньших человеческих страданий и с меньшими затратами. По-видимому, в глубине души Сталин ощущал (говорить об этом было бы безумием с его стороны), что ужасающие жертвы, которых потребовала от общества его модель индустриализации, в некотором смысле значительно укрепляли существующую систему и, вне всякого сомнения, упрочивали его собственные позиции. Жернова коллективизации перемололи тот слой людей, который обладал хоть какой-то долей экономической свободы и который составлял основную массу населения страны. Чрезмерная нагрузка и напряжение, пронизывающее все сферы жизни, создавали ложное впечатление единого порыва героического труда на благо общего дела. Когда царило настроение «победить любой ценой», проявление инакомыслия было гораздо легче объявить предательством и узаконить диктатуру в качестве как гаранта прогресса, так и меча, карающего врагов, которые стремились использовать в своих целях недовольство населения, — об этом живописал проф. Гершенкрон. Если убрать эмоции, то система запланированного дефицита способствовала расколу общества тем, что подавляла волю людей, настраивала их друг против друга и увеличивала разницу между уровнями их доходов. Здесь речь

ледного намекали видные советские деятели. Это просто означает, что технологический прогресс в Советском Союзе шел медленнее, чем можно было бы ожидать с учетом все еще сохраняющегося «преимущества отсталости» и интенсивного проведения научных исследований и разработок. Кроме того, еще одной причиной недостаточной скорости технологического прогресса было внедрение лозунга «догнать и перегнать», в то время как на Западе полным ходом осуществлялась «научно-техническая революция».

идет не о возвращении «старой дряни» (по поводу этого К. Маркс высказывал опасения в «Немецкой идеологии»), а о триумфальном шествии «новой дряни» в виде новой привилегированной прослойки (но еще не класса), представляющей огромный ресурс для руководства страны. При этом если бы эта прослойка слишком много возомнила о себе, ее можно было бы быстро привести в чувство кадровыми перетасовками. Наконец, великий рулевой не скрывал, что получает огромное удовлетворение от своей деятельности, даже когда речь шла о самых неприглядных ее аспектах. Однако к концу своей карьеры Сталин почувствовал растущее напряжение. Он хорошо понимал, что необходима «генеральная уборка», что проявилось в его более пространных, чем раньше, рассуждениях об ограничениях экономики («экономических законах»). Он упрекал тех, кто считал, что стране любая задача по плечу, и мрачно замечал: «Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона» (закона планового пропорционального развития. — А.Э.)¹. И все же Сталин фактически ни на шаг не отступил от своей позиции. Он совершенно отчетливо дал понять, что в роли верховного хранителя «законов» он будет наделен единоличными полномочиями, а его бесцеремонное отношение к «закону стоимости» не добавляло оптимизма. Наконец, его настойчивые требования «опережающего роста подразделения I» без формулировки каких-либо дополнительных условий и без обозначения временных рамок создавали почву для нарушений экономических законов. Это был несколько более осмотрительный и осторожный волюнтаризм, но все равно это был чистейшей воды волюнтаризм. Такова была ситуация, когда Сталин сошел со сцены.

Для того чтобы подвести итоги, зададимся вопросом: какое влияние оказали на Сталина марксистские модели и какое влияние Сталин оказал на них? Конечно, Сталин пользовался ими с выгодой для себя. Хотя этим моделям недоставало элегантности и их использование вызывало определенные сложности, все-таки они явились мощным средством для привлечения внимания к таким ключевым факторам экономического роста, как взаимодействие между капиталовложениями и технологическим про-

---

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 9.

грессом, различные способы контроля и мобилизации ресурсов, необходимость соответствия технологического развития общественной организации и многосекторная структура растущей экономики. Сталин сразу уловил сущность этих моделей, нацеленных на взаимоотношения между производством и ростом производства. Более того, он полностью осознал, что идеологическую мобилизацию нужно подкрепить столь уважаемой теорией (если не на деле, то хотя бы на словах), что было особенно необходимо для процесса, с гордостью провозглашавшего своим кредо «научный подход». Он с легкостью проигнорировал тот факт, что, хотя модели «говорили в пользу» быстрого развития (если модели вообще могут «говорить в пользу» чего бы то ни было), они посылали тревожные сигналы по поводу чрезмерных темпов роста, а также указывали на взаимозависимости, нарушение которых может привести к страшным последствиям. Вместо этого Сталин использовал основные концепции марксистской теории, иногда весьма уместно, но чаще всего грубо и в искаженной форме, полностью противоречащей их внутренней логике. Как говорил известный чешский экономист, «большими прыжками лучше заниматься в спортивном зале», а сама идея создать в течение нескольких лет жизнеспособный базис для полного построения социализма в преимущественно крестьянской стране на основе невыполнимых программ по духу и по букве не имела ничего общего с марксизмом. В результате удалось достичь быстрого экономического роста, но этот экономический рост сопровождался ужасающей нищетой, громадными потерями ресурсов и извращением главных целей: формально коллективные производительные отношения были лишены духа «свободы и равенства», которым они должны были обладать, как считали классики марксизма и их последователи. На ранних стадиях процесса производительные силы не соответствовали возложенным на них задачам. А теперь, после того как они развились, окрепли и начали требовать более свободной формы экономической организации, они столкнулись с непреодолимым сопротивлением — типично марксистский набор «противоречий». В основном сталинские искажения марксизма остались в прошлом, однако не перестает вызывать опасения тот факт, что частично они все еще живы.

А.А. Белых

О СХЕМАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА К. МАРКСА В ДИСКУССИИ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Обсуждение проблем индустриализации было невозможно без использования количественного анализа экономики прежде всего на макроэкономическом уровне. Единственной моделью, которую могли использовать для этого практически все участники дискуссии, были схемы воспроизводства К. Маркса. Во-первых, это было вызвано тем, что дискуссия велась в рамках марксизма, а у К. Маркса было всего две макроэкономические модели — схемы воспроизводства и модель цен производства. Во-вторых, для понимания схем не требовались существенные математические знания в отличие от дифференциальных уравнений, которые использовали В.А. Базаров и Г.А. Фельдман. В своей книге А. Эрлих исходил из того, что читателю теория воспроизводства К. Маркса хорошо известна. Для более полного понимания концепций участников дискуссии дадим краткое описание схем воспроизводства и того, как они воспринимались в рассматриваемый период.

Теория воспроизводства содержится во втором томе «Капитала», опубликованном Ф. Энгельсом в 1885 г., уже после смерти К. Маркса. Для работы над вторым томом у Ф. Энгельса имелось 8 неоконченных рукописей. Первые 4 были написаны Марксом в 1865—1870 гг., а затем наступил перерыв, вызванный болезнью. К этому периоду относятся и занятия К. Маркса математикой. В 1877 г. Маркс возобновил работу над вторым томом «Капитала», результатом чего стали рукописи V—VIII. Существенно то, что теория расширенного воспроизводства была развита им только в рукописи VIII, т.е. на ее подготовку повлиял интерес Маркса к математике. К сожалению, как писал Ф. Энгельс в

предисловии ко второму тому «Капитала», эти последние рукописи «слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающим болезненным состоянием»¹. В частности, писал Ф. Энгельс, в рукописи VIII «нередко прерывается логическая последовательность, местами в изложении имеются пробелы и, особенно в конце, оно имеет совершенно отрывочный характер»². Тем не менее Энгельсу удалось издать достаточно связный и логичный текст.

В схемах Маркса фигурируют два подразделения экономики — производство средств производства и производство предметов потребления. В продукте каждого из них выделяется постоянный и переменный капиталы и создаваемые прибавочные стоимости, обозначаемые C , V и M соответственно. Предполагается, что цикл производства составляет один год и что средства производства полностью возмещаются за этот период. Средства производства, необходимые для первого подразделения (подразделения I), производятся и обмениваются в рамках этого подразделения. Аналогичная ситуация с предметами потребления, производимыми и потребляемыми во втором подразделении (подразделении II). Для нормального хода простого воспроизводства нужно, чтобы средства производства, равные по стоимости переменному капиталу (V_1) и прибавочной стоимости (M_1) подразделения I, были обменены на предметы потребления, стоимость которых равна изнашиваемому постоянному капиталу подразделения II (C_2), т.е., чтобы выполнялось равенство $V_1 + M_1 = C_2$. Это равенство было сформулировано самим Марксом³. При расширенном воспроизводстве одна часть прибавочной стоимости подразделения I (M_1) потребляется ($M_{1П}$), а другая идет на накопление в виде постоянного ($M_{1НС}$) и переменного капитала (M_{1HV}), т.е. выполняется $M_1 = M_{1П} + M_{1НС} + M_{1HV}$. В этих обозначениях основное уравнение расширенного воспроизводства может быть записано следующим образом: $V_1 + M_{1П} + M_{1HV} = C_2 + C_{2НС}$, т.е. сумма переменного капитала (V_1), потребляемой части прибавочной стоимости ($M_{1П}$) и части прибавочной стоимости, накапливаемой в виде переменного капитала (M_{1HV}) в подразделении I, должна быть равна сумме постоянного капитала (C_2) и

¹ Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат. Т. 24. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ См. там же. С. 453.

накапливаемой как постоянный капитал части прибавочной стоимости (C_{2HC}) в подразделении II. Однако само это уравнение Марксом сформулировано не было, хотя приведенные им два числовых примера содержали именно такое соотношение. Это уравнение впервые сформулировал Н.И. Бухарин в 1925 г. в полемике с Р. Люксембург в работе «Империализм и накопление капитала». В современной терминологии эти схемы могут быть названы моделью равновесного роста.

Вслед за примерами во втором томе «Капитала» помещен раздел «Обмен C_2 при накоплении». В нем, однако, не принимается во внимание слагаемое M_{1HV} и обсуждается только соотношение величин $V_1 + M_{1П}$ и C_2 . Таким образом, правильные числовые примеры процесса воспроизводства противоречили последующим рассуждениям К. Маркса.

В схемах воспроизводства не задается в явном виде соотношение между величинами C и V . Отношение C/V Маркс называл органическим строением капитала, его динамика является показателем технического прогресса. Однако если рассматривать модель схем воспроизводства саму по себе, без дополнительных предположений, нельзя заранее сделать выводы о темпах роста подразделений I и II или о скорости технического прогресса. Впоследствии это дало возможность различного использования и интерпретации этой модели участниками дискуссии об индустриализации.

В России схемы воспроизводства разрабатывались М.И. Туган-Барановским. Вместо традиционных двух подразделений он выделил три — производство средств производства, производство предметов потребления для капиталистов и рабочих. Кроме того, он первым стал в явном виде учитывать рост органического строения капитала. Расчеты по модифицированным схемам позволили ему сделать вывод о возможности такого развития экономики, в ходе которого расширение общественного производства сопровождается стабильным либо сокращающимся общественным потреблением¹. Он утверждал также, что «если бы производство было организовано планомерно, если бы рынок обладал полным знанием спроса и властью пропорционального распределения производства, свободного передвижения труда и

¹ См.: Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. Пг.; М.: Книга, 1923. С. 189.

капитала из одной отрасли промышленности в другую, то, как бы ни было низко потребление, предложение товаров не могло бы превысить спрос»¹. Фактически М.И. Туган-Барановский показал, что вполне возможно такое развитие экономики, при котором производство осуществляется для производства, а потребление остается на относительно низком уровне или даже снижается. Однако он писал о возможности роста экономики при снижении потребления как о гипотезе и отмечал, что она неверна для современного ему периода капитализма, поскольку реальная заработная плата повышалась.

В ходе полемики с народниками о развитии капитализма в России В.И. Ленин заинтересовался схемами воспроизводства. В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» он модифицировал схемы воспроизводства, выделив в первом подразделении средства производства для выпуска средств производства (группа 1) и средства производства для выпуска предметов потребления (группа 2). В его расчетах темпы роста группы 1 превосходили темпы роста группы 2². Ленин построил модель сбалансированного роста с техническим прогрессом. Более того, он считал возможным применение схем воспроизводства не только для капитализма, но и для коммунизма и в подготовительных материалах работы о книге Р. Люксембург «Накопление капитала» дал соответствующие примеры. Эти работы Ленина могли бы быть полезными для дискуссии об индустриализации, но этого не случилось. Работа о рынках была известна лишь узкому кругу лиц и долгое время вообще считалась утраченной. Она была издана только в 1937 г.³ Материалы о книге Р. Люксембург «Накопление капитала» были опубликованы только в 1933 и 1975 гг.⁴

¹ Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы. СПб.: Издание О.Н. Попова, 1900. С. 30.

² См.: Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 67–121.

³ Н. Валентинов в своих воспоминаниях писал, что эта рукопись намеренно пряталась М.М. Ульяновой и поэтому была обнаружена и опубликована лишь после ее смерти (см.: Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа: Воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 252).

⁴ Ленин В.И. Замечания на книгу Р. Люксембург «Накопление капитала» // Ленинский сборник. Т. XXII. М.: Партиздат, 1933. С. 337–390; Он же. набросок плана и материалы к работе о книге Р. Люксембург «Накопление капитала» // Ленинский сборник. Т. 38. М.: Политиздат, 1975. С. 86–94.

В ходе дискуссии об индустриализации в 20-е гг. схемы производства вновь привлекли внимание. Естественно, что применительно к России подразделение I, выпускающее средства производства, в основном совпадало с государственной промышленностью, а подразделение II, выпускавшее предметы потребления, — с частным сельским хозяйством. Поэтому соотношения подразделений, по мнению участников дискуссии, во многом объясняли взаимоотношения государственного и частного секторов. Для Н.И. Бухарина схемы расширенного воспроизводства были дополнительным аргументом в пользу его концепции сбалансированного роста. При этом, как показывает А. Эрлих в своей книге, вопрос об источниках роста был не вполне ясен. Один из вариантов решения был предложен Е.А. Преображенским, сформулировавшим так называемый закон первоначального социалистического накопления. Согласно этому закону основным источником накопления должна была стать перекачка ресурсов из сельского хозяйства в государственный сектор. Бухарин, критикуя такой подход, указывал на взаимозависимость различных отраслей и темпов их роста и назвал его «прикладной туган-барановщиной»¹. Политически такой аргумент был для Бухарина полезным, однако по сути дела он ошибался.

Основные идеи Е.А. Преображенского были изложены в первом томе его книги «Новая экономика». Для опровержения критиков он предполагал написать второй том, в котором, в частности, хотел обосновать свой закон, используя схемы воспроизводства К. Маркса. Завершить свой труд ему не удалось, но ряд глав из второго тома были опубликованы в журнале «Вестник Коммунистической академии» в 1926 и 1927 гг.² Е.А. Преображенский модифицировал схемы, введя в них отдельно государственный и частный секторы. На основании анализа примеров схем воспроизводства он пришел к выводу о том, что при росте органического строения капитала нормальное расширенное воспроизводство невозможно, если в подразделении I органическое строение капитала выше, чем в подразделении II³. В результате им был сде-

¹ Бухарин Н.И. Некоторые проблемы экономической политики. М.: ЦУП ВСНХ СССР, 1925. С. 6.

² См. также: Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922—1928 гг. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008.

³ См.: Преображенский Е.А. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 50.

лан вывод о постоянном дефиците продукции подразделения I и о том, что для поддержания воспроизводства необходимо перенесение части капитала из подразделения II в подразделение I. Преображенский считал это верным как для капиталистической экономики, так и для условий СССР. Поскольку промышленность относилась в основном к подразделению I, а сельское хозяйство — к подразделению II, был сделан вывод о том, что перекачка ресурсов из сельского хозяйства в промышленность действительно была необходимым условием расширенного воспроизводства.

Однако следует отметить, что Преображенский при рассмотрении обмена между двумя подразделениями не учитывал ту часть прибавочной стоимости подразделения I, которая накапливалась как переменный капитал, т.е. величину M_{1HV} (см. выше). Фактически он следовал рассуждениями Маркса, но именно это было неправильным. Отсутствие в расчетах одного из слагаемых, естественно, создавало в его модели дефицит продукции подразделения I. Так математическая ошибка в интерпретации схем воспроизводства стала дополнительным «аргументом» в пользу закона первоначального социалистического накопления.

Естественно, использование идей, связанных со схемами воспроизводства, не определяло и тем более не исчерпывало аргументацию противоборствующих сторон. Однако сделанные нами комментарии помогают лучше понять саму дискуссию и некоторые разделы книги А. Эрлиха.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Белых А.А. История российских экономико-математических исследований (первые сто лет). М.: URSS, 2007. 237 с.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. (Сер. «Экономическое наследие»). 544 с.

Бухарин Н.И. Некоторые проблемы экономической политики. М.: ЦУП ВСНХ СССР, 1925. 87 с.

Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа: Воспоминания. М.: Современник, 1991. 337 с.

Дубнова-Эрлих С.С. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб.: Максима, 1994. 296 с.

Ленин В.И. Заметка к вопросу о теории рынков // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 44—53.

Ленин В.И. Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. М.: Политиздат, 1985. Т. 40. С. 383—432.

Ленин В.И. Замечания на книгу Р. Люксембург «Накопление капитала» / Ленинский сборник. Т. XXII. М.: Партиздат, 1933. С. 337—390.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.

Ленин В.И. набросок плана и материалы к работе о книге Р. Люксембург «Накопление капитала» // Ленинский сборник. Т. 38. М.: Политиздат, 1975. С. 86—94.

Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 67—121.

Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.

О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928.

Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922—1928 гг. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008. 639 с.

Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886—1920 гг. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. 726 с.

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1947. С. 535—563.

Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1947. С. 535—563.

Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1947. С. 535—563.

Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М.: Госполитиздат, 1954. 24 с.

Сталин И.В. Соч.: В 3 т. / Ed. by R.H. McNeal. Stanford, California, Hoover Institution on War, Revolution and Peace. 1967.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.

Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. Пг.: Книга, 1923. 384 с.

Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы. СПб.: Издание О.Н. Попова, 1900. 355 с.

Baland J.-M. The economics of price scissors: A defence of Preobrazhensky // *European Economic Review*. 1993. January. Vol. 37. Issue 1.

Boettke P.J. The Political Economy of Soviet Socialism. The Formative Years, 1918—1928. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1990. 292 p.

Davies R.W. Review of The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928 by Alexander Erlich // *Soviet Studies*. 1961. July. Vol. XIII. N 1.

Desai P. Alexander Erlich: Biographical Sketch / *Marxism, Central Planning and the Soviet Economy: Economic Essays in Honour of Alexander Erlich* / Ed. by P. Desai, Cambridge, MA and L.: MIT Press, 1983.

Erlich V. Child of a Turbulent Century. Northwestern University Press, 2006. 227 p.

Flaherty D. Erlich, Alexander (1913—1985) // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008; *The New Palgrave Dictionary of Economics Online*, Palgrave Macmillan. 19 May 2009, DOI:10.1057/9780230226203.0500

Gregory P. The Soviet Agricultural Surplus: A Retrospective // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. N 4.

Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundation. Soviet Economic Policies, 1928—1940. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1992. 339 p.

Millar J.R. A Note on Primitive Accumulation in Marx and Preobrazhensky // *Soviet Studies*. 1978. July. Vol. XXX. N 3.

Александр ЭРЛИХ
ДИСКУССИИ ОБ ИНДУСТРИЛИЗАЦИИ
В СССР
1924—1928

Гл. редактор *Ю.В. Луизо*
Зав. редакцией *М.Р. Зребная*
Художник *В.П. Коршунов*
Компьютерная подготовка
оригинал-макета *А.В. Жилкин*
Корректор *Ф.Н. Морозова*

Подписано в печать 21.06.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Ньютон». Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1500 экз.
Заказ № 1536. Изд. № 232.

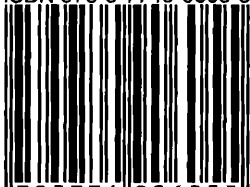
Издательство «Дело» Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий отдел — тел.: 433-2510, 433-2502

com@anx.ru
www.delo.ane.ru

Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

ISBN 978-5-7749-0605-5

9 785774 906055